

САНЬСИНДУЙ – НОВАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ЮЖНОГО КИТАЯ

Долгое время информация «Исторических записок» Сыма Цяня о существовании во II тысячелетии до н.э. на территории Сычуаньской впадины древнего государства Шу [Сыма Цянь, 1972, С. 185] не подтверждалась археологическими находками. Впрочем, многочисленные летописные сведения о Шу чжоуского, циньского и ханьского времени всегда считались достоверными. Поэтому, когда весной 1929 г. в Сычуани, на территории, где существовало древнее Шу, было обнаружено скопление нефритовых предметов, достоверность преданий о Шу шанского времени вроде бы начала подтверждаться. В это же время, в 1928 г., начались научные раскопки на Иньском городище в Аньяне. Они принесли многочисленные находки бронзовых сосудов, оружия, гадательных костей с надписями и остатков дворцовых (или храмовых) построек, что полностью подтвердило историческую достоверность существования Шан. Ничего похожего, особенно крупных бронзовых изделий, в Сычуани долгое время не встречалось.

Лишь в июле 1986 года в районе Саньсиндуй уезда Гуанхань провинции Сычуань была обнаружена большая прямоугольная яма, где найдены 13 слоновьих бивней, кости других животных, отлитые из бронзы головы с угловатыми чертами лица [Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань, 1987, С. 1-15]. Во второй, вскрытой рядом яме, найдены ветвистое бронзовое дерево, бронзовые сосуды, 41 бронзовая голова различных размеров, более шестидесяти обуглившихся бивней слонов, стоящая на высоком пьедестале фигура человека, отлитая из бронзы [Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань, 1989, С. 1-20]. Всего в первой яме найдено порядка 300 различных изделий, во второй – около 600. Обнаруженные артефакты сделаны из бронзы, слоновой кости, камня, золота, нефрита, керамики [Саньсиндуй, 1999, С. 23]. Предметы укладывались в ямы в особом порядке. Самый нижний слой в яме номер один составляли изделия из нефрита. Вторым слоем размещались бронзовые и золотые предметы. Третий слой составляли кости животных. И, наконец, в четвертом слое выкладывались бронзовые клевцы *гэ* и керамика. Кости животных были перед погребением предварительно обожжены. То же самое можно сказать и о многих бронзовых предметах. Таким образом, совершался ритуал очищения огнем. Подобный ритуал отражен в надписях на шанских гадательных костях из Аньяна [Yan Ge, Kathryn Linduff,

р. 506-507]. Это привело исследователей к заключению, что ямы были связаны с церемонией жертвоприношения. Обе ямы обнаружены в пределах укрепленного городища, занимавшего площадь в 10 км² [Дебен-Франкфор, 2002, С. 67].

Бронзовые изделия Саньсиндуя включают большое изваяние стоящего человека, бронзовое «священное дерево», статуэтки коленопреклоненных людей, бронзовые антропоморфные головы и маски разных размеров, бронзовую колонну с изваянием взобравшегося на нее дракона, бронзовые урны *лэй* и чарки *цзунь*, блюда, крышки, колокольчики, предметы в форме мотыги, украшения в виде фениксов, птиц, змей, разнообразные бронзовые пластины, клевцы *гэ*, предметы в виде клевцов *гэ*, секиры *юэ*, долота, наконечники стрел и т.д. Голова крупного изваяния стоящего человека увенчана узорчатым головным убором, длинная одежда, также украшенная узорами, запахнута на левую сторону, ноги изваяния босые, на них видны браслеты (рис. 1:1). Руки изображены так, словно они что-то держат, вполне возможно, что в руках у статуи находился съемный предмет, который не сохранился. Статуя возвышается на двух воздвигнутых один на другом постаментах. Один представляет собой резной табурет, на котором и стоит человек, второй постамент лишен орнамента и служит основой для всего изваяния. Общая высота изделия составляет 2,6 м, высота самой статуи – 1,8 м, что близко к размерам реального человека. Статуэтка коленопреклоненного человека небольшая, высотой всего 15 см. Этот человек одет в запахнутый на правую сторону халат и короткие штаны (рис. 1:8). Другие статуэтки людей в высоту достигают также лишь 15-20 см (рис. 1:7).

Бронзовые маски в сечении полукруглые, некоторые из них имеют зрачки в виде выступающих наружу из орбит цилиндров (рис. 1:2). Все находки снабжены гигантскими ушами и большим ртом (рис. 1:3). Бронзовые головы бывают разных видов: без головных уборов, с головными уборами (рис. 1:5), куполообразным украшением на головных уборах (рис. 1:4), с волосами, собранными в косу, с головными уборами, имеющими два выступа по бокам (рис. 1:7) и т.д. Из-за того, что головы полые внутри и имеют форму, похожую на трубу, а шея их книзу заострена, было высказано предположение, что данные изделия надевались на деревянные столбы (бревна) и также образовывали статуи, смонтированные из различных материалов. Колонна с изображением взобравшегося на нее дракона в сечении круглая, в верхней части плоская, слегка наклонная, дракон передней частью туловища располагается на ее вершине, его нижняя часть вытянулась вдоль колонны, что придает фантастическому существу вид только взбирающегося на нее животного (рис. 1:6).

Бронзовые сосуды имеют очевидную связь с вещами иньской культуры. Узоры с изображением *таотэ* в большом количестве встречаются на венчиках и плечиках урн *лэй* и чарок *цзунь*, часто звериные изображения располагаются парно, с двух противоположных сторон. Лезвия клевцов гладкие, также как и у подобных изделий с Центральной равнины. Предметы,

Рис. 1. Бронзовые изделия из Саньсиндуй.

- 1 – статуя на двойном постаменте; 2, 3 – большие бронзовые маски;
 4, 5 – бронзовые головы; 6 – дракон, взбирающийся на колонну;
 7, 8 – статуэтки коленопреклоненных людей.

напоминающие по форме клевцы 29, имеют два зазубренных прямых лезвия. В 1988 году в одной из ям Саньсиндуй были обнаружены две бронзовые пластинки трапецевидной формы, в сечении слегка изогнутые, напоминающие тем самым черепицу. Одна пластинка имела узор в виде

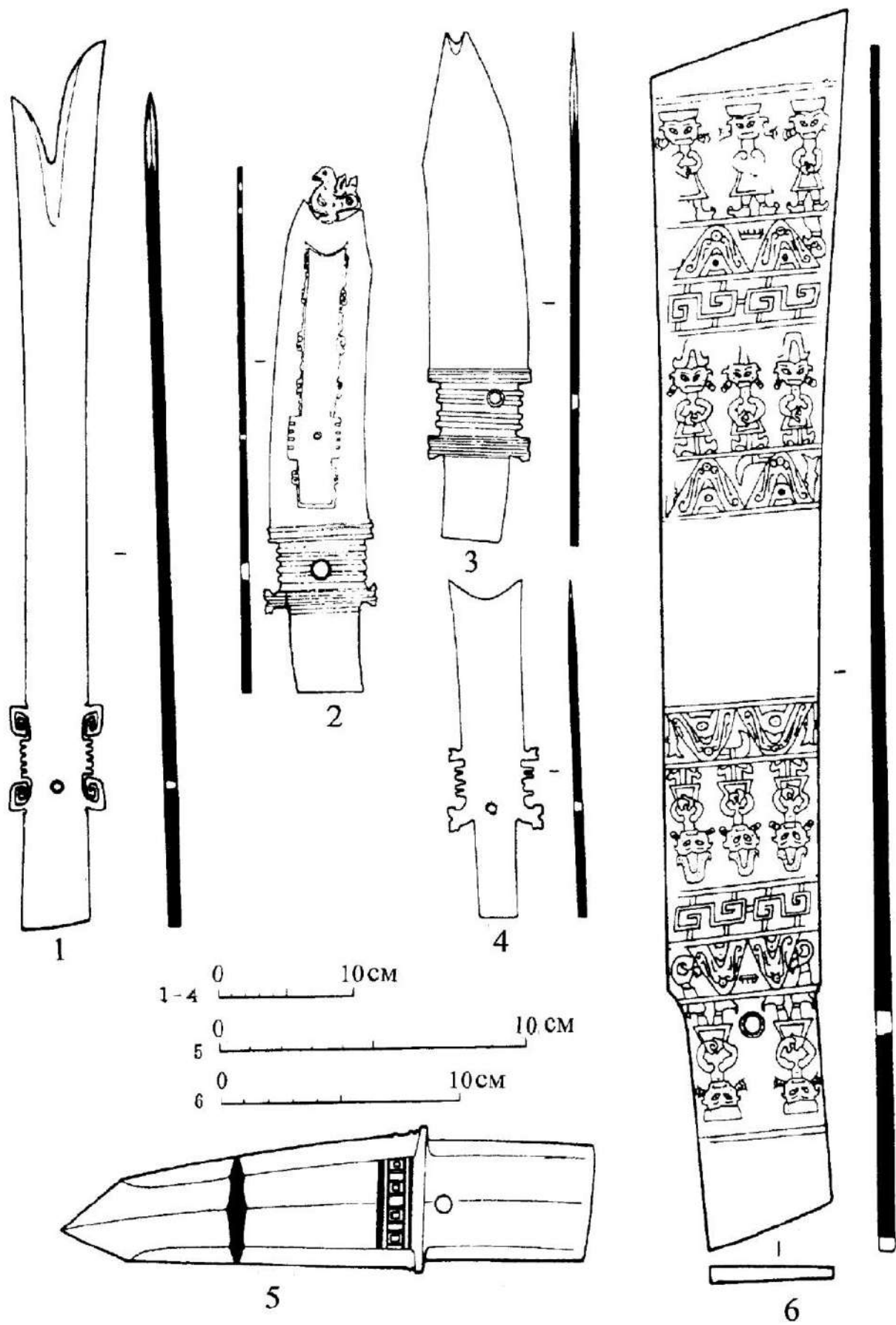

Рис. 2. Нефритовые изделия из Саньсиндуня.
1-4,6 – скипетры чжан; 5 – нефритовый клевец гэ.

повторяющихся букв «S», другая была украшена рельефным узором, инкрустированным бирюзой. Подобные инкрустированные бирюзой предметы встречались и в Эрлитоу [Варенов, 1990, С. 59], что подтверждает достаточно раннюю дату Саньсиндуя.

Среди нефритовых предметов встречаются нефритовые скипетры с заостренными концами *чжан* (рис. 2:1-4,6), клевцы *гэ* (рис. 2:5), квадратные регалии с круглым отверстием посередине *цзунь*, круглые плоские диски *би*, плоские кольца *юань*, кольца *хуань*, топорики *ци* (в виде круглой яшмы), топоры, долота, тесла, ножи, трубочки, бусы. Большинство нефритовых предметов было найдено внутри бронзовых сосудов *лэй* и *цзунь*. В количественном отношении преобладали нефритовые клевцы. В обеих ямах их обнаружено 39 экз., каменных клевцов – 10 экз. По форме и нефритовые, и каменные клевцы похожи на бронзовые. Керамика Саньсиндуя в основном делалась из песчанистого теста, глинистых изделий очень мало. Бурая по цвету керамика преобладает, серая встречается реже. Керамика некрашенная, что касается орнаментации, то в основном, это веревочный орнамент, также встречается орнаментация в виде прямых линий и наколок острыми предметами. На ранних этапах культуры вся керамика лепилась вручную, позднее гончарный круг заменил ручную лепку. В обеих жертвенных ямах в Саньсиндуе было обнаружено более 4700 морских раковин *каури*, часть их находилась в самом низу ям, часть – в бронзовых сосудах *цзунь*, *лэй* и в бронзовых головах.

Бронзовые изделия Саньсиндуя демонстрируют высокий уровень литейного производства, ни в чем не уступая шанским того же времени. Глина, найденная внутри полых бронзовых голов, является местной, таким образом, можно смело утверждать, что многие бронзы Саньсиндуя изготавливались на месте, а не завозились извне. Основными металлами были медь, олово, свинец. Использовались сплавы меди и олова, меди и свинца или всех трех металлов, а значит, древние шусцы достаточно хорошо владели техникой плавки, что позволяло им сочетать несколько металлов сразу. При этом состав бронзы зависел от назначения предмета, например, в ритуальных предметах древнего Шу содержание олова было достаточно низким, а свинца высоким, в предметах быта – наоборот. Соотношения примесей имели свои устойчивые пропорции, которые не совпадали с пропорциями, используемыми в шанском Китае. Кроме того, в бронзовых изделиях Шу не встречаются примеси цинка, а в шанских бронзах небольшие примеси цинка довольно распространены. В шуских бронзах с использованием олова или олова и свинца часто можно встретить добавления фосфора, что является особенностью металлургии этой культуры. Фосфор позволяет увеличивать пластичность бронзы, повышает прочность и твердость металла. Это говорит о том, что шусцы уже владели техникой раскисления (обескислороживания).

Считается, что в Саньсиндуе бронзу стали производить начиная с 1500 г. до н.э. Имеющиеся датировки позволяют утверждать, что в эпоху заселе-

ния Аньяна, служившего последней столицей Шан с 1300 по 1050 г. до н.э., в Сычуани уже существовала самобытная и развитая цивилизация эпохи бронзы, которая и получила название культура Саньсиндуй. На данный момент наиболее полно исследованы пять памятников культуры Саньсиндуй в уезде Гуанхань провинции Сычуань: Пилусы, Яньдуйцзы, Шифо, Цзиньхуа, Даянь, и три в уезде Шэньфан провинции Сычуань: Жэньминьсиньянь, Саньбао, Шуйняньхэ. Китайские ученые полагают, исходя из имеющихся данных по распространению культуры Саньсиндуй, направлению ее развития, эволюции стиля и наличию контактов между Шу и Шан, что культура Сычуаньской котловины автохтонна. Но в Саньсиндуе она предстает уже в готовом виде, проследить процесс ее становления сложно. Возможно, это не культура одного народа или государства, а сочетание компонентов разных традиций соседствующих народов или государств Сычуаньской котловины.

Список литературы

Варенов А.В. Реконструкция иньского защитного вооружения и тактики армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. Новосибирск: Наука, 1990. С. 56-72.

Дебен-Франкфор К. Древний Китай. М.: Астрель – АСТ, 2002. – 159 с.

Саньсиндуй цзисы кэн. [Жертвенные ямы Саньсиндуя]. – Пекин: Вэньбу, 1999 – 628 с. (на кит. яз.).

Сыма Цянь. Исторические записки. – Т.1. – М.: Наука, 1972. – 440 с.

Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань. Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 1 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань // Вэньбу. – 1987 № 10. – С. 1-15. (на кит. яз.).

Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань. Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 2 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань // Вэньбу. – 1989 № 5. – С. 1-20. (на кит. яз.).

Yan Ge, Linduff K.M. Sanxingdui: a new Bronze Age site in southwest China // Antiquity. – vol. 64. – No 244. – September, 1990. – p. 505-513.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ САНЬСИНДУЙ ПО БРОНЗОВЫМ МАТЕРИАЛАМ ЖЕРТВЕННЫХ ЯМ

Большинство находок культуры Саньсиндуй бронзового века Сычуаньской котловины (18–10 вв. до н.э.) (рис. 1) являются уникальными, встречающимися только в этой культуре, но в данном исследовании нас интересуют бронзовые предметы, встречающиеся и на других территориях, в частности, в шанском Китае - это бронзовая утварь первой и второй жертвенных ям, использовавшаяся для ритуальных церемоний [Чжунго каогусюэ, 2003].

В первой жертвенной яме была обнаружена бутылка *поу*. находка сохранилась фрагментарно и представляет собой часть округлого плечика с небольшим венчиком. По венчику проходят две выпуклые линии, на плечике частично сохранился узор в виде традиционного для Китая Центральной равнины стилизованного дракона, орнаментированного спиральями.

Рис. 1. Провинция Сычуань на карте Китая.

По форме и орнаментации данная бутыль схожа с бронзовыми находками памятников Сяотунь (пров. Хэнань), Угун (пров. Шэньси), а также с предметами шанской стоянки Тайсицунь (пров. Хэбэй) [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999]. Данные предметы датируются первым периодом культуры Иньской (прим. 14 – 13 вв. до н.э.).

Жертвенные сосуды *цзунь* с украшением в виде голов баранов, драконов, тигров по плечикам (рис. 2) распространены на разных территориях, а в первой жертвенной яме Саньсиндуй обнаружено два подобных сосуда. Они имеют широкий отгибающийся венчик, ровные плечики, высокий округлый поддон.

Характерно, что у данных сосудов нет четкой границы между основным узором и орнаментом, который этот узор заполняет. Тулово сосуда

Рис. 2. Бронзовый сосуд *цзунь*. Культура саньсиндуй (по: [Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган, 1998]).

и поддон украшены зооморфными личинами, которые образуют подобие маски *таоте*.

По форме сосуда сходны с найденными на памятнике Байцзячжуан (второй период Эрлиган (15 в. до н.э.)) и в культуре Иньсуй первого периода. Также фрагмент подобного сосуда с изображением дракона и тигра был найден в Жуньхэ (Юээрхэ) провинции Аньхой [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999], его датировки совпадают с первым периодом культуры Иньсуй. Параллели с аньхойской находкой можно найти и в технологии литья данного сосуда, но ввиду фрагментарности данной находки об этом нельзя заявлять с полной уверенностью.

Блюда *пань* также представлены одним предметом. По форме его можно сравнить с найденным в могиле №2 памятника Лицзяцзуй в провинции Хубэй. Орнаментация тулова жемчужинами была характерна для периода Байцзячжуан в Чжэнчжоу и раннего этапа первого периода культуры Иньсуй.

Как можно заметить, практически все находки, по которым можно провести аналогии, в Саньсиндуй, единичны, возможно, они попали туда благодаря развитым торговым и культурным контактам. Однако суммируя полученные по этим аналогиям данные, можно сказать, что нижний предел для находок из бронзы первой жертвенной ямы – первый, второй периоды Эрлиган (16 - 15 века до н.э.), верхний предел - ранние этапы первого периода культуры Иньсуй (прим. 14 век до н.э.), находки, которые могли бы датироваться более поздними этапами, не встречаются.

Основными предметами второй жертвенной ямы, аналогии которым мы можем проследить, это округлые и квадратные сосуды *цзунь*, округлые и квадратные сосуды *лэй*.

Округлые сосуды *цзунь* I – III типов, как правило, украшены головами коров. Таких предметов было найдено восемь. Среди них сосуды I и III типов тонкостенные, у сосудов II типа стенки достаточно толстые. Венчик имеет ровные края; тулово глубокое и прямое, дно ровное, поддон округлый и короткий.

Форма округлых сосудов *цзунь* I и III типов совпадает с округлым сосудом на поддоне, найденным в М331 в Сяотунь [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999].

Сосуды *лэй* I и II типов имеют прямой венчик, узкие плечики с расположенными на них бараньими головами, глубокое и прямое тулово, ровное дно, круглый и короткий поддон. По форме находки напоминают сосуды *лэй*, найденные в пригороде города Шаши в провинции Хубэй, и на памятнике Жунвань в уезде Юэянсянь провинции Хунань. Единственное отличие состоит в том, что обнаруженные в Хубэй и Хунань сосуды имеют высокий поддон, а у сосудов I и II типов он короткий, возможно, эти находки датируются более ранним временем [Чэнь Дзэнь, 1998].

Узор в виде стилизованного дракона по плечикам схож с изображениями зооморфных личин по плечикам сосудов культуры Иньсуй. Зооморфные

личины имеют широкий рот, что характерно для раннего и среднего периодов; узоры в виде птиц схожи с птичьим орнаментом на сосудах *цзунь* с изображениями *таоте*, обнаруженными в Цинцзяньсянь провинции Шэньси, схожий орнамент в виде птиц встречается также на сосуде *дин* из могилы №1004 в Иньсуй (второй период Иньсуй) [Иньсуй Фухаому, 1980].

У крышки округлого сосуда *лэй* II типа орнамент достаточно ровный, практически невыпуклый. В средней части крышка украшена завитками, треугольными спиралями и жемчужным орнаментом. Орнамент образует зооморфную личину. Горлышко этих двух сосудов короткое, поддон округлый и короткий. Форма и орнаментация говорят о достаточно ранних датировках, примерно о первом отрезке второго периода культуры Иньсуй.

Сосуды типов IV и V принято считать более поздними [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999].

Округлые сосуды *цзунь* позднего периода, украшенные коровьими головами, имеют высокий округлый поддон и небольшое тулово.

Орнаментация одного из округлых сосудов *цзунь* IV типа схожа с орнаментацией сосудов *цзунь* с изображением *таоте*, найденных в Гусуцунь в уезде Чэнгу в провинции Шэньси, в Цзаоян провинции Хубэй, в городе Шаши [Сунь Хуа, 2000]. Благодаря подобным аналогиям, среди всех находок позднего периода этот сосуд может быть датирован как наиболее ранний. Единственное, что не позволяет говорить о прямых аналогиях, это более высокий поддон по сравнению с найденными в Иньсуй.

Округлые сосуды *цзунь* V типа украшены головами баранов, орнаментация плечиков, тулова, поддона изображают зооморфную личину. Основной узор плечиков - это стилизованный дракон, орнаментированный спиралями. Основной узор тулова – расположенные отдельно зооморфные личины. Поддон также украшен личиной с тигриными ушами. Все данные изображения заполнены спиралями.

Форма и стиль орнаментации напоминают сосуд *цзунь*, найденный в Гусуцунь в провинции Шэньси, относящийся ко второму периоду Иньсуй [Сунь Хуа, 2000] (рис. 3).

Кроме того, были найдены два фрагмента округлого и квадратного сосудов *цзунь*.

В первом случае, это часть плечика округлого сосуда *цзунь*, орнаментированного широкими линиями, которые образует зооморфную личину. На плечике есть украшение, по форме напоминающее птицу, подобные украшения сходны с изображениями птиц сосудов *лэй*.

Во втором случае, был обнаружен фрагмент плечика квадратного сосуда *цзунь*, на котором достаточно равномерно расположенные толстые линии образуют узор в виде дракона, плечики украшены сидящими птицами с поднятыми вверх хвостами - это особенность квадратных сосудов *цзунь* второго периода культуры Иньсуй.

Скошенные плечики у округлых сосудов *цзунь* в регионе культуры Иньсуй часто встречаются в первом, втором периодах, в третьем периоде их

Рис. 3 Бронзовый сосуд *цзунь*.
Культура иньсьюй (по: [Иньсьюй Фухаому, 1980]).

количество заметно сокращается, а появляются сосуды ровные и прямые, напоминающие по форме кубки. Сосуды *цзунь* такого типа в большом количестве встречаются во второй жертвенной яме, но также и округлые и квадратные сосуды *цзунь*, округлые и квадратные сосуды *лэй*, что говорит о том, что все основные виды жертвенной утвари второго периода культуры Иньсьюй также распространены и в Саньсиндуй. Но в Иньсьюй не было обнаружено встречаемых в Саньсиндуй округлых сосудов *цзунь* с высоким поддоном или с немного выпуклым поддоном. Можно предположить, что в Саньсиндуй подобные предметы продолжают развиваться и изменяться самостоятельно, потому что в Иньсьюй в третьем периоде культуры они уже практически не встречаются.

Округлые сосуды *лэй* позднего периода украшены тремя рядами орнамента. Основной узор – это зооморфные личины; орнамент, напоминающий иероглиф «𠄎», покрывающий плечики, схож с орнаментацией плечиков бронзового сосуда *лэй*, найденного в пригороде города Шаши в провинции

Хубэй и на памятнике Жунвань в провинции Хунань [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999]. Традиционная орнаментация вдавленными и выпуклыми узорами стала четче, форма и общий стиль отличаются от характерных для ранних периодов, скорее всего, они соотносятся с поздним этапом второго периода культуры Иньсуй.

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к следующим выводам - находки первой жертвенной ямы относятся к первому периоду Иньсуй (прим. 14 в. до н.э.), находки второй жертвенной ямы остаются в рамках второго периода культуры Иньсуй (13 в. до н.э.). Разделение на периоды внутри самой культуры представляется отдельным вопросом.

Предметов первой жертвенной ямы очень мало, сложно провести точный анализ, поэтому бронзовые предметы первого, второго периодов Эрлиган и первого периода Иньсуй рассматриваются в рамках одного внутреннего этапа.

Что касается находок второй жертвенной ямы, то китайскими исследователями был проведен химический анализ бронзовых изделий, в ходе которого было установлено, что более ранними являются фрагменты плечиков и сосуды со звероподобными личинами, обычно украшенные стилизованными драконами, более поздними являются сосуды с сидячими на плечиках птицами. Соответственно, эти находки можно разделить на два этапа в рамках второго периода культуры Иньсуй.

Ямы заполнялись не одновременно, учитывая тот факт, что были обнаружены туннели, идущие от ям к поверхности, можно с уверенностью сказать, что предметы, учитывая определенные религиозные нужды, могли подкладываться в ямы в течение нескольких лет. Таким образом, можно объяснить и разницу в датировках находок внутри ям.

Список литературы

Иньсуй Фухаому [Могила Фухао культуры Иньсуй]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1980. – 242 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй цзисыкэн [Жертвенные ямы Саньсиндуй]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. – 628 с. (на кит. яз.).

Сунь Хуа. Сычуань пэньдидэ цинтун шидай [Эпоха бронзы Сычуаньской котловины]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000. – 397 с. (на кит. яз.).

Чжунго каогусюэ [Археология Китая]. – Пекин: Чжунго шэжухэй кэсюэ чубаньшэ, 2003. – Т.: Ся-Шань. – С. 491–513. (на кит. яз.).

Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган. Саньсиндуй. Чанцзян шанью вэньмин чжунсинь таньсо [Саньсиндуй. Исследования центра цивилизации верхнего течения Янцзы]. – Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1998. – 71 с. (на кит. яз.).

С. А. Комиссаров¹, Е. А. Гирченко²Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, РоссияИнститут археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, РоссияE-mail: ¹ sergai@mail.ru; ² orient@lab.nsu.ru**САНЬСИНДУЙ: ЗЕМЛЯ БРОНЗОВЫХ ИСПОЛИНОВ***

Статья посвящена культуре бронзового века *саньсиндуй*, локализованной в Чэндуской котловине и представлявшей самостоятельный центр цивилизации, практически синхронный шанскому. В сложении этой культуры приняли участие как местные неолитические племена, так и мигранты с севера (носители сино-тибетобирманских языков) и востока (аустрические племена). Значительную часть ее бронзового инвентаря составляли скульптуры людей или, чаще, голов-личин, которые использовались в ритуалах, связанных с культом предков. С помощью ретроспективного метода удается связать культуру *саньсиндуй* с этногенезом народа *шзу*.

Ключевые слова: бронзовый век, Саньсиндуй, жертвенники, бронзовые статуи, бронзовые маски, соляренный миф, ритуал, охота за головами, народ *шзу*.

Культура *саньсиндуй* названа по эпонимному памятнику, расположенному в уезде Гуанхань провинции Сычуань, КНР. Первые остатки этой культуры (яма с нефритовыми изделиями) случайно обнаружили крестьяне в 1931 г. во время полевых работ [Саньсиндуй..., 1999. С. 9]. Первые исследования памятников, отнесенных впоследствии к этой культуре, проводились в 1930-е гг. английским археологом В. Х. Донниторном, затем главой музея при Западнокитайском университете, американским археологом Д. С. Грэмом и его заместителем Линь Минцзюнем [Graham, 2006. P. 20]. Большой интерес к этим находкам проявил выдающийся китайский специалист по эпиграфике и древней истории Го Можо, который тогда жил в Японии. В июле 1934 г. в письме к Линь Минцзюню он связал их с остатками государства (племени) Шу, известного по надписям на гадательных костях из Иньского городища, а затем по участию в походе

против Инь под руководством чжоуского У-вана (см.: [Ли Сюэцин, 1997. С. 30]). В 1940-х гг. материалы из Гуанхань включил в свои обзорные работы по сычуаньским древностям другой известный китайский археолог, проф. Чжэн Дэкунь [2007. С. 233–241]. В связи с событиями антияпонской, а затем гражданской войны раскопки прекратились и вновь начались в 1950-х гг. В 1981 г. было предложено обобщающее название «культура *саньсиндуй*», которое постепенно вытеснило другие термины (культура *гуанхань*, тип *чжунсинчан* и т. д.).

Важным событием стало открытие в 1986 г. на территории городища Саньсиндуй двух жертвенных ям, в которых найдено около 1 720 артефактов, включая бронзовые маски, головы и статуи. Одному из авторов данной статьи благодаря любезности сычуаньских коллег во время научной командировки в г. Чэнду посчастливилось познакомиться с этими находками весной 1987 г.,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00489а).

когда их только привезли из «полей» и еще не очистили полностью от земли. Но уже тогда были очевидны уникальность и исключительная информативность этих бронз, а также их ритуальный («шаманский») характер [Комиссаров, 1989]¹.

В дальнейшем на территории Чэндуской равнины были сделаны многочисленные находки, отнесенные к *саньсиндуй*, а также предшествующей эпохе позднего неолита – раннего металла. Наиболее примечательным стало открытие в 2001 г. памятника Цзиньша, более позднего по времени, где также найдены многочисленные бронзовые и нефритовые предметы [Хуан Цзяньхуа, 2003].

Открытия в Саньсиндуй вкупе с находками в Нюхэлян, Лянчжу и Учэн способствовали существенному изменению системы взглядов, которые вплоть до конца 1980-х гг. преобладали в китайской историографии. От концепции единственного (шанского) центра цивилизационного развития в регионе, связанного с бассейном среднего течения Хуанхэ, ученые довольно решительно перешли к представлению о множественности очагов различных цивилизаций, на основе которых формировались разные этносы. Богатство находок в Саньсиндуй дает возможность для этнологических интерпретаций. Поэтому одну из основных целей данной статьи авторы видели в том, чтобы проследить связи между саньсиндуйскими находками и зафиксированными характеристиками исторических, а при возможности – и современных этносов (в первую очередь *шцзу*²).

Городище Саньсиндуй имеет форму вытянутой трапеции, образованной оборонительными сооружениями сложной конструкции, состоявшей из стены, внешней и внутренней насыпей и внешнего рва. Сохранились восточная, западная и южная стены. Северная стена, возможно, размыта р. Яцзыхэ, либо сама река служила оборонительным рвом. Стены сохранились частично, участками от 600 до 2 700 м; ширина в основании около 40 м, наверху около 20 м,

наибольшая сохранившаяся высота достигает 8 м. Строились они способом трамбованной земли (*ханту*), в верхней части обкладывалась сырцовым кирпичом.

Застройка внутри города довольно плотная. Всего на территории памятника вскрыто более 50 объектов, относящихся к разным горизонтам, что свидетельствует о его длительном использовании. Обнаружено 18 строений каркасно-столбового типа: опорные столбы устанавливались в ямки, между ними дополнительно вкапывались шесты и стволы бамбука, пространство между которыми заполнялось глиной, смешанной с травой. Жилища в основном прямоугольной или квадратной формы, площадью 10–25 кв. м. Помимо центрального, как правило, есть боковые входы, некоторые с перегородкой. Жилая поверхность из утрамбованной земли, иногда покрытой сверху слоем белой глины. Самое большое прямоугольное в плане строение (до 200 кв. м), очевидно, предназначалось для общественного использования [Чжунго каогусюэ..., 2003. С. 495]. Площадь немногочисленных округлых сооружений составляла лишь 3–4 кв. м, с ямой для опорного столба посередине. Возможно, это были временные или подсобные помещения [Гуанхань саньсиндуй ичжи..., 2006. С. 138].

В центральной части городища открыто семь жертвенных ям прямоугольной формы. Внутри преобладают ритуальные предметы из нефрита, но в ямах № 1 и 2 обнаружено также большое количество изделий из бронзы и других материалов, а также обожженные кости, в том числе десятки слоновьих бивней. Предметы укладывались в ямы в особом порядке. Самый нижний – первый уровень, занимал нефрит, на втором помещались бронзовые и золотые вещи, на третьем – кости животных, на четвертом – бронзовые клевцы и керамика. Создание подобных жертвенных ям связано с церемонией сакральной смерти вещей, которая встречается во многих традиционных культах. Именно ритуальными действиями, а не случайными внешними факторами, можно объяснить изобилие пепла и обожженных вещей в составе комплекса.

Стратиграфическая колонка памятника насчитывает 16 слоев. Китайские археологи выделяют четыре этапа культуры, основываясь в первую очередь на эволюции керамики и аналогиях с культурами сопредель-

¹ Е. А. Гирченко в 2011 г. осмотрела весь комплекс находок, представленных в Музее Саньсиндуй (г. Гуанхань) и сделала ряд фотографий, которые приводятся в качестве иллюстраций.

² *Ицзу* (*лоло*) – один из крупнейших тибето-бирманских народов, численность которого, согласно переписи 2000 г., составляла около 7,8 млн чел. (см.: [Решетов, 2008]).

ных территорий и среднего течения Хуанхэ. На данный момент проведены радиоуглеродные исследования 16 образцов древесины и бамбука из разных уровней и мест памятника. Наиболее ранняя дата определена как $4\,900 \pm 130$ л. н., наиболее поздняя – как $2\,875 \pm 70$ л. н.

По мнению китайских исследователей, культура *саньсиндуй* развивалась на протяжении 1 700 лет. Первый период (4 500–3 700 л. н.) представлен плоскодонными горшками, как с высоким горлышком, так и без такового, а также сосудами на поддоне. Как правило, керамика неорнаментированная, но встречается шнуровой орнамент. Сохранились глинобитные строения с бамбуковым каркасом. В китайской литературе высказано предположение о том, что уже к этому периоду следует отнести закладку трех стен городища, которое связывают с деятельностью легендарных правящих кланов Цаньцун и Богуань, что требует дополнительного изучения. Данный период, по мнению большинства китайских археологов, представляет собой заключительный этап поздненеолитической культуры *баодунь*, которая представлена несколькими небольшими городищами и подразделяется на четыре периода. Есть несколько калиброванных дат по радиоуглероду: $4\,665 \pm 135$, $4\,615 \pm 135$, $4\,020 \pm 260$ л. н. [Цзян Чжанхуа и др., 2001. С. 714]. Последний этап этой культуры постепенно переходит в начальный этап *саньсиндуй* (см., напр.: [Ван И, Сунь Хуа, 1999]). Такая стратиграфическая последовательность прослежена на нескольких памятниках, однако типологическая преемственность, на наш взгляд, пока обоснована недостаточно – для этого не хватает опубликованных материалов. Близкой по культурному содержанию и хронологии к *баодунь*, памятники которой в основном расположены на западе провинции Сычуань, является культура *шаопэнцзуй* восточных районов. Предположительно, первую из них можно связать с предками народа *шу*, а вторую – с предками народа *ба*, которые в бронзовом веке объединились в двуединую этнокультурную общность *ба-шу* [Цзян Чжанхуа и др., 2001. С. 719].

Второй и третий периоды (собственно культура *саньсиндуй*) охватывают период 3 700–3 100 л. н. Керамика на данном этапе претерпевает некоторые изменения: горшки сильно сужаются к днищу, сосуды на под-

доне вытягиваются и принимают облик чаш на высокой ножке. Встречаются ковши с рукояткой, выполненной в виде птичьей головы, а также крышки. К данному этапу относятся парадные изделия из бронзы (сосуды *цзунь*, *лэй*) и нефрита (клевец, скипетры, кольца). Эти два периода объединяются вместе (внутренний рубеж приходится примерно на 3 400 л. н.), поскольку в их рамках Саньсиндуй становится центром государства Шу («древнего»), с правителями из клана Юйфу, о чем повествуют местные легенды. К этому же этапу на территории основного городища относятся фундаменты больших зданий, а также целый район, отведенный исключительно под культовые сооружения.

Четвертый период датируется в рамках 3 100–2 800 л. н. На данном этапе преобладает остродонная керамика, основные типы сосудов остаются прежними, меняется лишь форма днища. Наиболее исследованным памятником этого периода является городище Цзиньша, где также найдены нефритовые скипетры и клевцы. Поздний период *саньсиндуй* многие исследователи (например, Чжан Сяома из Института материальной культуры и археологии провинции Сычуань) относят к культуре *шиэрцяо* (см.: [Чэнь Сысы, 2010]). Данный вывод представляет особый интерес, поскольку, с одной стороны, эта культура продолжает линию *саньсиндуй* [Чжунго каогусюэ., 2004. С. 548–552], а с другой – именно ее связывают с историческими («поздними») царствами Ба-Шу [Чжао Дяньцзэн, 2004. С. 6–8]. Эта традиция продолжается до завоевания региона царством Цинь в 316 г. до н. э. и позднее, вплоть до 200 г. до н. э. [Сунь Хуа, 2001].

Металлообработка в древнем Шу появляется на уровне среднего или позднего периода Шан (не позднее XIII в. до н. э.) и развивается параллельно с шанской традицией, во многом от нее отличаясь. В Саньсиндуй встречаются изделия из чистой меди, но преобладают различные бронзовые сплавы: олово + медь, свинец + медь, олово + свинец + медь. Большинство бронз относятся к последнему из сплавов. При этом примеси в бронзе зависели от назначения предмета. Например, в ритуальных изделиях содержание олова было достаточно низким, а свинца высоким, а в бытовых – наоборот. В бронзовых изделиях Шу не встречается примеси цинка, тогда как в Шан она доста-

точно распространена, хотя и в небольших количествах. В шуских бронзах с добавкой олова или олова + свинца часто фиксируется и фосфор, что является особенностью металлургии этой культуры. Фосфор позволяет увеличивать пластичность бронзы, повышает прочность и твердость металла [Чэнь Дэань и др., 1998. С. 24].

Находки из бронзы включают в себя фигуру стоящего человека больших размеров, интерпретированного как статуя правителя государства Шу, бронзовые антропо- и зооморфные головы и личины, «священный алтарь», сосуды для жертвенной утвари, колокольчики, клевцы, фигурки животных, украшения и два дерева.

Голова «статуи правителя» украшена узорчатым головным убором, пола длинной одежды, также украшенной узорами, запахнута на левую сторону, одежда многослойна, прорисована очень четко, ноги изваяния босые, на ногах видны браслеты. Руки словно держат какой-то предмет, который не сохранился. Сама статуя находится на двух постаментах. Один представляет собой резной табурет, второй никаких рисунков не имеет и служит основой для всего изваяния; общая высота составляет 2,6 м [Гуанхань саньсиндуй ичжи эрхао..., 2006. С. 183].

Бронзовые головы (54 предмета) с различными головными уборами и прическами отлиты полыми внутри, а их шеи имеют выступы с острыми краями (рис. 1–2). Все они отливались в каменных формах, поверхность их шлифовалась; каждая обладает несомненными индивидуальными особенностями, однако у всех крупный нос и большие глаза, большинство загадочно улыбаются, что несвойственно для стилистики шанских изображений Центральной равнины. Уши у всех проколоты, в отверстия вставлены съемные сережки. Для украшения применялась краска: черная для прически, красная для губ. Отметим, что в более позднее время обычай раскрашивать ритуальные скульптуры был реализован при создании терракотовой армии Цинь Шихуанди и каменных «баб» поминальных комплексов тюркской эпохи. Некоторые головы заполнены внутри раковинами *каури*. Высота головы без шеи составляет от 12,5 до 20 см, а с шеей – до 40 см. Особенности оформления (наличие внутренней полости, острый край шеи) позволили предположить, что бронзовые головы венчали цельные фи-

гуры, сделанные из глины или дерева, которые также использовались в ритуале [Лабеецкая, 2006]. На четырех экземплярах закреплены золотые маски, что дало основание предположить наличие подобных масок, только бронзовых, и на других головах, причем в ряде случаев эта маска буквально сливалась с лицом [Варенов, Гирченко, 2012. С. 18–19]. Использование масок еще больше подчеркивает условность в оформлении бронзовых скульптур, но не исключает ориентации на какой-то реальный образец. Мощный образ-сюжет «маски, ставшей лицом» не мог не восприниматься создателями культуры *саньсиндуй*, но трактовался, очевидно, не в этическом, а в ритуально-мифологическом аспекте (рис. 3).

В 1988 г. в одной из ям обнаружены две бронзовые дощечки трапециевидной формы с отверстиями. На одной нанесен S-образный узор, другая украшена рельефным узором с бирюзовой инкрустацией. Подобные предметы встречались на памятнике Эрли-тоу, что дополнительно подтверждает раннюю дату Саньсиндуй [Варенов, Гирченко, 2008. С. 155].

Уникальный облик антропоморфных изображений, которым трудно найти прямые аналогии в Китае, порождает различные интерпретации проблемы этнической (и даже расовой) принадлежности населения древнего Шу. Некоторые ученые видят в них европеоидные черты и связывают с миграцией на восток индоевропейских народов (см.: [Кравцова, 2003. С. 103]). Однако отношение прототипов бронзовых истуканов к белой расе отнюдь не очевидно; вполне возможны и другие интерпретации (например, американоидность). Статуи изображали в бронзе каких-то мифических героев или умерших предков, представителей «иногo» мира, которые могли существенно отличаться от реальных людей, вплоть до диаметральной противоположности. Можно вспомнить монументальные «каменные головы» в культуре ольмеков; не исключена их функциональная и даже в какой-то мере стилистическая близость к саньсиндуйским находкам. Известно, что часть ольмекской антропоморфной скульптуры по ряду внешних признаков напоминает представителей негроидной расы, хотя какие-то культурные контакты между Африкой и Центральной Америкой в ту эпоху не обнаружены. Поэтому большинство археологов отвергает их

принадлежность к «эфиопскому типу» и считают портретными изображениями местных правителей [Табарев, 2005. С. 110].

Чтобы проследить развитие культуры *саньсиндуй* необходимо воспользоваться ретроспективным подходом. Изучение культуры *шиэрицяо* позволяет наметить линию прямого развития от *саньсиндуй* до государств Ба-Шу. Как считал Р. Ф. Итс [1972. С. 228], *басцы* (и *иусцы*) были прямыми

предшественниками народов группы *ицзу* (*йи*). Антропологи следующим образом описывают основные расовые характеристики *ицзу* (которые, впрочем, прослеживаются и у австроазиатских *седангов* и *бахнаров* во Вьетнаме): «...очень мала частота эпикантуса, лицо сильно выступает вперед в горизонтальной плоскости, а нос четко очерчен и сильно выступает, тогда как волосы прямые, что указывает на независимость ука-

Рис. 1 (фото). Бронзовая голова-личина из жертвенной ямы № 2 в Саньсиндуй: высота 40,3, ширина 60,5 см (экспозиция Музея Саньсиндуй в г. Гуанхань, инв. № К2/2:153; фото Е. А. Гирченко)

Рис. 2 (фото). Бронзовые головы из жертвенной ямы № 2 в Саньсиндуй; высота ближнего экземпляра 40 см (экспозиция Музея Саньсиндуй в г. Гуанхань, инв. № К2/2:17; фото Е. А. Гирченко)

занных черт от веддоидной примеси. Эти признаки делают их схожими с американскими индейцами»³. Данное описание вполне приложимо к саньсиндуйским бронзовым изваяниям.

Современный исследователь Ван Чанфу, сам *шэу* по национальности, выделил ряд элементов на саньсиндуйских бронзах, который сопоставил с традиционной культурой своих соплеменников по таким этнически значимым характеристикам, как одежда,

головной убор и головные украшения, прическа. Изображенный на некоторых бронзовых головах обычай собирать волосы в одну прядь соответствует описанию прически («волосы, собранные в пук») у племени *цунду*, проживавшего «к северу от Дянь» (т. е. на территории современной Сычуани). Данная деталь отмечена в 116-й главе «Повествование о *синань*» («юго-западных варварах») в составе «Исторических записок» (см.: [Сыма Цянь 1982. С. 2991]).

На других скульптурах отражен обычай закрывать голову плетеным («в виде косы») убором, что полностью соответствует способу повязывать головной платок у современных *шэу*. В мочках ушей у большинства

³ Богатенков Д. В., Дробышевский С. В. Антропология (Тема 5. Расовое многообразие человека). URL: <http://ido.rudn.ru/psychology/anthropology/5.html#5.5> (дата обращения 21.05.2012).

Рис. 3 (фото). Бронзовая маска из жертвенной ямы № 2 в Саньсиндуй; высота 20,4, ширина 23,4 см (экспозиция Музея Саньсиндуй в г. Гуанхань, инв. № К2/3:227; фото Е. А. Гирченко)

личин проделаны отверстия для серег, что соблюдается мужчинами-*йи* и в наше время. Наибольшее число совпадений выявлено на самой большой («княжеской») фигуре: высокая парадная шапка, край халата с V-образным вырезом вместо стоячего воротника, укороченные штаны, нарукавники (*лоло* называют их *сянь*), специальная лента (*дута*), которой отмечали героев, сходство узоров на платье с современными украшениями костюма. Каждый из перечисленных элементов в отдельности не может служить доказательством генетических связей между саньсиндуйцами и этнографическими *ицзу*, но в совокупности они делают данную гипотезу вполне убедительной. К перечисленным элементам Ван Чанфу добавляет обряд кремации (на памятнике и у современных *лоло*), сходство между саньсиндуйскими нефритовыми жезлами и отличительным знаком колдунов-*бимо* у *ицзу*, а также развитый миф о «лишних» солнцах и лунах (их, соответственно, пять и шесть), которые сбивает стрелами герой ийского эпоса Чжигэаэр⁴.

Помимо перечисленных особенностей, связывающих культуру *саньсиндуй* с предками тибето-бирманских *ицзу*, можно выделить в ее составе отдельные черты, характерные для этнографии австралонезских народов. И прежде всего – внушительный набор бронзовых голов, что можно интерпретировать как реминисценцию охоты за головами. Данный обычай, связанный с желанием как можно дольше «сохранить магическую силу, или, иначе, материальную субстанцию души» [Чеснов, 1976. С. 240], существовал у многих народов, но наиболее часто фиксировался у австроазиатов и австронезийцев. Сохранились сведения о том, что у тайваньских аборигенов добытые головы могли покрывать бронзой или оловянной фольгой для того, чтобы хранить дома в течение долгого времени [Цзяньмин вэньхуа..., 1990. С. 451]. Следующим (стадиально) шагом должно было стать изготовление металлических голов. Для использования в ритуалах головы-трофеи часто закрепляли на высоких шестах (древние *юэ*) или специальных стол-

⁴ Юй Лин. Юн ицзу вэньхуа цзе саньсиндуйчжи ми [Тайны Саньсиндуй раскрываются с помощью куль-

туры ицзу]. URL: <http://www.sxd.cn/main.asp#> (на кит. яз.) (дата обращения 05.07.2010).

бах (у этнографических *ва*) (см.: [Комиссаров, Азаренко, 2003]).

Таким образом, как археологические, так и этнографические материалы указывают на сложный генезис культуры *саньсиндуй*, соединившей на местной основе материковые (сино-тибето-бирманские) и приморские (аустрические) компоненты. Это позволяет объяснить ряд особенностей в традиционной культуре современных этносов, населяющих юго-западные районы Китая, прежде всего, народа *шзу*.

Список литературы

- Варенов А. В., Гирченко Е. А.* Саньсиндуй – новая культура эпохи бронзы из Южного Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2008 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. 14. С. 151–156.
- Варенов А. В., Гирченко Е. А.* Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуя и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. С. 10–19.
- Итс Р. Ф.* Этническая история юга Восточной Азии. Л.: Наука, 1972. 306 с.
- Комиссаров С. А.* Бронзовые шаманы из провинции Сычуань // Природа. 1989. № 3. С. 122.
- Комиссаров С. А., Азаренко Ю. А.* Обычай охоты за головами тайваньских аборигенов (в археологической перспективе) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во «Омск-Наука», 2003. С. 201–203.
- Кравцова М. Е.* История культуры Китая: 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань, 2003. 416 с.
- Лабецкая Е. П.* Комплекс верований и культов носителей культуры Саньсиндуй // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Третьей межрегион. конф. Новосибирск, 2006. С. 263–265.
- Решетов А. М.* Йи // Большая Рос. энциклопедия. М., 2008. Т. 12: Исландия – Канцеляризм. С. 282–283.
- Табарев А. В.* Древние ольмеки: История и проблематика исследований. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 144 с.
- Чеснов Я. В.* Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976. 300 с.
- Graham D. C.* A Preliminary Report of the Hanchow Excavation // Саньсиндуй яньцзю [Исследования Саньсиндуй]. Чэнду: Сычуань чубань цзитуань, 2006. Р. 58–80.
- Ван И, Сунь Хуа.* Баодуньцунь вэньхуадэ чубу жэньши [Предварительные данные о культуре *баодуньцунь*] // Каогу. 1999. № 8. С. 60–73 (на кит. яз.).
- Гуанхань Саньсиндуй ичжи [Памятник Саньсиндуй в уезде Гуанхань] // Саньсиндуй яньцзю [Исследования Саньсиндуй]. Чэнду: Сычуань чубань цзитуань, 2006. С. 132–160 (на кит. яз.).
- Гуанхань Саньсиндуй ичжи эрхао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках второй жертвенной ямы памятника Саньсиндуй уезда Гуанхань] // Саньсиндуй яньцзю [Исследования Саньсиндуй]. Чэнду: Сычуань чубань цзитуань, 2006. С. 180–210 (на кит. яз.).
- Ли Сюэцин.* Бицзюо каогусюэ суйби [Заметки по поводу сравнительной археологии]. Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 1997. 230 с. (на кит. яз.).
- Саньсиндуй цзисыкэн [Жертвенные ямы Саньсиндуй]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. 628 с. (на кит. яз.).
- Сунь Хуа.* Чэнду пиньюаньдэ сяньцин вэньхуа [Предциньская культура Чэндуской равнины] // Су Бинци юй дандай чжунго каогусюэ [Су Бинци и современная китайская археология]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2001. С. 470–494 (на кит. яз.).
- Сыма Цянь.* Ши цзи [Исторические записки]: В 10 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1982. Т. 9 (на кит. яз.).
- Хуан Цзяньхуа.* Цзиньша ичжи: Гушу вэньхуа каогу синьфасянь [Памятник Цзиньша: Новое открытие в археологии культуры Древнего Шу]. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2003. 155 с. (на кит. яз.).
- Цзян Чжанхуа, Ван И, Чжан Цин.* Чэнду пиньюань цаоци чэнчжи цзи ци каогусюэ вэньхуа чулунь [Предварительное обсуждение городищ Чэндуской равнины раннего периода и их археологической культуры] // Су бинци юй дандай чжунго каогусюэ [Су Бинци и современная китайская археология]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2001. С. 699–721 (на кит. яз.).
- Цзяньмин вэньхуа жэньлэйсюэ цыдянь [Краткий толковый словарь по культурной антропологии] / Гл. ред. Чэнь Гоцян. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 1990. 612 с. (на кит. яз.).

Чжао Дяньцзэн. Сычуань каогудэ шицзи хуйгу юй чжаньван [Обзор археологии Сычуани за (прошедшее) столетие и ее перспективы] // Каогу. 2004. № 10. С. 3–13 (на кит. яз.).

Чжунго каогусюэ: Лян чжоу цзюань [Археология Китая: Эпоха обеих Чжоу] / Гл. ред. Чжан Чаншоу, Инь Вэйчжан. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2004. 668 с. (на кит. яз.).

Чжунго каогусюэ: Ся шан цзюань [Археология Китая: Эпоха Ся – Шан] / Гл. ред. Ян Сичжан, Гао Вэй. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2003. 668 с. (на кит. яз.).

Чжэн Дэжунь гу ши луныцзисюань [Сб. избранных статей Чжэн Дэжуна по древней истории]. Пекин: Шанъу инь шудянь, 2007. 786 с. (на кит. яз.).

Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган. Саньсиндуй: Чанцзян шанъю вэньмин чжунсинь таньсо [Саньсиндуй: Исследования центра цивилизации верхнего течения Янцзы]. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1998. 71 с. (на кит. яз.).

Чэнь Сысы. Чэнду 3000 нянь цянъ шэньми шиэрцяо хо вэй ваньци саньсиндуй вэньхуа [Чэнду 3 тыс. лет назад: мистическая [культура] шиэрцяо или поздний этап культуры саньсиндуй?] // Сычуань жибао. 13.10.2010. URL: <http://history.people.com.cn/BIG5/198457/13178532.html> (на кит. яз.) (дата обращения 30.06.2012)

Материал поступил в редколлегию 01.06.2012

S. A. Komissarov, E. A. Girchenko

SANXINGDUI – THE LAND OF BRONZE GIANTS

The article is devoted to Sanxingdui Bronze Age Culture that was situated at Chengdu Basin and represented the independent centre of civilization practically simultaneous to Shang's one. This culture was formed by local Neolithic dwellers as well as Sino-Tibet-Burmese migrants from the North and Austric tribes – from the East. The great part of bronze implements consists of anthropomorphic sculptures, or (more frequently) of heads-and-masks which were used in the worship of ancestors. With the help of retrospective method, Sanxingdui Culture was connected with ethno genesis of Yi People.

Keywords: Bronze Age, Sanxingdui, altars, bronze sculptures, bronze masks, Solar myth, ritual, head-hunting, Yi People.

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: avvarenov@mail.ru

БРОНЗОВЫЕ МАСКИ, МАСКОИДЫ И ЛИЧИНЫ ИЗ ЖЕРТВЕННЫХ ЯМ САНЬСИНДУЯ

Кратко представлена одна из наиболее специфических черт культуры Саньсиндуй, относящейся к эпохе бронзы и распространенной в пров. Сычуань (КНР), – бронзовые маски, встреченные в жертвенных ямах на эпонимном памятнике. Намечаются возможные пути эволюции бронзовых масок Саньсиндуй и реконструируются способы их применения в составе интерьера древних храмов. Технологическая эволюция бронзовых масок из жертвенных ям Саньсиндуй может быть разделена на три стадии: стадия I представлена бронзовой маской из первой жертвенной ямы (JK1) и бронзовыми масками типов D и B из второй жертвенной ямы (JK2); II – бронзовыми масками типов C и A из ямы JK2; III – большими зооантропоморфными масками из второй жертвенной ямы (JK2), с множеством вычурных бронзовых деталей. Авторы считают, что бронзовые маски типа C использовались в комбинации с бронзовыми сосудами *цзунь* и *лэй* из той же жертвенной ямы JK2, как части огромных антропоморфных скульптур (на деревянной основе). Плоские бронзовые маскоиды из второй жертвенной ямы (JK2) первоначально были деталями резных (?) или рисованных фигур человека-птицы, помещенных на стенах древнего храма в Саньсиндуй.

Ключевые слова: Китай, археология, бронзовый век, культура Саньсиндуй, пров. Сычуань, бронзовые маски, жертвенные ямы, древние храмы.

Введение

Саньсиндуй – своеобразная культура эпохи развитой бронзы, распространенная на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Одной из самых ярких черт данной культуры, наряду с бронзовыми головами, является наличие крупных, отлитых из бронзы масок (и их вариантов – маскоидов и личин), часто окрашенных черной краской. Именно эти маски и являются предметом рассмотрения данной статьи, продолжающей анализ культовых бронз из жертвенных ям Саньсиндуй, начатый в наших предыдущих публикациях [Варенов, Гирченко, 2009; 2012]. Предполагается на базе существующей типологии [Саньсиндуй, 1999. С. 26–33, 188–201] наметить основные стадии технологической эволюции бронзовых масок Саньсиндуй и реконструировать способы их применения в составе интерьера древних храмов.

Эпонимный памятник культуры Саньсиндуй находится в уезде Гуанхань, в нижнем течении небольших рек Яцзыхэ и Мамухэ, где они сходятся друг с другом (рис. 1, 2). Городище, у которого сохранились восточная, западная и южная стены, имеет форму вытянутой трапеции площадью примерно в 12 км². Согласно имеющимся датировкам, стены построены в начальный период эпохи Шан (XV–XIV вв. до н. э.), а само городище достигло расцвета в период поздней Шан (XII–XI вв. до н. э.) [Саньсиндуй, 1999. С. 9–15; Комиссаров, Гирченко, 2012]. Жертвенные ямы № 1 (JK1) и 2 (JK2) – единственные пункты, где встречены бронзовые маски, – располагаются в центральной части памятника, примерно в 300–400 м к северу от южной стены городища (рис. 1, 1).

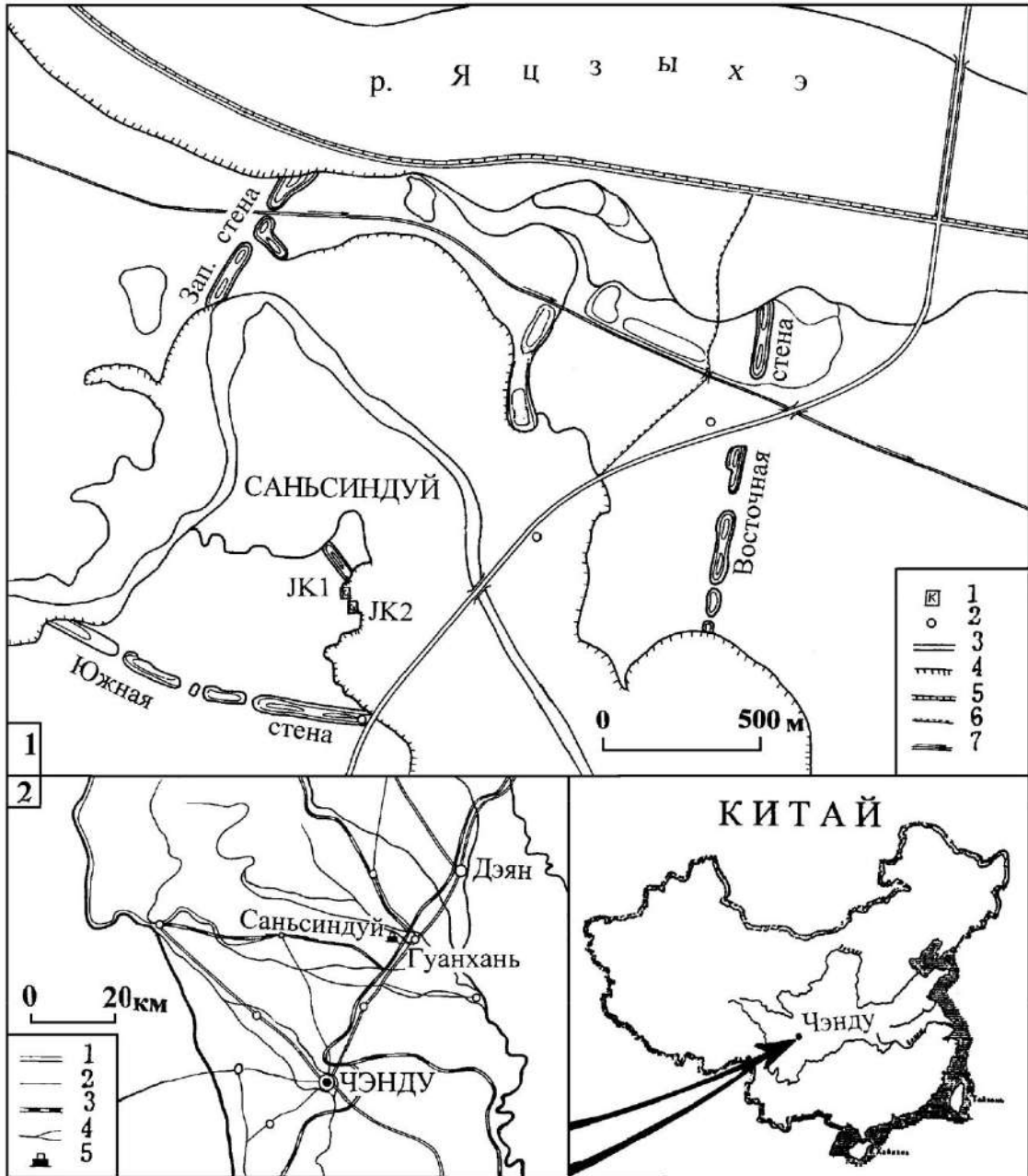

Рис. 1. План городища Саньсиндуй и его местоположение: 1 – план памятника Саньсиндуй (1 – жертвенные ямы JK1 и JK2, 2 – деревни, 3 – шоссе, 4 – обрыв, 5 – дамба, 6 – тропки, 7 – канал); 2 – план западной части пров. Сычуань с городами Чэнду, Гуанхань и памятником Саньсиндуй (1 – автомагистрали, 2 – прочие дороги, 3 – железные дороги, 4 – реки, 5 – городище Саньсиндуй). Здесь и далее иллюстрации даются по: [Саньсиндуй..., 1999]; масштабирование рисунков и компоновка таблиц выполнены А. В. Вареновым

Общее количество находок в первой жертвенной яме – 420 предметов, среди них вещи из бронзы, золота, камня, нефрита, янтаря, керамики, но только одна бронзовая маска и одна личина. Во второй жертвенной яме находок гораздо больше. Там обнаружено 1 300 вещей (включая поврежденные, которые могут быть идентифицированы). Бронзовых изделий насчитывается 735 экз., в том числе и почти все маски и маскоиды Саньсиндуй.

Вторая жертвенная яма JK2

Что касается используемой в данной статье терминологии, то и маски и маскоиды отлиты в двухсторонних формах. Но маски в поперечном сечении полукруглые и предназначены для закрепления на объемной скульптуре. А маскоиды – тонкие плоские пластины с невысоким рельефом, предназначенные для закрепления на относительно ровных плоских поверхностях. Личины в отличие от масок и маскоидов не предназначались для закрепления на какой-либо основе, поскольку у них отсутствуют крепежные отверстия или петельки.

Антропоморфные маски – 20 экз. Хорошо сохранилось 14 экз., остальные 6 сильно повреждены и не поддаются восстановлению. По размерам делятся на четыре типа.

Тип А – 1 экз. [Обр. K2(2):314]. Маска сильно повреждена, уцелело лишь правое ухо, часть правой щеки и нижняя челюсть (правая сторона маски тем самым была частично восстановлена). Фрагменты правого уха и нижней челюсти отнесены к одному изделию в соответствии с его предполагаемыми абсолютными размерами. Ухо было изготовлено отдельно и прилито к маске. Ширина обломка маски в верхней части 24,3, в нижней – 17,3, сохранившаяся высота 38,6, толщина 0,5–0,7, сохранившаяся высота в районе щеки 24,4 см (рис. 2, 2).

Тип В – 1 экз. [Обр. K2(2):153]. Маска сохранилась целиком, высота – 40,3, ширина – 60,5, толщина – 0,6 см. Отлита в один прием, уши внутри полые. В мочках есть отверстия диаметром 2,2 см (вероятно, для серег). Отверстия (размером 2 × 1 см) для крепления на деревянной основе находятся в районе окончания бровей по краям. В самых углах маски сверху и снизу также есть отверстия для крепления диаметром 1,5 см. Рот окрашен красной краской (рис. 2, 1).

Тип С – 12 экз. Из них 8 масок сохранились целиком и 4 – лишь частично. Одна из масок данного типа отлита в один прием, а у остальных сначала отливалась собственно маска, имеющая два прямоугольных отверстия по краям, затем к этим отверстиям приливались отлитые отдельно уши. Размеры и форма всех находок в основном схожи, у всех в ушах есть круглые отверстия для серег. Маски типа С с каждого края сверху и снизу имеют квадратные отверстия, прорубленные зубилом уже после отливки, у некоторых экземпляров в центре лба также есть квадратные отверстия. Сначала зубилом намечался квадрат, а затем по его контурам прорубалось отверстие. Это известно, поскольку на лбу некоторых масок есть намеченный квадрат, но отверстие до конца не пробито. Большие квадратные отверстия по бокам маски, по одному сверху и снизу, скорее всего, использовались для крепления к деревянной основе. Большинство отверстий пробивалось при помощи зубила с одной (лицевой) стороны маски, некоторые вырубались зубилом с двух сторон; отдельные экземпляры имеют отверстия, оформленные не при помощи зубила.

Одна маска [Обр. K2(2):60] толстая и тяжелая; высота – 26, ширина – 40,8, толщина – 0,4 см. Маска отлита в один прием, уши полые, с глиной от литейной формы внутри. С левой стороны лба в двух местах прослежены следы ударов. Брови и зрачки окрашены черной краской (рис. 2, 3). У второй маски [Обр. K2(2):293] уши отливались раздельно, в три приема. Ее высота от 25,5, ширина – от 37,8, толщина – 0,4 см. Сначала к прорези, имевшейся в лицевой части маски после отливки, приливалась передняя половина уха. Во второй прием приливалось основание уха. И, наконец, в третий прием приливалась задняя половина уха. Отверстие в центре лба не пробито, хотя остались следы ударов зубила, намечившие квадратные контуры (рис. 2, 6). Третья маска [Обр. K2(2):57] отлита грубо, небрежно, во многих местах присутствовал брак; высота – 25,5, ширина – 40,2, толщина – 0,4 см. На передней правой стороне лба и под подбородком заметны следы недолива и большой дырки, исправленные впоследствии дополнительной заливкой металла. На левом глазном яблоке также видны две пластины-заплатки. В центре лба зубилом намечено, но не пробито квадратное отверстие. Все четыре отверстия по краям маски прорублены после отливки. Уши маски отлиты раздельно, в три приема. Ясно прослеживаются следы приливки задней части уха (рис. 2, 4). Четвертая маска [Обр. K2(2):114] довольно толстая; высота – 26,6, ширина – 40,2, толщина – 0,4 см. Верхние и нижние квадратные отверстия в краях маски прорубались зубилом с обеих сторон, внутренней и внешней, но в центре лба квадратное отверстие не пробито (рис. 2, 7). Пятая маска [Обр. K2(2):111] еще толще; высота – от 25,2, ширина – 45,4, толщина – 0,6 см. В верхней части заднего края есть круглое отверстие, а в центре лба маски отверстия нет, но заметна пластина-заплатка (рис. 2, 5).

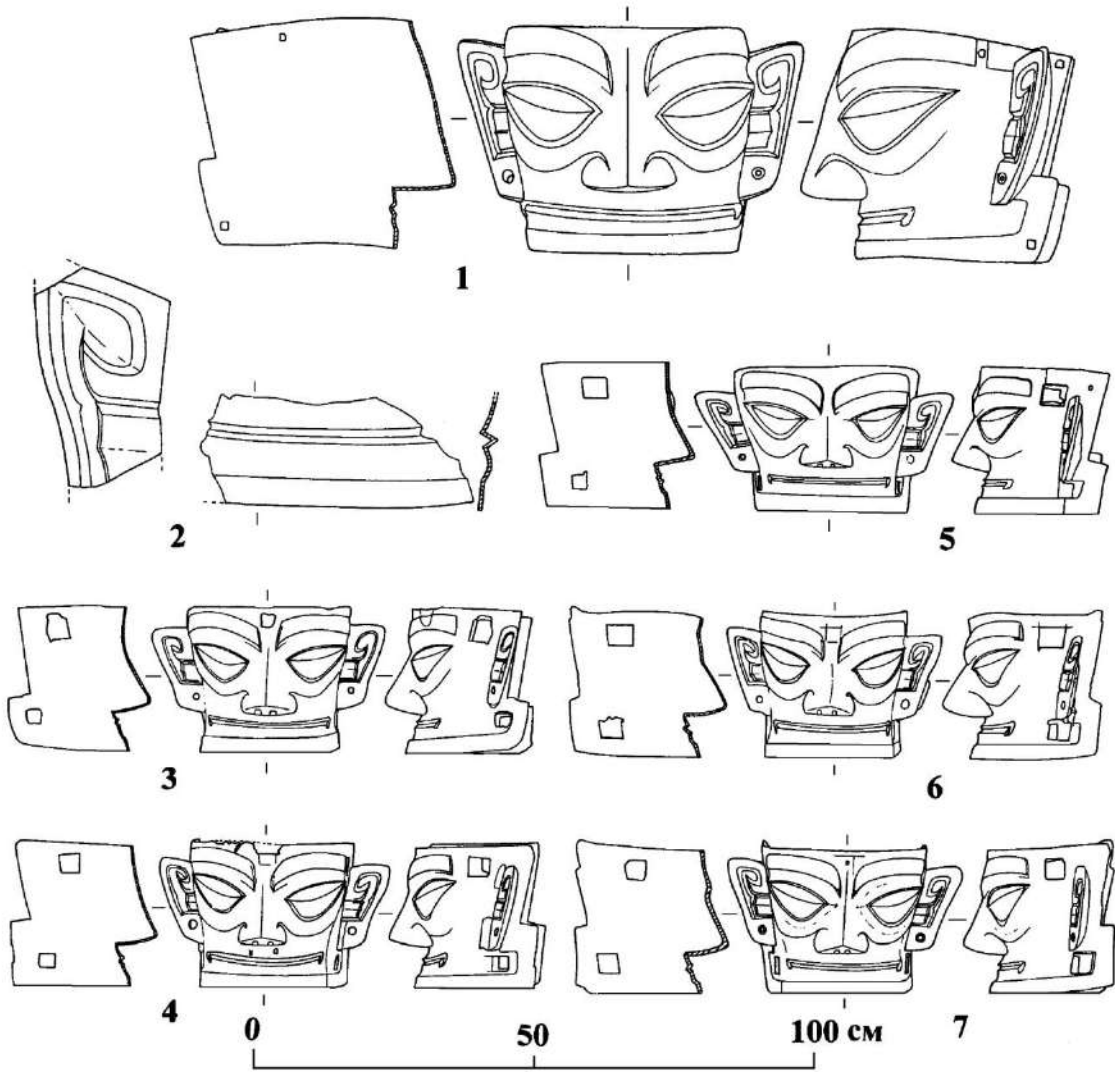

Рис. 2. Бронзовые антропоморфные маски типов А, В и С из второй жертвенной ямы: 1 – бронзовая маска типа В; 2 – бронзовая маска типа А; 3–7 – бронзовые маски типа С

Тип D – 6 экз. Пять масок сохранились целиком, одна повреждена, уцелела лишь правая сторона. Форма в основном сходная, размеры и внешний вид слегка различаются. Делятся на три подтипа, в зависимости от наличия и расположения отверстий и формы самой маски.

Подтип Da – 1 экз. [Обр. К2(3):119]. Маска широкая в верхней части, сужается книзу; высота – 15, ширина – 20,7, толщина – 0,25 см. Кончики бровей окрашены в черный цвет. Маленькие отверстия расположены в районе кончиков бровей и внизу по краям (рис. 3, 1).

Подтип Db – 4 экз. Три маски сохранились целиком, одна серьезно повреждена. У всех есть следы черной краски на глазах и бровях, а у одной – и красной краски в районе рта. Лица масок при взгляде спереди трапецевидной формы, вверху немного шире. Расположение небольших отверстий для крепления у разных экземпляров неодинаково.

Одна маска [Обр. К2(2):102] имеет отверстие с одной стороны в районе щеки, а в верхних углах отверстий нет, зато они есть в районе кончиков бровей с обеих сторон. Ее высота – 15,2, ширина – 19, толщина – 0,3 см (рис. 3, 2). Вторая маска [Обр. К2(2):331] также с отверстием в районе щеки, но без отверстий в верхних краях или в районе бровей. Высота – 15,4, ширина – 18,2, толщина – 0,3 см (рис. 3, 5). Третья маска [Обр. К2(3):57] имеет маленькие

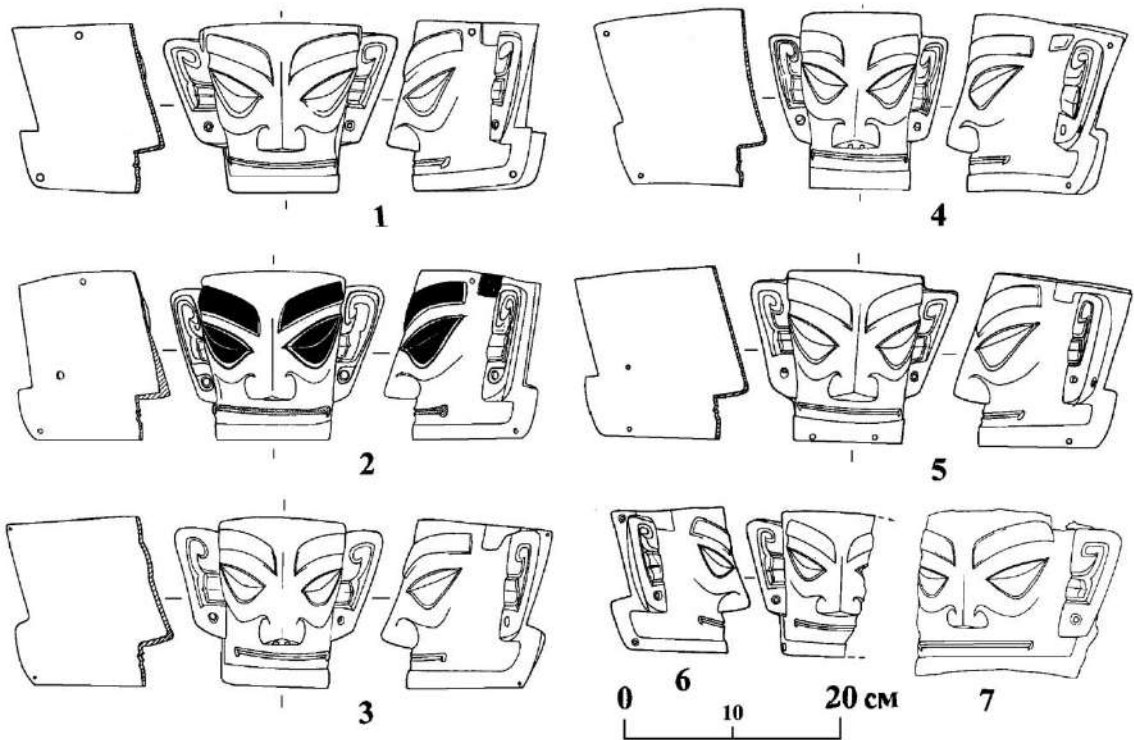

Рис. 3. Бронзовые антропоморфные маски типа D из второй жертвенной ямы и антропоморфная маска из первой жертвенной ямы: 1 – бронзовая маска типа Da; 2, 3, 5, 6 – бронзовые маски типа Db; 4 – бронзовая маска типа Dc; 7 – бронзовая маска из первой жертвенной ямы

отверстия в верхних и нижних углах с обоих краев. Высота – 15,1, ширина – 18,6, толщина – 0,35 см (рис. 3, 3). Четвертая маска [Обр. K2(3):65] повреждена; высота – 12,6, ширина – 11,2, толщина – 0,25 см. Отверстия на сохранившейся части маски также расположены в верхних и нижних ее углах (рис. 3, 6).

Подтип Dc – 1 экз. [Обр. K2(2):43]. Маска узкая, с толстыми стенками и маленькими отверстиями в верхних и нижних углах с обоих краев. Ее высота 15,6, ширина – 15,8, толщина – 0,25 см (рис. 3, 4).

Зооантропоморфные маски – 3 экз. Форма всех масок одинакова. Уши и выпуклые зрачки изготовлены отдельно и прилиты к маске. Квадратные брови расположены «уголком», круглые трубчатые зрачки выступают вперед. Нос загнутый, крючковатый, крылья носа оформлены в виде спиральных завитков, рот широкий, нижняя челюсть выдвинута вперед. Большие звериные («гоблинские») уши раскинуты в стороны. Квадратные отверстия располагаются сверху и внизу с обеих сторон перед ушами и в центре лба. Брови и глаза окрашены черной краской, рот – красной. Зооантропоморфные маски разделяются на два типа в зависимости от размеров.

Тип A – 2 экз. [Обр. K2(2):142]. Прямо к квадратному отверстию в центре лба прилито вычурное украшение высотой 68,1 см. Основу украшения составляет желобчатый, полукруглый в поперечном сечении стержень, заканчивающийся внизу, в районе лба и носа маски, двумя противоположно закрученными спиралями. На верхнем конце стержня расположена еще одна спираль. В промежутке между верхней и двумя нижними спиралями над поверхностью стержня выступает плоская прорезная деталь, напоминающая хвостатый нож с ручкой. Китайские археологи называют последний элемент «крылом», а весь стержень со спиралями считают изображением «дракона куй». Примерно посередине между «крылом» и верхней спиралью («хвостом дракона») на боковых сторонах стержня расположены две небольшие вертикальные петельки. Высота маски 31,5, ширина – 77,4, общая высота – 82,5 см (рис. 4, 1).

Вторая маска [Обр. К2(2):144] в целом аналогична предыдущей, но налобное украшение повреждено; высота – 31,7, ширина – 78, общая высота – 84,3 см. Не сохранилась его верхняя часть со спиралью, которая была восстановлена по аналогии с другой однотипной маской, в отличие от которой у данного экземпляра ножевидное «крыло» не отлито вместе со стержнем, а изготовлено отдельно и потом прилито к стержню в двух точках (рис. 4, 2).

Тип В – 1 экз. [Обр. К2(2):148]. Ничем, кроме размеров, не отличается от зоантропоморфных масок типа А. Кончики звериных ушей смотрят в стороны и вверх. В центре лба расположено квадратное отверстие, изначально предназначенное для крепления ныне утраченного вертикального украшения, аналогичного тем, что есть у масок типа А. Ширина маски 138, высота – 66 см (рис. 4, 3).

Зоантропоморфные маскоиды – 9 экз. Маскоиды представляют собой тонкие плоские пластины с невысоким рельефом, у некоторых из них глаза, рот и лоб окрашены черной краской. Разделяются на три типа.

Тип А – 3 экз. По форме в основном сходны, хотя размерами различаются. У одного маскоида крылья носа слегка отличаются от остальных. Представляют собой голову с крупными подквадратными (с закругленными углами) глазами, длинным прямым носом и широким оскаленным ртом с выделенными зубами. Голова увенчана двумя парами рогов: внутренними, закручивающимися наружу («бараньими») и охватывающими их и загибающимися внутрь широкими внешними («бычьими»). Длинные изогнутые брови заходят прямо на эти «бычьи» рога. Строго по центру лица, между двух внутренних рогов, непосредственно над носом, как его продолжение, расположено нечто, напоминающее небольшую корону. Уши у маскоидов крючковидные, загнутые книзу. Одна пара отверстий для крепления находится сверху, между завитками «бычьих» и «бараньих» рогов; вторая пара внизу, ниже рта или непосредственно в углах рта. Первый маскоид [Обр. К2(3):228] самый крупный. Его ширина 39, высота – 21,6, толщина – 0,2 см (рис. 5, 1). Вторым маскоид [Обр. К2(3):221] поменьше: ширина – 35, высота – 21,2, толщина – 0,2 см. Два нижних отверстия для крепления расположены

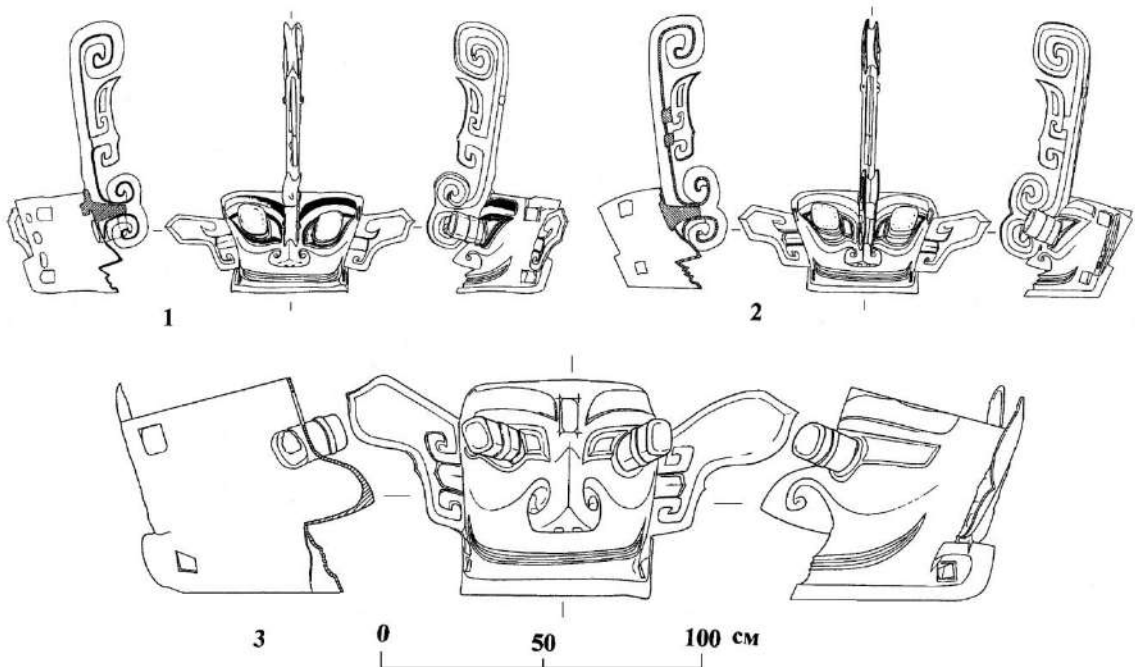

Рис. 4. Бронзовые зоантропоморфные маски из второй жертвенной ямы: 1, 2 – бронзовые зоантропоморфные маски типа А; 3 – бронзовая зоантропоморфная маска типа В

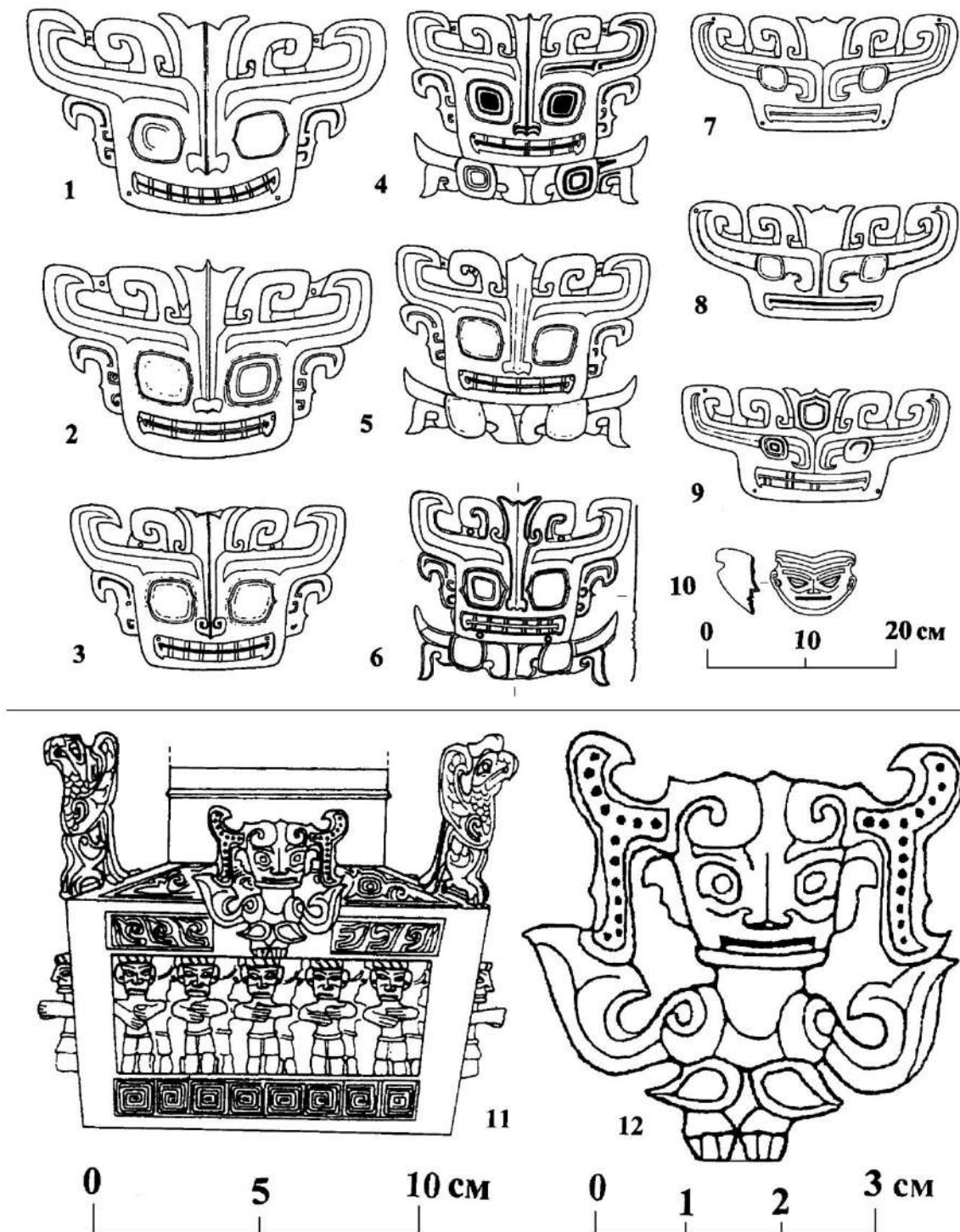

Рис. 5. Бронзовые зооантропоморфные маскоиды из второй жертвенной ямы, бронзовая антропоморфная личина из первой жертвенной ямы, «небесный чертог» (деталь «священного алтаря») и изображение человека-птицы: 1–3 – бронзовые маскоиды типа А; 4–6 – бронзовые маскоиды типа В; 7–9 – бронзовые маскоиды типа С; 10 – бронзовая личина из первой жертвенной ямы; 11 – «небесный чертог» с изображением человека-птицы на фронто-не; 12 – изображение человека-птицы (все, кроме 10, из второй жертвенной ямы JK2)

прямо на губах, в углах рта (рис. 5, 2). Третий маскоид [Обр. К2(3):217] самый маленький: ширина – 29,6, высота – 18, толщина – 0,2 см. Крылья носа закручены вверх, а не вниз, как у остальных. Два нижних отверстия для крепления расположены прямо на губах, в углах рта (рис. 5, 3).

Тип В – 3 экз. По форме сходны с типом А, но немного мельче их. Кроме того, в нижней части (прямо под нижней челюстью) у маскоидов типа В изображена некая опора или основание в виде подквадратных фигур с закругленными углами (очень похожими на глаза этих же маскоидов) и отходящих от них относительно широких изогнутых полосок с заостренными окончаниями. Одна пара отверстий для крепления находится сверху, между завитками внутренних («бараньих») и внешних («бычьих») рогов, другая пара – внизу, в углах рта. У двух из трех маскоидов глаза, брови, зубы окрашены черной краской. Глаза первого [Обр. К2(3):231] маскоида, его брови, зубы и «опора» под нижней челюстью окрашены черной краской. Ширина маскоида 26,4, высота – 20,8, толщина – 0,2 см (рис. 5, 4). Ширина второго [Обр. К2(3):230] маскоида 26,9, высота – 20,8, толщина – 0,2 см (рис. 5, 5). Глаза третьего [Обр. К2(3):227] маскоида, брови и зубы окрашены черной краской. Его ширина 23,4, высота – 20,4, толщина – 0,2 см. Отверстия для крепления расположены ниже завитков внутренних («бараньих») рогов и ниже рта (рис. 5, 6).

Тип С – 3 экз. Маскоиды упрощенной формы, без ушей. Уголки рта опущены, зубы во рту рельефно не выделены, а обозначены черной краской. Отверстия для крепления находятся на внешних («бычьих») рогах и в углах нижней челюсти. Ширина первого [Обр. К2(3):229] маскоида – 28, высота – 12,5, толщина – 0,2 см (рис. 5, 7). Ширина второго [Обр. К2(3):98] маскоида – 28,2, высота – 12,5, толщина – 0,2 см (рис. 5, 8). Украшение на лбу третьего [Обр. К2(3):231-1] маскоида, его глаза и рот окрашены черной краской. Ширина 27,8, высота – 12,3, толщина – 0,2 см (рис. 5, 9).

Первая жертвенная яма JK1

Антропоморфная маска – 1 экз. [Обр. К1:4]. Маска сильно повреждена огнем и утратила исходную форму, но очевидно, что первоначально при взгляде спереди она была квадратной, а в поперечном сечении – полукруглой. По форме данное изделие похоже на маски, одетые на бронзовые человеческие головы из той же жертвенной ямы JK1 (рис. 6, 11). У маски длинные брови в форме лезвия ножа, большие глаза, треугольный угловатый нос и широкий рот, концы которого опущены вниз. Вертикальные уши с отверстиями в мочках украшены спиралями. В углах задних краев маски сверху и снизу есть по небольшому отверстию, видимо, для крепления к деревянной основе (на прорисовке они не показаны). Высота маски 14,9 см (см. рис. 3, 7).

Антропоморфная личина – 1 экз. [Обр. К1:20]. Верх личины V-образный, у нее покатый лоб, грубые брови, широкие веки, большие глаза, острый нос, широкий рот и небольшие уши с отверстиями (для серег?). Кроме них других отверстий или петелек для крепления к какой-либо основе нет. Высота личины 7, ширина – 9,2, толщина – 0,4 см (см. рис. 5, 10).

Технологическая эволюция и способы использования бронзовых масок

При анализе представленного материала, прежде всего, обращает на себя внимание высокая степень стандартизации основных типоразмеров подавляющего большинства бронзовых масок и маскоидов внутри выделенных типов. Это означает, что они использовались сходным образом, как бронзовые детали каких-то однородных конструкций, скорее всего, деревянных статуй. Вместе с тем различия в абсолютных размерах и оформлении отдельных деталей масок разных типов (а иногда и внутри одного типа) предполагают определенную эволюцию и дают возможность наметить ее основные стадии.

Известно, что жертвенная яма 1 старше, чем жертвенная яма 2, примерно на 100 лет. Следовательно, наиболее ранней является маска из жертвенной ямы 1 (рис. 6, 1). Но это отнюдь не означает, что все без исключения находки из ямы 2 моложе нее ровно на 100 лет. Нам уже приходилось писать о том, что жертвенные ямы Саньсиндуя представляют собой захороне-

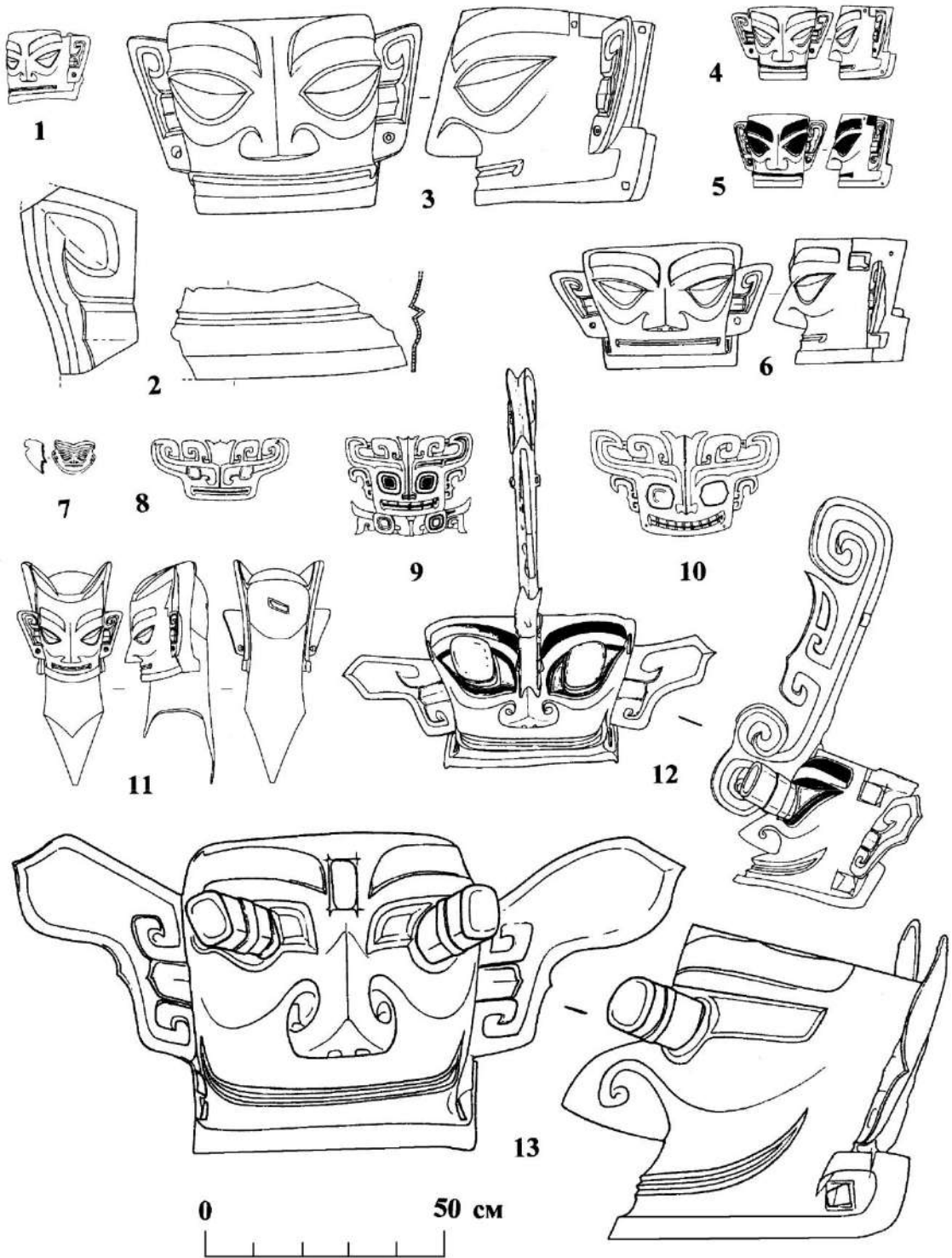

Рис. 6. Технологическая эволюция бронзовых масок Саньсиндуя: 1 – маска из ямы JK1; 2 – маска типа А; 3 – маска типа В; 4, 5 – маски типа D; 6 – маска типа С; 7 – личина; 8 – маскоид типа С; 9 – маскоид типа В; 10 – маскоид типа А; 11 – голова типа С из ямы JK1; 12 – зооантропоморфная маска типа А; 13 – зооантропоморфная маска типа В (1, 7, 11 из первой жертвенной ямы; 2–6, 8–10, 12, 13 из второй жертвенной ямы)

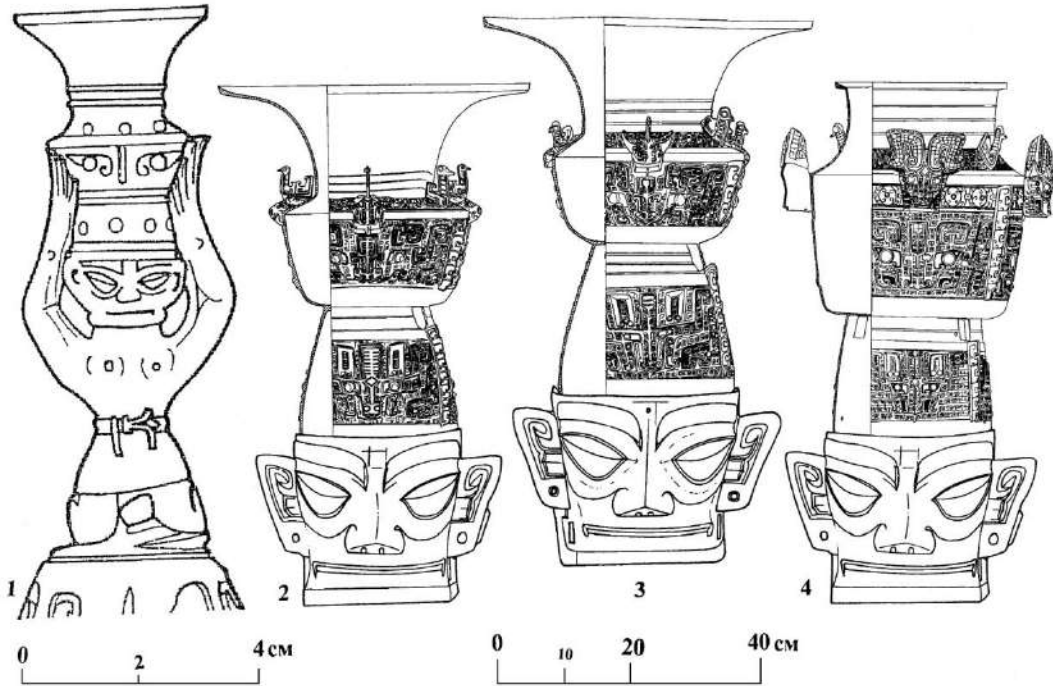

Рис. 7. Бронзовая статуэтка с сосудом и маски типа С в сочетании с чарками *цзунь* и вазой *лэй*: 1 – статуэтка с сосудом; 2 – маска типа С и чарка *цзунь* IV типа; 3 – маска типа С и чарка *цзунь* V типа; 4 – маска типа С и ваза *лэй* III типа (все из второй жертвенной ямы JK2)

ния остатков интерьера древних храмов [Варенов, Гирченко, 2012. С. 18]. А инвентарь для храма не создавался одномоментно, а накапливался постепенно, в течение всего периода его функционирования, возможно, в виде серий изделий определенных типов. Данное обстоятельство позволяет нам выделить, как минимум, три стадии (этапа) эволюции бронзовых масок из ямы JK2. I стадия представлена (помимо бронзовой маски из первой жертвенной ямы JK1) цельнолитыми масками типов D и B, II стадия – масками типов С и А со вставленными в прорези и прилитыми к лицу ушами, III стадия – зооантропоморфными масками с многочисленными вставленными в специальные прорези и прилитыми к лицу вычурными деталями.

Из всех типов бронзовых масок, обнаруженных во второй жертвенной яме, наиболее близок к находке из первой ямы тип D, причем не только по абсолютным размерам, но и по способу крепления к деревянной основе через небольшие круглые отверстия, проделанные в верхних и нижних концах маски или в районе ее бровей и / или щек. Большой разницей в расположении отверстий для крепления у масок типа D – свидетельство того, что, когда они создавались, стандарт в данной области еще не выработался, а сама традиция изготовления бронзовых масок только складывалась. Значит, маски типа D – наиболее ранние для второй жертвенной ямы (рис. 6, 4, 5).

Непосредственно примыкает к ним по времени создания и крупная маска типа B (рис. 6, 3). Она тоже крепилась к деревянной основе через небольшие отверстия, расположенные и на концах маски, по ее углам, и в районе бровей, что сходно с масками типа D. Для такой крупной и тяжелой маски (самой тяжелой из найденных в Саньсиндуге – 13,4 кг [Саньсиндуй, 1999. С. 468]) данный способ крепления представляется нерациональным, так же как нерациональна и отливка маски типа B в один прием, вместе со всеми ее далеко выступающими деталями (ушами). Литье в один прием вело к чрезмерному усложнению и утяжелению литейной формы.

Хотя самая крупная бронзовая маска типа А и сохранилась лишь фрагментарно, что снижает ее информативные возможности, но ухо там изготовлено отдельно и уже потом прилито к бронзовому лицу. А это – следующий шаг (II стадия) технологической эволюции (рис. 6, 2). В этом же ряду стоят и маски типа С (рис. 6, 6). Только у одной из них уши отливались вместе с лицом, а у 11 других элементы сборных ушей вставлялись по очереди в специальные отверстия, оставленные при отливке лица, и приливались к нему в три (!) приема. Но этим отличия масок типа С от их эволюционных предшественниц I стадии не ограничиваются. В масках типа С уже после их отливки зубилом прорубались крупные квадратные отверстия, как в краях маски (надо полагать, для более надежного крепления к деревянной основе), так и в центре лба (у некоторых экземпляров). Причем эти отверстия во лбу пробиты далеко не во всех случаях, а часто только намечены.

То обстоятельство, что квадратные отверстия прорублены в лицах масок типа С уже после их отливки (хотя несложно было бы сформировать такие отверстия еще в ходе самого процесса литья, о чем свидетельствуют прямоугольные отверстия для приливки вставных ушей), позволяет предположить возможность «реконструкции» или «модернизации» масок типа С, т. е. квадратные отверстия пробивались в уже используемых некоторое время масках с тем, чтобы добавить к ним дополнительные сложные декоративные элементы из бронзы (возможно, первоначально исполненные в дереве или ткани, ввиду трудности их монтирования к лицу при исполнении в бронзе) и / или чтобы прочнее закрепить сами маски на каких-то статуях или иных постаментах-подставках. Такой «апгрейд» мог потребоваться только после появления масок нового типа с множеством вставных прилитых к лицу вычурных деталей. Понятно, что речь идет о зооантропоморфных масках с острыми «развесистыми» ушами, трубчатыми, торчащими в стороны зрачками и экзотическим «хоботком» посреди лба (рис. 6, 12, 13). Они и являются III, заключительной, стадией технологической эволюции бронзовых масок Саньсиндуй.

Как же эти маски использовались и почему саньсиндуйцам было недостаточно хорошо зарекомендовавших себя бронзовых голов, широко представленных еще в первой жертвенной яме? Применение бронзовых масок вместо целых голов при неизменном диаметре статуи вело к значительной экономии металла. Вес стандартных бронзовых голов типа В из второй жертвенной ямы составляет 3–4,5 кг [Саньсиндуй, 1999. С. 466–467]. А вес масок типа D, приблизительно того же диаметра, 1–1,3 кг, т. е. в среднем в три раза меньше. Маски типа С весили примерно столько же, как и бронзовые головы – 3,2–4,5 кг (самая тяжелая 6 кг) [Саньсиндуй, 1999. С. 468]. Но их диаметр был чуть ли не вдвое больше – порядка 25 см против 12–15 см у бронзовых голов, что позволяло создавать гораздо более крупные статуи.

Именно на макушки крупных статуй, на затесанную в виде усеченного конуса вершину толстого бревна, составлявшего их основу, и надевались бронзовые сосуды *цзунь* и вазы *лэй* на высоком коническом поддоне, встреченные в жертвенной яме 2. Причем диаметр основания поддона сосуда и диаметр верха лица бронзовой маски типа С во многих случаях совпадают (рис. 7, 2–4). Как такие «саньсиндуйские кариатиды» могли выглядеть в оригинале, демонстрирует небольшая бронзовая статуэтка из жертвенной ямы JK2 (рис. 7, 1). Примечательно, что в яме № 2 примерно совпадает количество бронзовых масок типа С (12 экз.), а также бронзовых сосудов *цзунь* и круглых ваз *лэй* (11 экз., но кроме них встречено еще три не стыкующихся между собой обломка от разных частей сосуда *цзунь*, возможно, что все три от одного и того же изделия, и всего сосудов могло быть 12). Так что не исключено, что в перспективе каждой бронзовой маске типа С из второй жертвенной ямы удастся подобрать пару из числа чарок *цзунь* и ваз *лэй*, захороненных в той же яме. Что касается обстоятельств размещения данных находок в яме JK2, то бронзовые маски, так же как и бронзовые сосуды *цзунь* и вазы *лэй*, обнаружены в среднем слое заполнения ямы JK2 перевернутыми, в то время как бронзовые головы стояли вертикально [Там же. С. 158].

Все бронзовые маскоиды были аккуратно сложены друг на друга в западной части ямы 2, в нижнем слое ее заполнения, и сильно от огня не пострадали. Представление о возможном способе их применения в интерьере древнего храма дает небольшая бронзовая модель строения под четырехскатной кровлей – деталь так называемого «священного алтаря», найденного в яме JK2 [Саньсиндуй, 1999. С. 231–233; Варенов, Гирченко, 2009. С. 248–249]. На цен-

тральной части фронтона этого здания размещена фигурка человека-птицы с крыльями, когтистыми лапами и птичьим туловищем (рис. 5, 11). Но лицо у него квадратное, с вытянутыми миндалевидными, а не круглыми птичьими глазами, широким ртом, специально выделенным носом и ушами. В то же время оно снабжено еще и рогами (?), как закручивающимися внутрь «бараньими», так и раскидистыми, расположенными по бокам головы, типа оленьих (рис. 5, 12). Эти черты свойственны и бронзовым маскоидам Саньсиндуй, особенно типов А и В. Тогда вполне логичное объяснение получают и широкие изогнутые полосы, служащие «подставками» для маскоидов типа В. Это изображения крыльев с перьями. Получается, что саньсиндуйские маскоиды оформляли резные и/или рисованные изображения человека-птицы, размещенные, вероятно, на стенах древнего храма.

Список литературы

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Культурные бронзы Саньсиндуй и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 15. С. 246–251.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуй и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. С. 10–19.

Комиссаров С. А., Гирченко Е. А. Саньсиндуй: земля бронзовых исполинов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 82–90.

Саньсиндуй цзисыкэн [三星堆祭祀坑. 北京: 文物出版社, 1999]. Жертвенные ямы Саньсиндуй. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. 628 с.

Материал поступил в редколлегию 21.12.2012

Andrey V. Varenov, Ekaterina A. Girchenko

BRONZE MASKS AND MASKOIDS FROM THE SACRIFICIAL PITS OF SANXINGDUI

This article presents a brief review of the most specific feature of Sanxingdui Bronze Age culture, spread in Sichuan province of the PRC – bronze masks, found in sacrificial pits. The lines of the possible evolution of those bronze masks are outlined in the article and reconstructions of the ways of their everyday use as the details of the interior of ancient temples are given. According to the authors' opinion the technological evolution of those bronze masks from Sanxingdui sacrificial pits can be divided into three stages. Stage I is represented by bronze mask from the first sacrificial pit (JK1) and types D and B bronze masks from the second sacrificial pit (JK2). Stage II is represented by types C and A bronze masks from the pit JK2. Stage III is represented by large zoo-anthropomorphic masks with multiple bizarre bronze details from the second sacrificial pit (JK2). The authors state that bronze masks of C type were used in combination with *zun* and *lei* bronze vessels from the same sacrificial pit JK2 as parts of huge anthropomorphic sculptures (with wooden core). Flat bronze maskoids from the second sacrificial pit (JK2) were originally details of carved (?) or painted figures of human-bird, placed on the walls of ancient temple at Sanxingdui.

Keywords: China, archaeology, Bronze age, Sanxingdui culture, Sichuan province, bronze masks, sacrificial pits, ancient temples.

А. В. Варенов¹, Е. А. Гирченко²¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

avvarenov@mail.ru

БРОНЗОВЫЕ СОСУДЫ ИЗ ЖЕРТВЕННЫХ ЯМ САНЬСИНДУЯ

Представлена одна из черт, общих для культуры Сяньсиндуй, относящейся к эпохе бронзы и распространенной в пров. Сычуань (КНР), и Иньской культуры с Центральной равнины, – бронзовые сосуды, встреченные в жертвенных ямах на эпонимном памятнике. Намечаются возможные пути эволюции бронзовых сосудов Сяньсиндуй и реконструируются способы их применения в составе интерьера древних храмов. По мнению авторов, типологическая эволюция бронзовых сосудов может быть разделена на четыре стадии. Стадия I представлена сосудами из первой жертвенной ямы (JK1); II – чарками *цзунь* I–III типов и вазой *лэй* I типа из ямы JK2; III – чарками *цзунь* V типа и вазой *лэй* II типа из ямы JK2; IV – чарками *цзунь* IV–V типов и вазой *лэй* III типа из второй жертвенной ямы (JK2).

Наличие двух вариантов бронзовых сосудов одной и той же категории на начальных стадиях функционирования жертвенных ям предполагает существование двух традиций, заимствованных с Центральной равнины и представленных двумя мастерами, которые стояли у истоков сяньсиндуйского бронзолитейного искусства. Авторы утверждают, что бронзовые чарки *цзунь* и вазы *лэй* использовались в комбинации с бронзовыми масками типа С из жертвенной ямы JK2 и бронзовыми головами типа А из жертвенной ямы JK1, как части огромных антропоморфных скульптур (на деревянной основе).

Ключевые слова: Китай, бронзовый век, культура Сяньсиндуй, пров. Сычуань, бронзовые сосуды, жертвенные ямы, бронзолитейное искусство, антропоморфная скульптура.

Введение

Сяньсиндуй – своеобразная культура эпохи развитой бронзы на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие бронзовой скульптуры, в том числе антропоморфных голов, масок и маскоидов. Встречаются в Сяньсиндуйе и бронзовые сосуды, служащие своеобразной «визитной карточкой» археологических культур эпохи бронзы с Центральной равнины. Именно они рассмотрены в данной статье, продолжающей анализ культовых бронз Сяньсиндуйа, начатый в наших предыдущих публикациях [Варенов, Гирченко, 2009; 2012; 2013]. Предполагается проверить существующую типологию бронзовых сосудов [Сяньсиндуй, 1999. С. 33–40, 238–265], наметить основные стадии их эволюции и реконструировать способы применения в составе интерьера древних храмов.

Эпонимный памятник культуры Сяньсиндуй находится в уезде Гуанхань, в месте слияния небольших речек Яцзыхэ и Мамухэ. Городище, у которого сохранились восточная, западная и южная стены, имеет форму вытянутой трапеции площадью примерно в 12 км². Стены построены в начальный период эпохи Шан (XV–XIV вв. до н. э.), а само городище достигло

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые сосуды из жертвенных ям Сяньсиндуй // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 4: Востоковедение. С. 26–39.

расцвета в период поздней Шан (XII–XI вв. до н. э.) [Саньсиндуй, 1999. С. 9–15; см. также: Комиссаров, Гирченко, 2012]. Жертвенные ямы № 1 (JK1) и 2 (JK2) – единственные пункты, где в Саньсиндуе встречены бронзовые сосуды, – располагаются в центральной части памятника, примерно в 300–400 м к северу от южной стены (рис. 1).

В JK1 найдено 420 предметов из бронзы, золота, камня, нефрита, янтаря, керамики, на которых остались отчетливые следы огня. Бронзовые сосуды *бу (поу)*, *цзунь*, блюдо *пань*, крышка *гай* обожжены с одной стороны; некоторые оплавлены до такой степени, что представляют собой бронзовый комок. В JK2 находок гораздо больше, чем в первой, – всего 1 300 предметов (включая поврежденные, которые могут быть идентифицированы). Бронзовых изделий насчитывается 735 экз., при этом бронзовые сосуды расположены в ее юго-восточном и северо-восточном углах. На их внешней поверхности видны следы ярко-алой краски, внутри находят морские раковины и нефритовые изделия.

Первая жертвенная яма JK1

В первой жертвенной яме встречено пять бронзовых сосудов четырех разных категорий. Некоторые вещи найдены в виде не стыкующихся между собой фрагментов, поэтому проходят сразу под двумя инвентарными номерами.

Чарка цзунь с изображением драконов и тигров – 1 экз. [K1:158, K1:258]. Орнамент на плечиках представляет собой трех драконов, головы которых находятся на стыке плечика и тулова и маркируют вертикальные литейные швы, делящие сосуд на три сектора. На каждой из трех частей тулова отлит рельеф, изображающий человека, на которого нападает (?) тигр, так что голова человека как бы оказывается внутри нависающей над ней тигриной пасти. Высота горлышка – 12,2 см, диаметр плечиков – 32 см, ширина плечика – 7,6 см, диаметр тулова – 21,6 см, высота тулова – 21,6 см, общая высота – 43,3 см (рис. 2, 1).

Чарка цзунь с изображением голов барана – 1 экз. [K1:163, K1:59]. Находка сильно повреждена и оплавлена. Сохранившиеся фрагменты украшены тремя головами баранов (на рисовке не видны). Диаметр плечиков – 23,2 см, высота сохранившегося фрагмента тулова 12,2 см (рис. 2, 2).

Кастрюля бу (поу) – 1 экз. [K1:130]. Эта находка сильно обгорела. Диаметр горлышка – 20,7 см, поддона – 24,4 см, высота сохранившегося фрагмента тулова – 4,8 см (рис. 2, 3).

Блюдо пань – 1 экз. [K1:53]. Блюдо представляет собой миску на цилиндрическом поддоне. Диаметр верхней части блюда – 32,2 см, основания – 14,5 см, высота основания – 4 см, общая высота – 10,4 см (рис. 2, 4).

Крышка гай – 1 экз. [K1:135]. Напоминает перевернутую пиалу *вань*. Диаметр – 29,2 см, общая высота – 11,2 см, диаметр ручки – 8 см, высота ручки – 1,8 см (рис. 2, 5).

Вторая жертвенная яма JK2

Во второй жертвенной яме бронзовых сосудов обнаружено больше, чем в первой, но зато категорий меньше: встречены (не считая крышек) только чарки *цзунь*, вазы *лэй* и, возможно, кувшин *ху*.

Чарок цзунь – 8 экз. Все повреждены, но 6 экз. были восстановлены полностью, а два, у которых утрачены устье и / или кольцевой поддон, – лишь частично. Еще есть не менее трех не стыкующихся между собой фрагментов тулова, возможно, от одного и того же сосуда *цзунь*. Все чарки *цзунь* из второй жертвенной ямы китайские археологи разделили на пять типов.

Тип I – 1 экз. [K2(2):135]. Находка повреждена, на плечиках и тулове – три вертикальных ребра по линиям литейных швов. На поддоне сосуда – три крестообразных прорези на одной оси с литейными швами. Диаметр плечиков – 28 см, высота – 30,5 см (рис. 3, 1).

Тип II – 1 экз. [K2(2):109]. Плечики и тулово делятся на три сектора вертикальными ребрами, идущими по линиям литейных швов. Верх поддона украшен орнаментом из двух линий. В нижней части поддона проделаны округлые отверстия разного размера, на расстоянии ок. 8 см друг от друга. Диаметр плечиков – 43,4 см, поддона – 35,6 см, высота поддона – 21 см, общая высота – 69 см (рис. 3, 3).

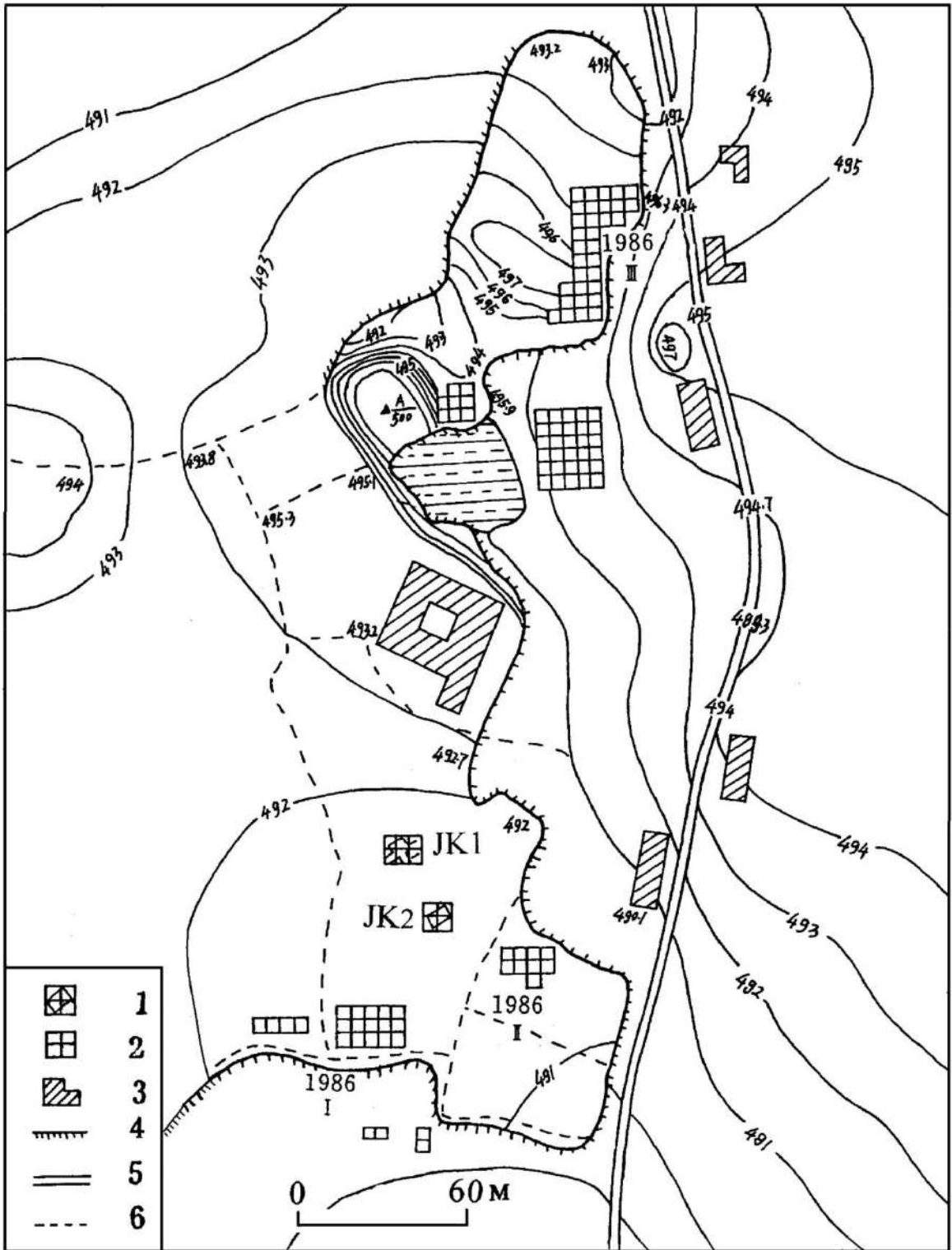

Рис. 1. План центральной части памятника Сањсиндуй: 1 – жертвенные ямы JK1 и JK2; 2 – раскопы (с указанием года работ и участка); 3 – современные здания; 4 – обрыв; 5 – дорога; 6 – тропки. Здесь и далее иллюстрации даются по: [Сањсиндуй..., 1999]; масштабирование рисунков и компоновка таблиц выполнены А. В. Вареновым

Тип III – 1 экз. [K2(2):112]. По горлышку проходят три выпуклые линии, на плечиках – три бычьих головы, отлитые вместе с сосудом, в нижней части поддона – шесть небольших округлых отверстий. Поверхность окрашена в ярко-красный цвет. Диаметр венчика – 34 см,

плечиков – 25,7 см, поддона – 19,8 см, высота поддона – 8,4 см, общая высота – 31,5 см (рис. 3, 2).

Тип IV – 2 экз. Первая находка данного типа [K2(2):79] имеет на плечиках три бычьих головы, между ними, на оси литейных швов, находятся сидящие птицы. Диаметр венчика – 41,5 см, плечиков – 29 см, поддона – 24 см, высота поддона – 14,3 см, общая высота – 44,2 см (рис. 4, 2).

Поверхность следующей находки [K2(2):146] окрашена ярко-красной краской. Сосуд заполнен морскими раковинами и нефритовыми изделиями. Плечики украшены сидящими птицами и стилизованными бычьими головами. Поддон в верхней части орнаментирован двумя линиями. Диаметр венчика – 47 см, плечиков – 28,6 см, поддона – 24,4 см, высота поддона – 19,2 см, общая высота – 52,6 см (рис. 4, 3).

Тип V – 3 экз. У первой находки данного типа [K2(2):127] плечики украшены тремя стилизованными головами баранов. Поддон в верхней части орнаментирован двумя выпуклыми

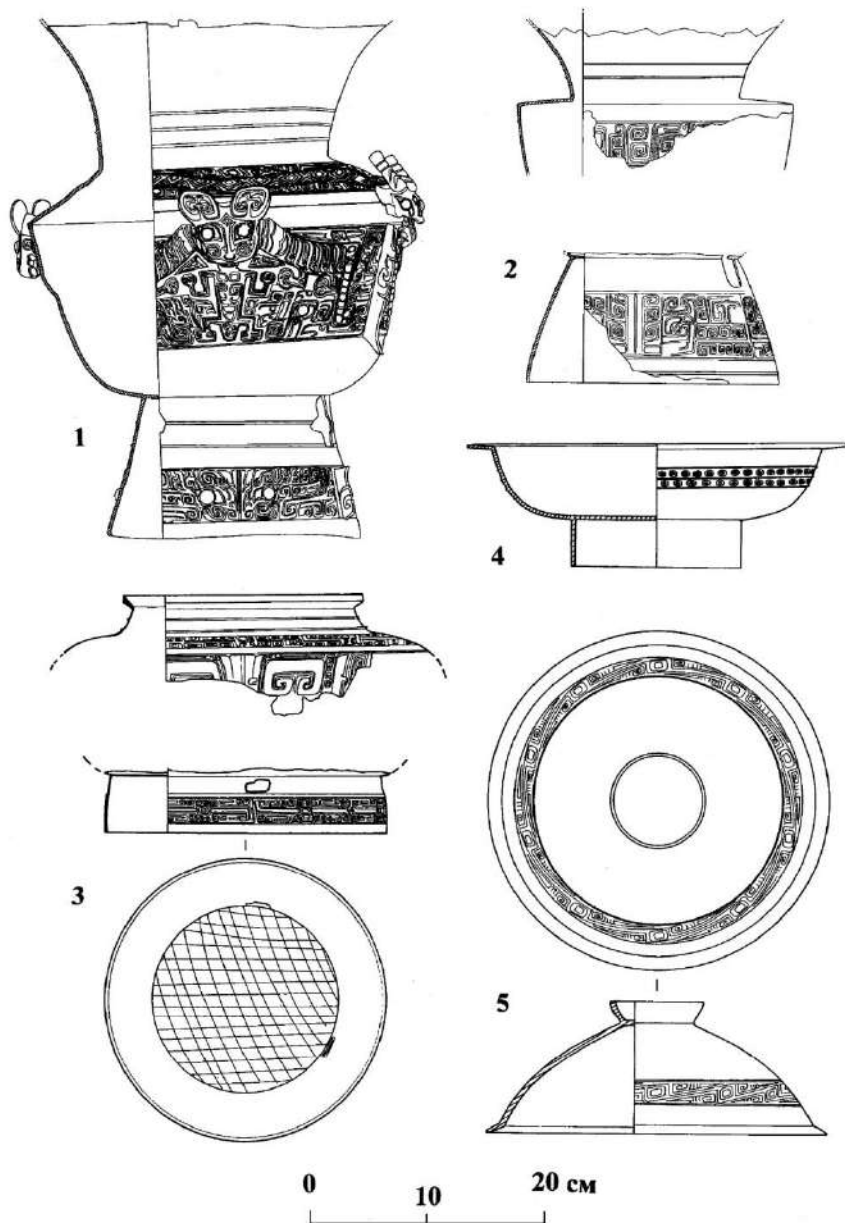

Рис. 2. Бронзовые сосуды из первой жертвенной ямы. 1 – чарка *цзунь* с драконами и тиграми; 2 – чарка *цзунь*; 3 – кастрюля *бу* (*поу*); 4 – блюдо *пань*; 5 – крышка *гай*

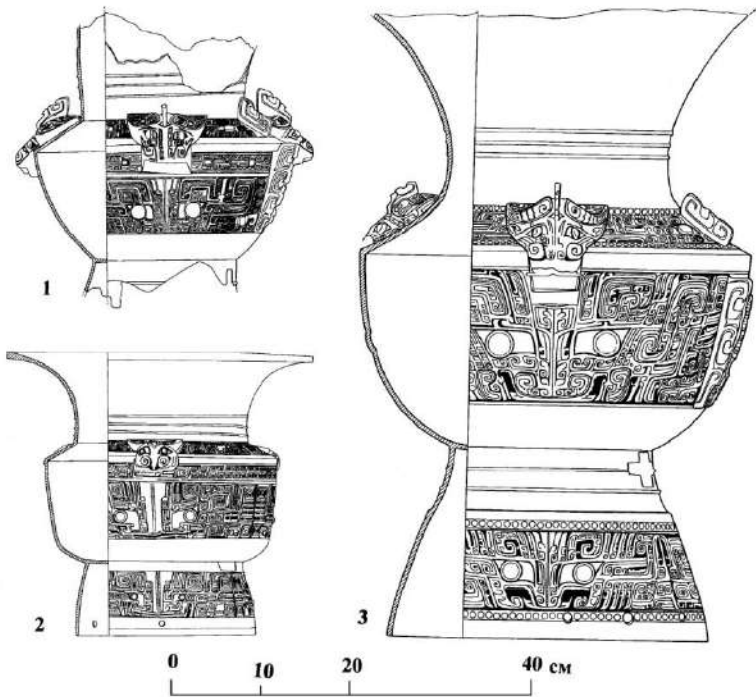

Рис. 3. Бронзовые чарки *цзунь* I–III типа из второй жертвенной ямы: 1 – чарка I типа; 2 – чарка III типа; 3 – чарка II типа

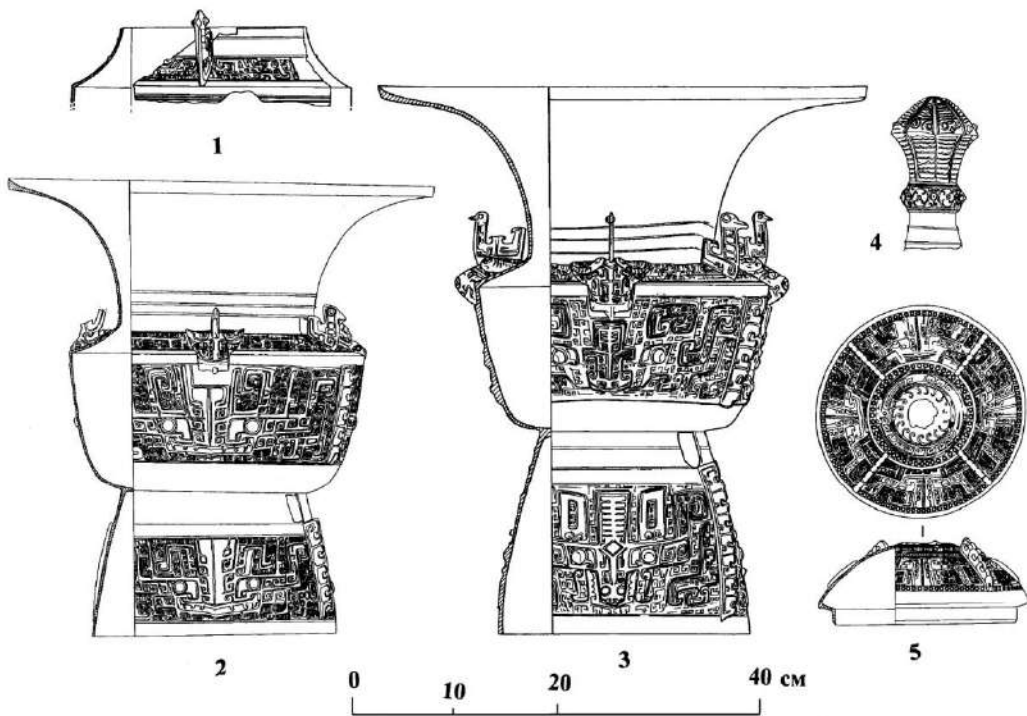

Рис. 4. Бронзовые сосуды из второй жертвенной ямы: 1 – кувшин *ху* (?); 2, 3 – чарки *цзунь* IV типа; 4 – ручка от крышки; 5 – крышка без ручки от круглой вазы *лэй*

линиями. Диаметр венчика – 40,4 см, плечиков – 28,8 см, поддона – 22 см, высота поддона – 12,6 см, общая высота – 41,6 см (рис. 5, 3).

У второй находки данного типа [K2(2):129] плечики украшены тремя стилизованными головами баранов, чередующимися с тремя фигурами сидящих птиц. Поддон в верхней части орнаментирован одной линией. Диаметр венчика – 42,6 см, плечиков – 28 см, поддона – 23,1 см, высота поддона – 13,2 см, общая высота – 45,5 см (рис. 5, 1).

У третьей находки данного типа [K2(2):151] плечики украшены тремя стилизованными головами быков, чередующихся с тремя фигурками сидящих птиц. Поддон в верхней части орнаментирован тремя линиями. Диаметр венчика – 49 см, плечиков – 29 см, поддона – 26 см, высота поддона – 22,4 см, общая высота – 56,5 см (рис. 5, 2).

Вазы лэй разделяются на два варианта: круглые и квадратные в сечении. Круглые вазы *лэй* – 5 экз., удалось восстановить 3 экз., еще две находки представлены фрагментами.

Тип I – 1 экз. [K2(2):70]. По горлышку проходит узор из трех выпуклых линий, на плечиках и на стенках находятся отдельно отлитые четыре стилизованных головы барана. Диаметр венчика – 21 см, плечиков – 28 см, общая высота – 33,4 см (рис. 6, 1).

Тип II – 1 экз. [K2(2):88]. Плечики, тулово и поддон имеют по четыре вертикальных ребра вдоль литейных швов, делящих орнаментальные пояса на четыре сектора. На плечиках и стенках находятся четыре стилизованных головы барана. Округлый поддон снабжен четырьмя прямоугольными прорезями, находящимися на одной оси с ребрами, нижний край поддона имеет восемь небольших прорезных отверстий. Диаметр венчика – 20,3 см, поддона – 18,6 см, общая высота – 35,4 см (рис. 6, 2).

Тип III – 1 экз. [K2(2):159]. Четыре сидящих на плечиках птицы находятся на одной оси с четырьмя ребрами на тулове и поддоне, они разделяют орнаментальные пояса на четыре сектора. На плечиках и стенках сосуда – четыре стилизованных головы барана. Округлый поддон снабжен четырьмя прямоугольными прорезями на одной оси с ребрами, по его нижнему краю расположено шесть отверстий. Диаметр венчика – 26,5 см, поддона – 24,6 см, общая высота – 54 см (рис. 6, 3).

Крышка круглой вазы лэй – 1 экз. [K2(2):32]. Крышка имеет четыре ребра, делящих ее поверхность на четыре сектора. Диаметр крышки – 20,7 см, высота – 8,1 см (рис. 4, 5).

Ручка от крышки круглой вазы лэй – 1 экз. [K2(3):133]. Диаметр нижнего края – 5,5 см, верхней части – 8,5 см, высота – 14,5 см (рис. 4, 4).

Квадратная ваза лэй с крышкой – 1 экз. [K2(3):205, K2(3):205-1]. Крышка в плане квадратная, верхняя часть ее оформлена как четырехгранная пирамида, на ребрах которой расположены сидящие птицы. По плечикам вазы на углах также размещены четыре фигуры сидящих птиц. В верхней части поддона проходит выпуклая линия, по середине каждой из четырех его сторон – квадратные отверстия. Ширина устья – 13,3 см, плечиков – 19 см, поддона – 12,6 см, высота поддона – 5,6 см, общая высота – 35,6 см (рис. 6, 4).

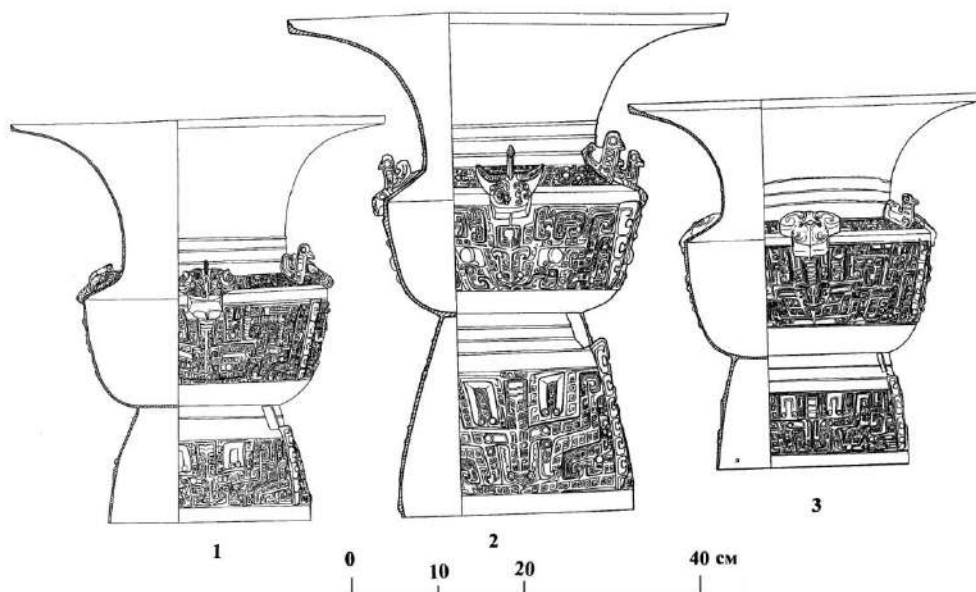

Рис. 5. Бронзовые чарки *цзунь* V типа из второй жертвенной ямы: 1–3 – чарки V типа

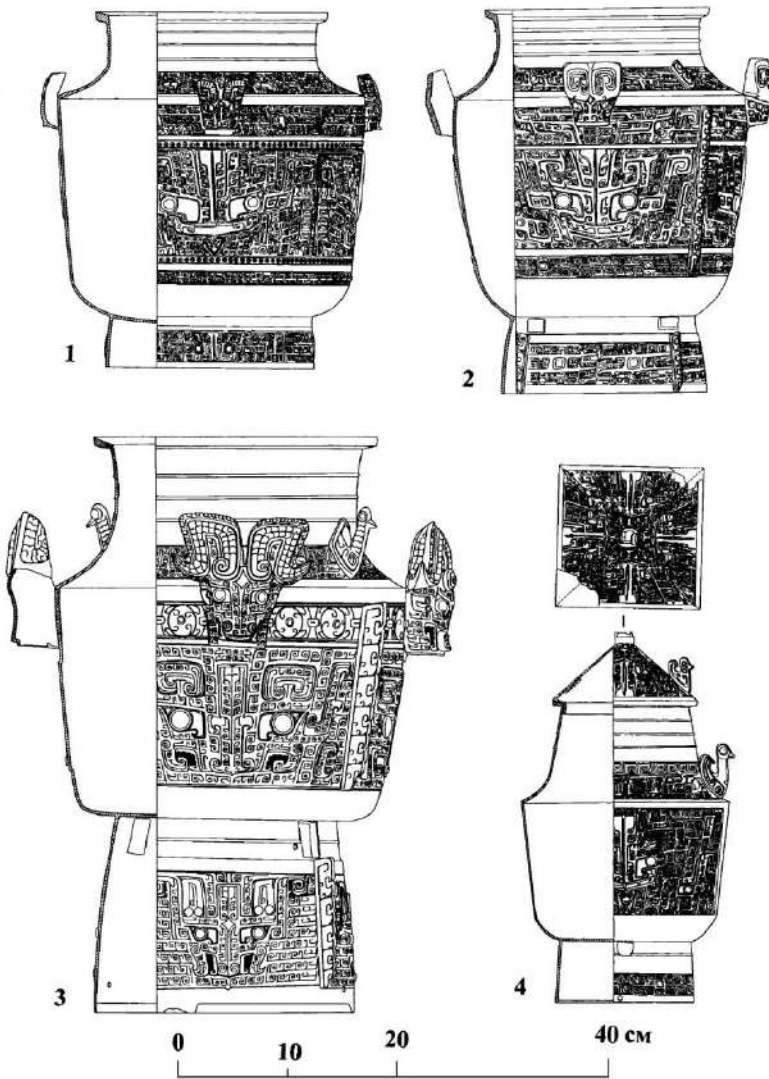

Рис. 6. Бронзовые вазы *лэй* из второй жертвенной ямы: 1 – круглая ваза I типа; 2 – круглая ваза II типа; 3 – круглая ваза III типа; 4 – квадратная ваза

Кувшин ху (?) – 1 экз. [К2(2):117]. находка повреждена, сохранился край венчика и фрагмент плечика с сидящей птицей. Диаметр венчика – 18,4 см, плечиков – 27 см, высота – 7,6 см (рис. 4, 1).

Типологическая эволюция и способы использования бронзовых сосудов

При анализе представленного материала, прежде всего, обращает на себя внимание высокая степень его однородности. Если в первой жертвенной яме встречено четыре категории бронзовых сосудов, то в более поздней второй – только две (возможно, три). Это очень мало по сравнению с синхронными памятниками Центральной равнины, где количество категорий бронзовых сосудов может достигать до полутора-двух десятков. Вместе с тем различия в оформлении отдельных деталей сосудов разных типов (а иногда и внутри одного типа) предполагают определенную эволюцию и дают возможность наметить ее основные стадии.

Китайские археологи разделили все бронзовые сосуды из Саньсиндуя на два периода и три этапа. Первому периоду (и этапу) у них соответствуют находки из ямы JK1, а второму

периоду – находки из ямы JK2, которые делятся на два этапа: ранний (второй) и поздний (третий). Ко второму этапу у них отнесены чарки *цзунь* типов I–III, вазы *лэй* типов I и II, а также крышка от круглой вазы *лэй*. В третий этап включены чарки *цзунь* типов IV и V, ваза *лэй* типа III и квадратная в сечении ваза *лэй* [Саньсиндуй, 1999. С. 433–435].

На наш взгляд, предложенная схема не отражает всех деталей изменений, происходивших с бронзовыми сосудами Саньсиндуя, и может быть существенно дополнена и уточнена. Незначительное количество категорий бронзовой посуды рассматриваемого комплекса вынуждает нас ввести более дробное деление для самой представительной из них – чарок *цзунь*. Мы разделили весь их массив на варианты А и В по способу оформления поддона. У варианта А промежуток между орнаментальным поясом на поддоне и туловом гладкий, у варианта В – украшен двумя (в одном случае – тремя) выпуклыми кольцевыми линиями. Кроме того, у варианта А отверстия в этой части поддона прямоугольные, а у варианта В – крестообразные (на ранних стадиях эволюции).

Различия по первому признаку не обусловлены ни технологически, ни, вероятно, семантически и носят характер двух вариантов традиции. Отверстия в поддоне хотя и являются технологическими (образовывались в процессе отливки сосуда за счет приспособлений для закрепления сердечника в центре литейной формы), но их формы (т. е. сечение приспособлений для закрепления сердечника) – прямоугольная или крестообразная – на надежность крепления и сам процесс литья не влияли. Следовательно, и второй избранный нами признак носит характер традиции, представленной в двух вариантах. Присутствие двух вариантов традиции оформления поддонов чарок *цзунь* прослеживается на всех стадиях их эволюции.

В JK1 вариант А представлен сосудом *цзунь*, украшенным бараньими головами (рис. 7, 1), а вариант В – сосудом, украшенным тиграми и драконами (рис. 7, 5). В JK2 к варианту А относятся чарки III (рис. 7, 2), IV (рис. 7, 4) и V (рис. 7, 3) типов. Также в JK2 вариант В включает чарки *цзунь* I (рис. 7, 7), II (рис. 7, 6), IV (рис. 7, 10) и V (рис. 7, 8, 9) типов. Внутри выделенных вариантов сосудов прослеживается их параллельная эволюция по одним и тем же признакам.

Первая жертвенная яма старше, чем вторая, примерно на 100 лет [Гирченко, 2010. С. 175]. Но это отнюдь не означает, что и все без исключения находки из второй ямы моложе ровно на 100 лет. Нам уже приходилось писать о том, что жертвенные ямы Саньсиндуя представляют собой захоронения остатков интерьера древних храмов [Варенов, Гирченко, 2012. С. 18]. А инвентарь для храма не создавался одномоментно, а накапливался постепенно, в течение всего периода функционирования, возможно, в виде серий изделий определенных типов. Данное обстоятельство позволяет выделить, как минимум, три стадии (этапа) эволюции бронзовых сосудов из второй ямы: I стадия представлена чарками *цзунь* I, II и III типов (рис. 7, 2, 6, 7) и вазой *лэй* I типа (рис. 7, 15); II стадия – двумя чарками *цзунь* V типа (рис. 7, 3, 8), круглой крышкой *гай* (рис. 7, 13) и вазой *лэй* II типа (рис. 7, 16); III стадия – чарками *цзунь* IV (рис. 7, 4, 10) и V (рис. 7, 9) типов и вазой *лэй* III типа (рис. 7, 17).

В основе предложенной нами эволюционной схемы (см. рис. 7) лежат наблюдения за декоративным оформлением литейного шва на бронзовых сосудах из Саньсиндуя. В JK1 на чарке *цзунь* варианта А литейные швы рельефно не выделены (рис. 2, 2). На чарке варианта В в районе пересечения литейными швами орнаментальных поясков на тулове и поддоне выступают декоративные ребра, но на плечике такого ребра нет (рис. 2, 1). На первой стадии эволюции сосудов *цзунь* из ямы JK2 чарка варианта А также лишена ребер на месте литейных швов (рис. 3, 2). А вот у чарок варианта В такие ребра есть не только на туловах, но и на плечиках, хотя поддоны и остаются пока без ребер (рис. 3, 1, 3). Сами ребра оформлены большим количеством декоративных элементов, чем у сосудов из JK1. На второй стадии эволюции ребра на месте литейных швов появляются не только на плечиках и туловах, но и на поддонах, причем как у чарки варианта В (рис. 5, 3), так и у чарки варианта А (рис. 5, 1) (для варианта А ребра – это вообще новшество). Оформление ребер на туловах и поддонах претерпевает дальнейшие изменения в сторону декоративности, а на плечиках они превращаются в профильные фигурки сидящих птиц. На второй и третьей стадиях технологические отверстия в поддонах чарок варианта В становятся не крестообразными, а прямоугольными. На третьей стадии чарки *цзунь* и варианта А (рис. 4, 2), и варианта В (рис. 4, 3; 5, 2) в целом

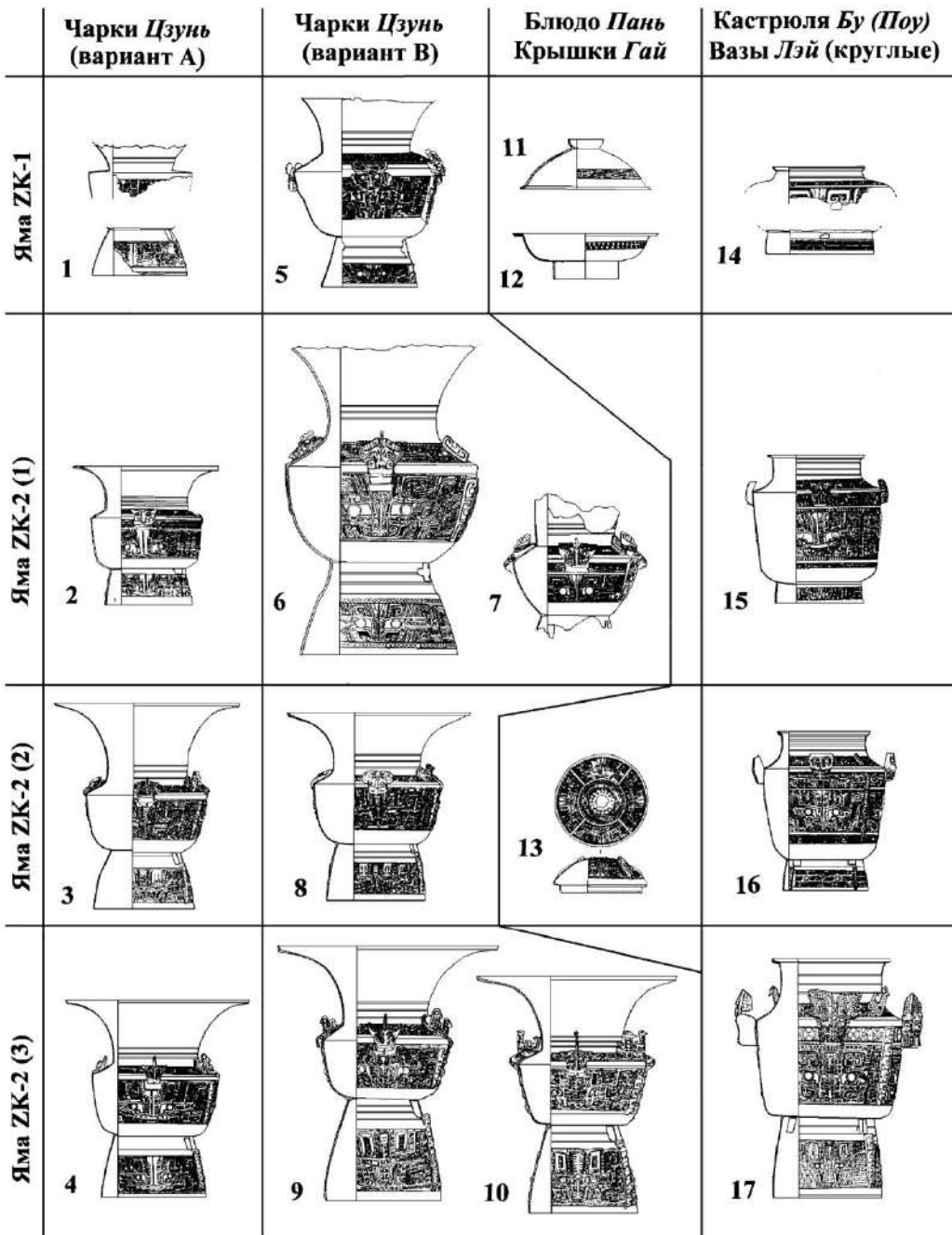

Рис. 7. Типологическая эволюция бронзовых сосудов Саньсиндуня: 1 – чарка цзунь с баранами; 2 – чарка цзунь III типа; 3 – чарка цзунь V типа; 4 – чарка цзунь IV типа; 5 – чарка цзунь с драконами и тиграми; 6 – чарка цзунь II типа; 7 – чарка цзунь I типа; 8 – чарка цзунь V типа; 9 – чарка цзунь V типа; 10 – чарка цзунь IV типа; 11 – крышка гай; 12 – блюдо пань; 13 – крышка от вазы лэй; 14 – кастрюля бу (шоу); 15 – ваза лэй I типа; 16 – ваза лэй II типа; 17 – ваза лэй III типа. 1, 5, 11, 12, 14 – из первой жертвенной ямы; 2–4, 6–10, 13, 15–17 – из второй жертвенной ямы. Все – один масштаб

близки своим предшественницам, но ребра на месте литейных швов у них увеличиваются по высоте и становятся еще более вычурными, а профильные фигурки сидящих птиц на плечиках размещаются не только на месте литейных швов, но и по центру расположенных в промежутках между ними бараньих голов, что означает полное забвение первоначальной семантики последних. Кроме того, от первой к третьей стадии у чарок цзунь увеличивается и абсолютная, и, особенно, относительная высота поддона.

Похожую эволюцию претерпевают и круглые в сечении бронзовые вазы *лэй*. На первой стадии у вазы I типа нет ребер на месте литейных швов, поддон невысокий и в силу этого, за ненадобностью, лишен технологических отверстий (рис. 6, 1). На второй стадии, у вазы II типа ребра появляются и на тулове, и на поддоне, и на плечиках, поддон становится более высоким, и в нем появляются прямоугольные отверстия (рис. 6, 2). На третьей стадии у вазы III типа ребра на месте литейных швов становятся более высокими и вычурными, поддон увеличивается по высоте, приближаясь по этому параметру к чаркам *цзунь*, а на плечиках появляются профильные изображения сидящих птиц (рис. 6, 3). Профильные изображения сидящих птиц на плечиках и крышке квадратной вазы *лэй* и поддон с отверстиями позволяют отнести ее ко второй или, скорее, третьей стадии (рис. 6, 4). Точное совпадение внешнего диаметра закраины круглой крышки и внутреннего диаметра устья вазы *лэй* II типа и наличие на крышке ребер, полностью аналогичных ребрам на этой вазе, заставляют считать их вещами из одного комплекта, а значит, отнести ко второй стадии и крышку (рис. 4, 5). Ко второй стадии относится и фрагмент кувшина *ху* (?), на плечике которого отлито профильное изображение сидящей птицы (рис. 4, 1).

Как видим, чарки *цзунь* выделенного китайскими исследователями Саньсиндуйя V типа оказываются и на второй, и на третьей стадиях предложенной нами эволюционно-хронологической схемы, а чарки IV типа – только на третьей, т. е. получают эволюционно более поздними. Выходит, что китайские специалисты избрали неверные критерии для построения классификации бронзовых сосудов из Саньсиндуйя, отсюда и нечеткая типология, ведущая к хронологическим сбоям.

Наличие двух вариантов (т. е. двух традиций) изготовления бронзовых сосудов одной категории может означать присутствие в Саньсиндуйе первоначально двух мастеров-литейщиков, которые работали параллельно на одного и того же заказчика (государство? храм?), выполняя сходные заказы. Каждому из этих мастеров удалось создать свою «школу», о чем свидетельствует устойчивое сохранение двух традиций на протяжении, по крайней мере, двух первых стадий эволюции бронзовых сосудов Саньсиндуйя. Только на второй для JK2 (третьей по общему счету) стадии наблюдается частичная амальгамация двух традиций, когда чарки *цзунь* варианта А обзаводятся ребрами на месте литейных швов, а технологические отверстия в поддонах чарок *цзунь* варианта В из традиционно крестообразных превращаются в прямоугольные. Получается, что искусство литья бронзовых сосудов (а также, видимо, бронзовых голов, масок и статуй) было занесено в Сычуань на саньсиндуйском этапе эволюции местной культуры парой мастеров-ремесленников откуда-то из районов, близких к Центральной равнине, и потом развивалось на равнине Чуаньси в относительной изоляции, приспособляясь к запросам местных заказчиков.

Что касается использования бронзовых сосудов в Саньсиндуйе, то нам уже приходилось писать, что они венчали макушки крупных статуй, выполненных на деревянной основе с бронзовыми накладными деталями, в первую очередь лицами [Варенов, Гирченко, 2012. С. 18; 2013. С. 29]. Как такие «саньсиндуйские кариатиды» могли выглядеть, демонстрирует небольшая бронзовая статуэтка из JK2 (рис. 8, 1, 2). Первоначально, в первой жертвенной яме, накладными деталями статуй с сосудами были бронзовые головы типа А, с небольшими закраинами и отверстиями в верхней части [Саньсиндуй, 1999. С. 23–24; Варенов, Гирченко, 2012. С. 13–14]. Крепление сосуда к ним и осуществлялось за счет этих отверстий (рис. 8, 3, 4). Потом на смену головам пришли крупные бронзовые маски. В JK1 встречено три бронзовых головы типа А и одна маска, что хорошо соответствует количеству найденных там же бронзовых сосудов (их тоже четыре, если не считать крышки). Высказанное нами ранее предположение, что эти сосуды могли крепиться и на бронзовые головы типа В, следует признать ошибочным [Варенов, Гирченко, 2012. С. 19].

Во второй жертвенной яме бронзовых голов, предназначенных для использования в комбинации с сосудами, уже нет, хотя небольшие отверстия по низу поддона для более надежного закрепления на деревянной основе у некоторых сосудов еще сохраняются. Зато там начинают широко применяться бронзовые маски большого размера (в первую очередь типа С), украшавшие крупные деревянные статуи [Саньсиндуй, 1999. С. 188–190; Варенов, Гирченко, 2013. С. 21–22]. Именно на макушки таких статуй, на затесанную в виде усеченного конуса вершину толстого бревна, составлявшего их основу, надевались бронзовые сосуды *цзунь*

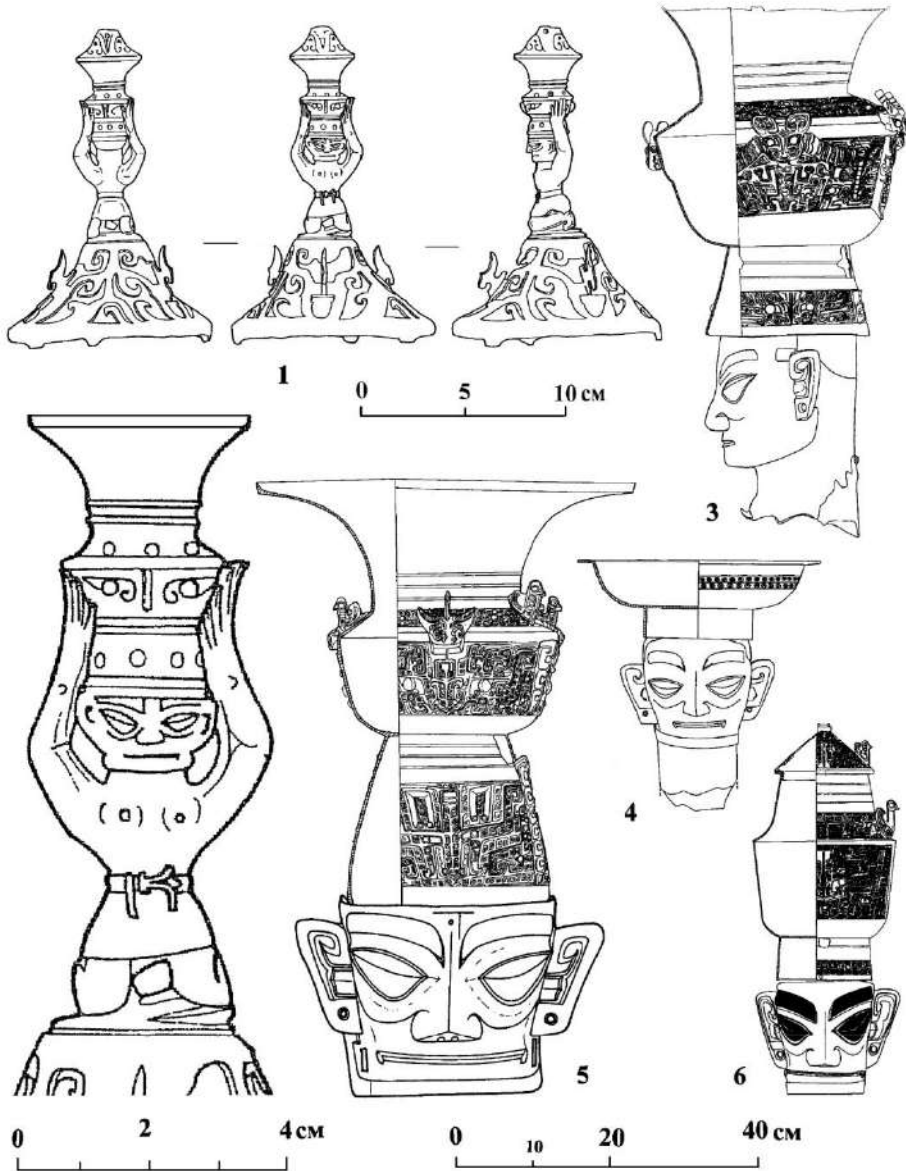

Рис. 8. Бронзовые головы и маски Саньсиндуня в сочетании с сосудами и статуэтка с сосудом: 1 – статуэтка коленопреклоненного человека с сосудом на голове (подставка высокого изделия ?) из второй жертвенной ямы; 2 – то же, деталь крупным планом; 3 – бронзовая голова типа Аа и чарка *цзунь* из первой жертвенной ямы; 4 – бронзовая голова типа Аb и блюдо *пань* из первой жертвенной ямы; 5 – бронзовая маска типа С и чарка *цзунь* V типа из второй жертвенной ямы; 6 – бронзовая маска типа D и квадратная ваза *лэй* из второй жертвенной ямы

и вазы *лэй* на высоком коническом поддоне, встреченные во второй яме. Отличием от Центральной равнины в способах применения бронзовой посуды и объясняется незначительное количество ее категорий в Саньсиндуне, где представлены только сосуды на поддонах, которые можно было водрузить на вершину статуй, а многочисленные на Центральной равнине триподы совершенно отсутствуют.

Диаметр основания поддона бронзового сосуда из JK2 и диаметр верха лица бронзовой маски типа С во многих случаях совпадают (рис. 8, 5, 6). Примечательно, что в яме № 2 примерно совпадает и количество бронзовых масок типа С (12 экз.), а также бронзовых сосудов *цзунь* и круглых ваз *лэй* (11 экз., но кроме них встречено еще три не стыкующихся между собой обломка от разных частей сосуда *цзунь*, возможно, что все три от одного и того же изделия, и всего сосудов могло быть 12). Так что не исключено, что в перспективе каждой брон-

звой маске типа С из второй жертвенной ямы удастся подобрать пару из числа чарок и ваз, захороненных в той же яме.

В заключение хотелось бы предостеречь от поспешного механического отождествления выделенных нами трех стадий эволюции бронзовых сосудов из второй жертвенной ямы с предложенными ранее тремя стадиями технологической эволюции бронзовых масок Саньсиндуя [Варенов, Гирченко, 2013. С. 27–29]. Дело в том, что все бронзовые чарки *цзунь* (т. е. относящиеся ко всем трем выделенным нами стадиям) из второй жертвенной ямы JK2 монтировались вместе с масками одного-единственного типа С, представляющего только одну из трех стадий эволюции масок. Это означает, что эволюция сосудов по времени была более компактной, чем эволюция масок.

Список литературы

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Культурные бронзы Саньсиндуя и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 15. С. 246–251.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуя и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. С. 10–19.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 4: Востоковедение. С. 19–30.

Гирченко Е. А. Периодизация культуры Саньсиндуй по бронзовым материалам жертвенных ям // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 170–175.

Комиссаров С. А., Гирченко Е. А. Саньсиндуй: земля бронзовых исполинов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 82–90.

Саньсиндуй цзисыкэн [三星堆祭祀坑。北京: 文物出版社, 1999] Жертвенные ямы Саньсиндуя. Пекин: Вэньбу чубаньшэ, 1999. 628 с.

Материал поступил в редколлегию 21.12.2013

Andrey V. Varenov, Ekaterina A. Girchenko

¹ *Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

avvarenov@mail.ru

BRONZE VESSELS FROM THE SACRIFICIAL PITS OF SANXINGDUI

This article presents a brief review of the feature that Sanxingdui Bronze Age culture, spread in Sichuan province of the PRC, has much in common with Yinxu culture of the Central Plain – bronze vessels found in sacrificial pits. The lines of the possible evolution of those bronze vessels are outlined in the article and reconstructions of the ways of their everyday use as the details of the interior of ancient temples are given.

There are five bronze vessels of four different categories in the first sacrificial pit (JK1): two *zun*, one *bu* (*pou*), one *pan* plate and one *gai* lid. In the second sacrificial pit (JK2), at least 12 bronze vessels of only two (or three) categories (excluding *gai* lids) were met: 8 *zun* vessels, 4 *lei* vessels and, perhaps, a *hu* vessel. Because categories are scarce in Sanxingdui collection of bronze vessels and *zun* vases are the most numerous among them, the authors propose to divide *zun* vases from Sanxingdui into two variants: A & B. *Zun* of A variant has the plain upper part of the base with rectangular holes in it. *Zun* of B variant has the upper part of the base with two or three lines in relief and cross-shaped holes in it. The differences between *zun* of A and B variants have no technological or semantic meaning and represent two variants of tradition of casting of those bronze vessels.

The development of two variants of *zun* bronze vessels in Sanxingdui came in parallel and followed the same lines of the typological evolution. According to the authors' opinion, the typological evolution of bronze vessels from Sanxingdui sacrificial pits can be divided into four stages. Stage I is represented by bronze vessels from the first sacrificial pit (JK1). *Zun* vase of B variant has vertical protruding ribs, dividing ornamentation belts at the body and the base into three parts, and *zun* vase of A variant has none. Stage II is represented by *zun* bronze vessels of I-III types and by *lei* bronze vessel of I type from the pit JK2. *Zun* vases of B variant have vertical protruding ribs, dividing ornamentation belts at their bodies and shoulders into three parts, and *zun* vase of A variant has none.

Stage III is represented by *zun* bronze vessels of V type and by *lei* bronze vessel of II type from the pit JK2. At stages III and IV one can see the partial fusion of two traditions of casting of *zun* bronze vessels. Both variants of vases have vertical protruding ribs, dividing ornamentation belts at their bases, bodies and shoulders into three parts (sign of B variant) and holes at their bases are rectangular (sign of A variant). Vertical ribs at the shoulders of vessels are now shaped like sitting birds. Stage IV is represented by *zun* bronze vessels of IV and V types and by *lei* bronze vessel of III type from the second pit (JK2). Vertical ribs and bases of vessels are now even higher than at the III stage, and birds at the shoulders are sitting not only on the ribs, but also in the center of bulls' and rams' heads cast between them.

The authors think that two variants of bronze vessels of the same category at the initial stages of functioning of sacrificial pits presume the existence of two traditions borrowed from the Central Plain and represented by two craftsmen who stood at the cradle of Sanxingdui bronze casting for a number of years. The authors state that bronze vessels in Sanxingdui were used in combination with bronze masks of C type from the sacrificial pit JK2 and bronze heads of A type from the sacrificial pit JK1 as parts of huge anthropomorphic sculptures (with wooden core).

Keywords: China, Bronze age, Sanxingdui culture, Sichuan province, bronze vessels, sacrificial pits, bronze casting, anthropomorphic sculpture.

References

Girchenko E. A. Periodizatsiya kultury Sanxingdui po bronzovym materialam zhertvennyh yam [Periodization of Sanxingdui Culture Based on Bronze Materials from the Sacrificial Pits]. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Materials of the Annual Session of the Institute of Archaeology & Ethnography of SB RAS 2010*, Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2010, vol. 16, p. 170–175.

Komissarov S. A., Girchenko E. A. Sanxingdui: zemlya bronzovyh ispolinov [Sanxingdui: The Land of Bronze Giants]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2012, vol. 11, issue 7: Archaeology and Ethnography, p. 82–90.

Varenov A. V., Girchenko E. A. Kultovye bronzy Sanxingduya i puti ih semanticheskoy interpretatsii [Cult Bronzes of Sanxingdui and the Ways of their Semantic Interpretation]. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Materials of the Annual Session of the Institute of Archaeology & Ethnography of SB RAS 2009*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2009, vol. 15, p. 246–251.

Varenov A. V., Girchenko E. A. Bronzovye golovy iz zhertvennyh yam Sanxingduya i rekonstruktsiya detaley inter'era drevnih hramov [Bronze Heads from the Sacrificial Pits of

Sanxingdui and the Reconstruction of the Interior Details of Ancient Temples]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2012, vol. 11, issue 4: Oriental Studies, p. 10–19.

Varenov A. V., Girchenko E. A. Bronzovye maski, maskoidy i lichiny iz zhertvennyh yam Sanxingduya [Bronze Masks and Maskoids from the Sacrificial Pits of Sanxingdui]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2013, vol. 12, iss. 4: Oriental Studies, p. 19–30.

Sanxingdui jisikeng [三星堆祭祀坑。北京：文物出版社，1999]. Sacrificial Pits of Sanxingdui. Beijing, Wenwu publishers, 1999, 628 p.

А. В. Варенов¹, Е. А. Гирченко²

¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

avvarenov@mail.ru

БРОНЗОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ ИЗ ЖЕРТВЕННЫХ ЯМ САНЬСИНДУЯ*

Представлена одна из наиболее интересных черт культуры Саньсиндуй, относящейся к эпохе бронзы и распространенной в пров. Сычуань (КНР) – бронзовые модели деревьев, встреченные в жертвенной яме JK2 на эпонимном памятнике. Намечаются возможные пути эволюции больших бронзовых деревьев Саньсиндуя, обсуждается реконструкция древних ритуалов с их использованием. По мнению авторов, технологическая эволюция больших бронзовых деревьев может быть разделена на три стадии. Стадия I представлена деревом № 3, стадия II – деревом № 2 и стадия III – деревом № 1. Конструктивные особенности дерева № 3 позволяют синхронизировать время его создания с бытованием бронзовых масок типов B и D, наиболее ранних для жертвенной ямы JK2, а трех стадий технологической эволюции деревьев – с тремя стадиями такой же эволюции бронзовых масок. Авторы считают, что так называемые «малые деревья» на самом деле являлись обломанными верхушками больших, и дают схему их соотношения. В заключительной части статьи обсуждается предполагаемая реконструкция ритуала уничтожения лишних светил, с которым, как считается, было связано создание и использование бронзовых деревьев Саньсиндуя.

Ключевые слова: Китай, бронзовый век, культура Саньсиндуй, пров. Сычуань, бронзовые «деревья духов», жертвенные ямы, бронзолитейное искусство, ритуал.

Введение

Саньсиндуй – своеобразная культура эпохи развитой бронзы на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие бронзовой скульптуры, в том числе антропоморфных голов, масок и маскоидов. Но наиболее любопытные находки из Саньсиндуя – это бронзовые модели деревьев, так называемые «деревья духов». Именно они рассмотрены в данной статье, продолжающей анализ культовых бронз Саньсиндуя, начатый в наших предыдущих публикациях [Варенов, Гирченко, 2009; 2012; 2013; 2014]. Предполагается разработать типологию бронзовых деревьев, наметить основные стадии их эволюции и обсудить реконструкцию их применения в ритуале.

«Деревья духов»

Китайские археологи делят бронзовые «деревья духов» на большие и малые. Кроме того, в статье рассмотрены находки, отнесенные ими к этой же категории культовых изделий: основание дерева, сломанная ветка, фигурки птиц, цветы и плоды [Саньсиндуй..., 1999. С. 214–227].

Большие «деревья духов» – 2 экз.

Большое «дерево духов» № 1 [K2(2):94] конструктивно состоит из трех частей: основания-опоры, ствола с ветвями и дракона, спускающегося вниз по стволу (рис. 1). Нижняя

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014/К).

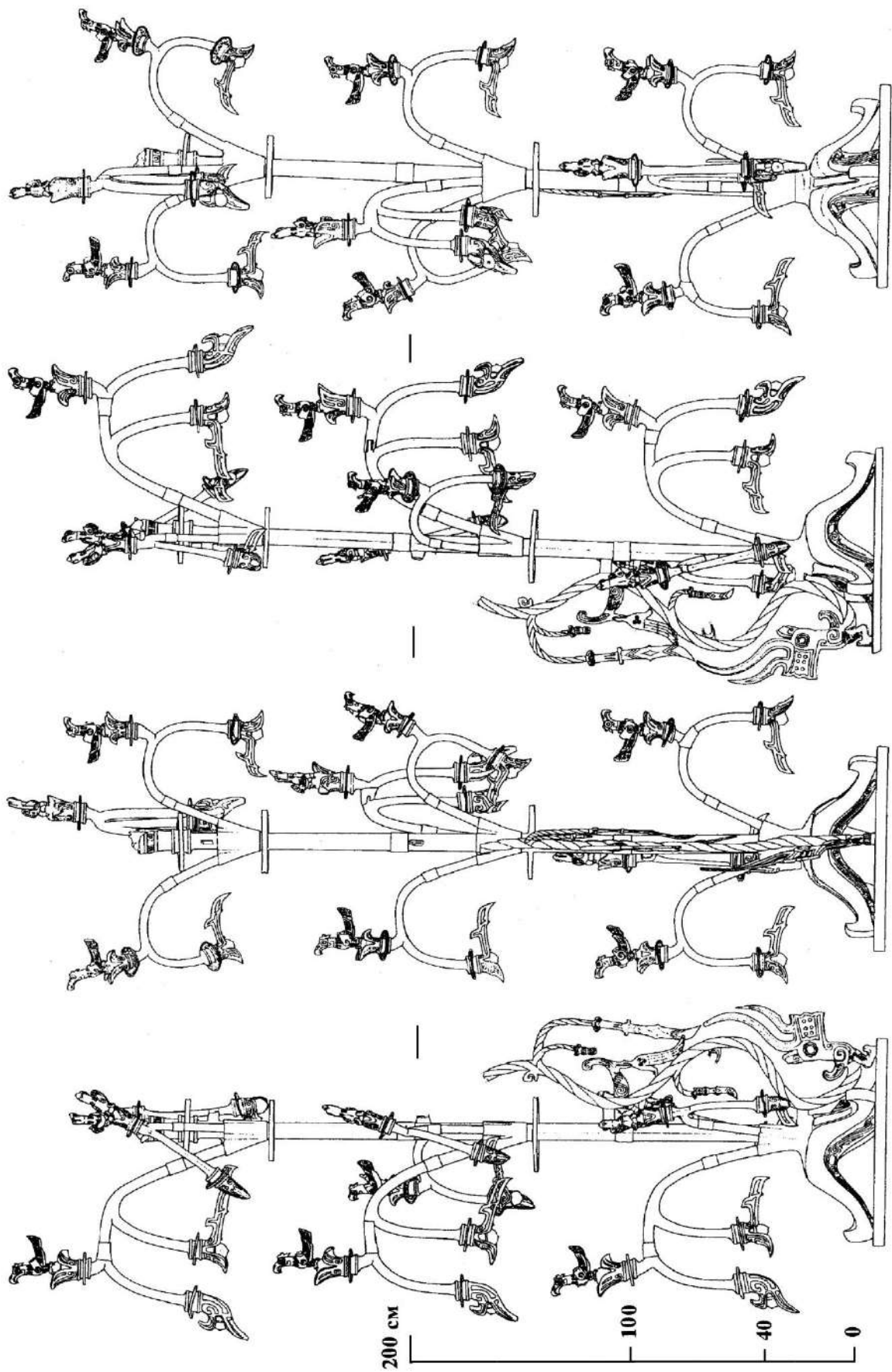

Рис. 1. Большое бронзовое «дерево духов» № 1. Здесь и далее иллюстрации даются по: [Саньсиндуй..., 1999]; масштабирование рисунков и компоновка таблиц выполнены А. В. Вареновым

часть основания представляет собой плоское кольцо диаметром 92,4–93,5 см, на котором закреплены три ножки в виде корней дерева, образующие аркообразные своды, с загнутыми вверх концами. На ребрах ножек отлиты длинные прямоугольные вырезы, возможно, изначально туда вставлялись какие-то дополнительные элементы. На верхней части основания вертикально укреплен ствол дерева, к нему прилиты три уровня ветвей, по три на каждом из уровней, всего девять ветвей. Под ветвями второго и третьего уровней к стволу дерева перпендикулярно прилиты круглые кольца с прорезным ажурным орнаментом. На макушке дерева, над ажурным кольцом ветвей третьего уровня размещался цветок (?), верхняя часть которого не сохранилась. Дракон и ветви с четырех сторон прилиты к стволу дерева. С противоположной дракону стороны ветви длинные, с тремя отростками, каждый из которых заканчивается цветком с плодом между двух лепестков. Боковые (относительно дракона) ветви короткие, с двумя отростками с цветами. На каждом из плодов, находящихся в цветках на концах направленных вверх отростков, сидит птица. Сохранившаяся длина ствола дерева 359 см, общая высота (с кольцевым основанием, «корнями» и ветвями) 396 см.

Большое «дерево духов» № 2 [К2(2):194] разделяется на две части: ствол и основание. Три ножки основания торчат в стороны, как корни дерева, их острые концы загнуты вверх. Основание состоит из трех отдельно отлитых секторов (один из них сейчас полностью отсутствует), которые скреплялись между собой через круглые отверстия в «корнях», в месте стыка «корней» с опорным кольцом основания использовалась сварка расплавленной бронзой. На опорном кольце, прямо в центре образуемой «корнями» арки, с каждой из трех его сторон размещена коленопреклоненная человеческая фигурка высотой 19 см (рис. 2, 3).

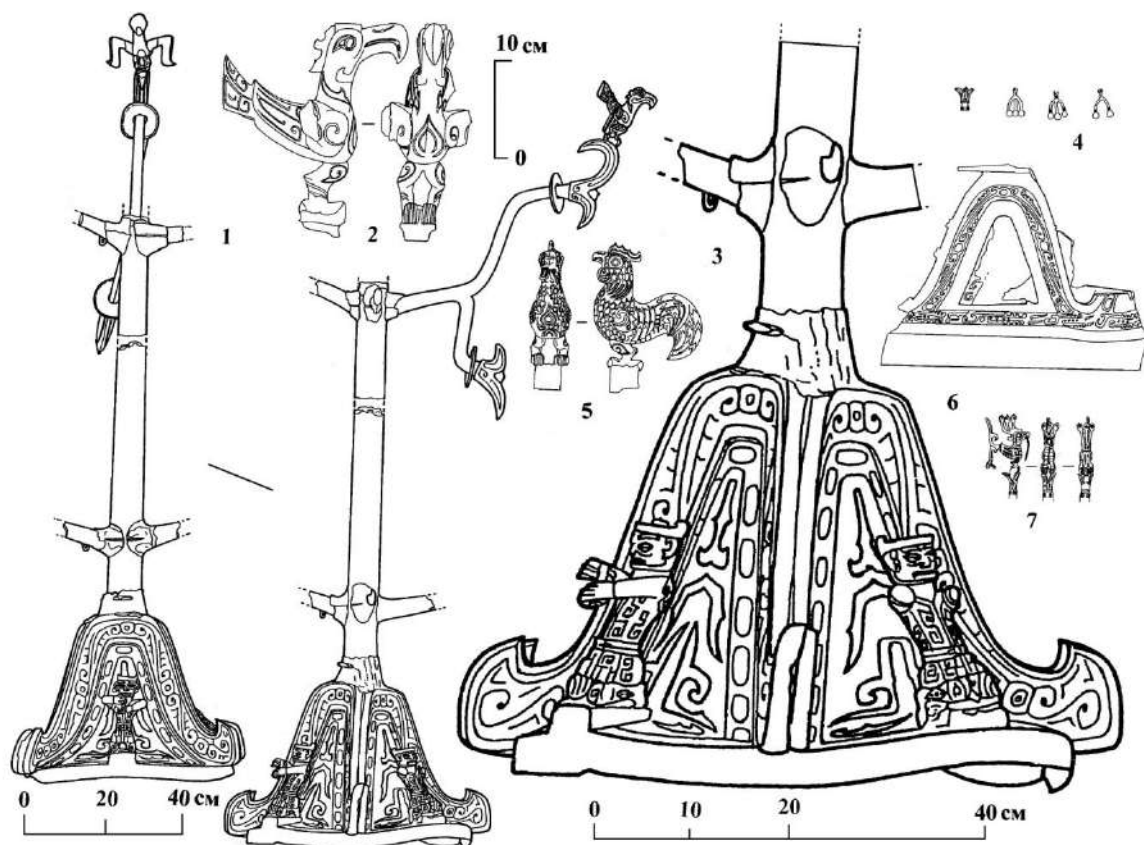

Рис. 2. Большое бронзовое «дерево духов» № 2, основание дерева № 3 и бронзовые птицы: 1 – «дерево духов» № 2; 2 – птица с «дерева духов» № 2; 3 – основание «дерева духов» № 2; 4 – цветок и ягоды с «дерева духов» № 3; 5 – бронзовый петух, 6 – основание «дерева духов» № 3; 7 – птица с «дерева духов» № 3 (2–7 в одном масштабе)

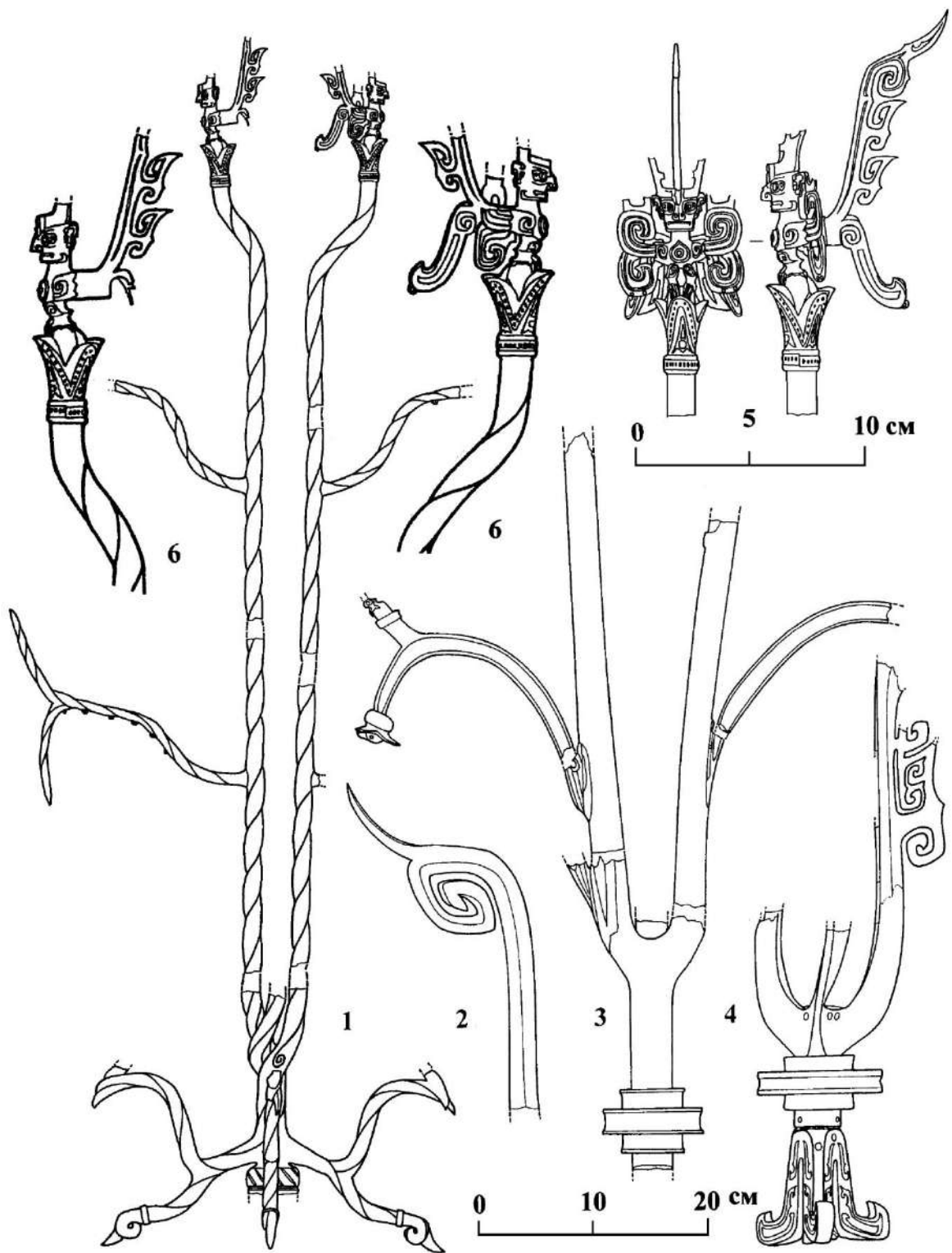

Рис. 3. Малые бронзовые «деревья духов»: 1 – дерево с витыми ветвями; 2 – ветвь с двумя листками; 3 – дерево с трубчатыми ветвями; 4 – дерево с плоскими ветвями; 5 – графическая реконструкция общего вида «птицы с человеческим лицом»; 6 – крупный план «птиц с человеческим лицом» (детали дерева с витыми ветвями) (1–4 в одном масштабе)

Основание и ствол дерева отлиты порознь и соединены путем заливки места стыка жидкой бронзой. Верхняя часть дерева обломана, у ствола осталось два уровня с тремя ветвями на каждом, сами ветви обломаны, сохранились лишь их основания; на втором уровне уцелела только одна ветвь из трех. На цветке, расположенном на направленном вверх отростке неповрежденной ветви, сидит птица. Диаметр основания 54,8 см, высота ствола дерева 142 см, общая высота 193,6 см (рис. 2, 1).

Птица с большого «дерева духов» – 1 экз. [К2(2):194–1], высота 21,4 см (рис. 2, 2).

Основание «дерева духов» – 1 экз. [К2(3):17]. Внизу основания участок с гладкими вертикальными или слегка наклоненными внутрь стенками, выше три дугообразные ножки, соединяющиеся в верхней части наподобие арки, в месте их общего соединения крепился ствол дерева, ныне утраченный. В гладких боковых стенках кольцевого основания проделано 10 маленьких круглых отверстий. На прорисовке они не показаны, но на фотографии видны очень хорошо. Диаметр основания 26, сохранившаяся высота 20 см (рис. 2, 6).

Малые «деревья духов» – 4 экз.

Дерево с витыми ветвями [К2(3):272]. Основание дерева отсутствует, от главного ствола сохранилась верхняя часть с плоским ободком с косой насечкой. Выше главного ствола три отходящие в стороны ветви, оформленные как витые шнуры. Ствол также отлит из трех плетеных «шнуров», вертикально вверх идут три побега. От одного мало что сохранилось, два других сломаны в нескольких местах (рис. 3, 1). На конце расположен цветок с двумя лепестками и плодом между ними. На плодах сидят, как выразились китайские археологи, «птицы с человеческим лицом» (рис. 3, 5, 6) [Саньсиндуй..., 1999. С. 221].

Ветвь с двумя листками [К2(3):267]. Длина 28,6 см (рис. 3, 2).

Дерево с трубчатыми ветвями [К2(3):204, 261] представлено тремя не стыкующимися обломками. В верхней части главного ствола находятся три основания обломанных ветвей, сохранились фрагменты только двух. В нижней части ствола закреплена система трех бронзовых дисков в виде плоского кольца *би* диаметром 8,8 и общей высотой 5,2 см. Длина главного ствола 26,2, диаметр 3,6 см. Длина одной поврежденной ветви 32,6, длина другой 33,5 см (рис. 3, 3).

Дерево с уплощенными ветвями [К2(3):20]. Основание дерева похоже на перевернутый четырехлепестковый цветок, в миниатюре повторяющий загнутые на концах вверх «корни» больших деревьев. На ребре одного из «корней» и в аркообразном своде другого есть по маленькому отверстию. Выше закреплена система дисков, в нижнем проделано три равномерно расположенных отверстия. Выше дисков начинаются основания трех уплощенных ветвей, две из которых коротко обломаны, а третья, сохранившаяся лучше, украшена прорезным ножевидным пером. У основания ветвей также расположены маленькие отверстия. Китайские археологи рассматривали данное изделие перевернутым, решив, что четырехлепестковый цветок венчает дерево, а три его ветви приняли за ножки опоры [Там же]. Длина сохранившейся ветви 30, общая высота 50 см (рис. 3, 4).

Цветы с сидящими на них птицами – 10 экз. На плоде цветка [К2(2):213] сидит птица. Высота 8, ширина 4,5 см (см. рис. 2, 7).

Цветы – 3 экз. Цветок [К2(2):212] высотой 2,3 см (см. рис. 2, 4).

Ягоды – 3 экз. На каждой грозди по три шарообразные ягоды с длинными плодоножками (одна обломана), некоторые обернуты золотой фольгой. Высота от 2,7 до 3 см (см. рис. 2, 4).

Технологическая эволюция бронзовых деревьев и их использование в ритуале

Бронзовые деревья Саньсиндуя в жертвенной яме JK2 представлены единичными экземплярами, а в жертвенной яме JK1 деревьев вообще нет, что ограничивает возможности разработки их хронологически значимой типологии. Вместе с тем сходство в конструкции изделий и различия в технике исполнения отдельных элементов позволяют отследить их эволюцию. Оба больших бронзовых «дерева духов» из жертвенной ямы JK2 монтировались из предварительно отлитых частей. Оба образованы из одних и тех же конструктивных элементов: трехногого основания, опирающегося на круглое плоское кольцо, состоящего из не-

скольких уровней прямого ствола, каждый уровень с тремя ветвями, заканчивающимися цветком с двумя лепестками, плодом между ними и сидящими на верхних цветках птицами.

У большого «дерева духов» № 2 ветви со стволом, ствол с основанием и отдельные трубчатые участки ствола соединялись между собой при помощи так называемого покровного литья, когда расплавленная бронза просто наливалась поверх стыка двух деталей (рис. 4, 9). В результате на гладкой поверхности изделия образовывалась аморфного вида «нашлепка», а место стыка оказывалось не всегда прочным (например, главный ствол дерева № 2 разломан на две части именно в месте соединения покровным литьем). Чтобы смонтировать детали дерева № 2 и удержать их вместе до момента заливки бронзы на стыки, использовались небольшие круглые отверстия, обнаруженные на «корнях» основания и на сломанном участке ствола. Китайские археологи называют их «отверстиями [для] заклепок», но никаких металлических заклепок или гвоздей в Саньсиндуе не обнаружено. В эти технологические отверстия вставлялись соединительные штифты из дерева или иных органических материалов.

Большое «дерево духов» № 1 представляет более позднюю стадию прогресса литейного мастерства по сравнению с «деревом духов» № 2 (рис. 4, 12). Вместо аморфных нашлепок для соединения его частей применялись формирующиеся в процессе покровного литья круглые в сечении бронзовые трубчатые втулки, тройники и муфты, рельефно выступающие над местами стыков деталей ствола и ветвей. Для этого соединяемые детали надо было предварительно вставлять в специальную литейную форму для втулки, муфты или тройника и уже потом заливать ее жидким металлом. Основания ветвей дерева № 1 стыкуются со стволом на каждом из его уровней при помощи тройника, размещающегося над широким прорезным кольцом. Втулки соединяют отрезки основного ствола посередине первого и второго уровней. Муфты использованы для стыковки отдельных частей изогнутых ветвей: по одной для коротких ветвей и по две для длинных, с двумя развилками. Кроме того, дополнительная муфта-тройник применена для закрепления цветка с птицей на одной из коротких нижних ветвей дерева № 1. Более короткие и тонкие (а значит, и более легкие) ветви у дерева № 2, насколько можно судить по единственному полностью сохранившемуся экземпляру, отлиты вообще в один прием, без стыков. Муфты и втулки обеспечили надежное соединение деталей дерева № 1, которое дошло до нас без существенных повреждений. Пострадал только бронзовый дракон, хвостовая часть которого оказалась утраченной, поскольку не была прикреплена к стволу при помощи тройников.

Более ранняя технологическая стадия представлена сломанным основанием, которое, как мы считаем, принадлежало «дереву духов» № 3. Это основание представляет собой ажурную конусовидную конструкцию, гладкая нижняя часть которой еще не превратилась в плоское опорное кольцо, как у деревьев № 2 и 1. У последних диаметр опорного кольца последовательно увеличивается (что обеспечивает большую устойчивость всей конструкции), а толщина уменьшается, что ведет к экономии металла, а значит, и веса изделия. У дерева № 3 аркообразные опоры внизу плавно перетекают одна в другую, огибая все конусовидное основание по синусоиде (см. рис. 2, б). У дерева № 2 опоры образуют три (сохранилось лишь два) отлитых отдельно сектора-арки, нижние концы которых загибаются вверх (см. рис. 2, 3). У дерева № 1 арки прочно соединились между собой, образовав три «корня», промежутки между которыми вообще ничем не заполнены. По сравнению с деревьями № 2 и 1 основание дерева № 3 слишком тонкое и легкое, чтобы служить надежной опорой для длинного металлического ствола. Кроме того, никаких несомненных деталей ствола, места его крепления к основе или ветвей этого дерева так и не обнаружено. Десять небольших круглых отверстий по низу основания дерева № 3 не могли служить для скрепления его металлических частей, поскольку все основание отлито в один прием. Вышесказанное заставляет предположить, что основание дерева № 3 использовалось как металлическая накладка на деревянную основу «дерева духов», а сам ствол дерева и его ветви оставались, видимо, еще чисто деревянными. Деревянные ветви могли дополняться небольшими бронзовыми деталями в виде сидящих на цветках птиц (которых найдено десять, что почти точно соответствует их количеству на «больших деревьях»), цветов, плодов и т. п. (см. рис. 2, 4, 6, 7).

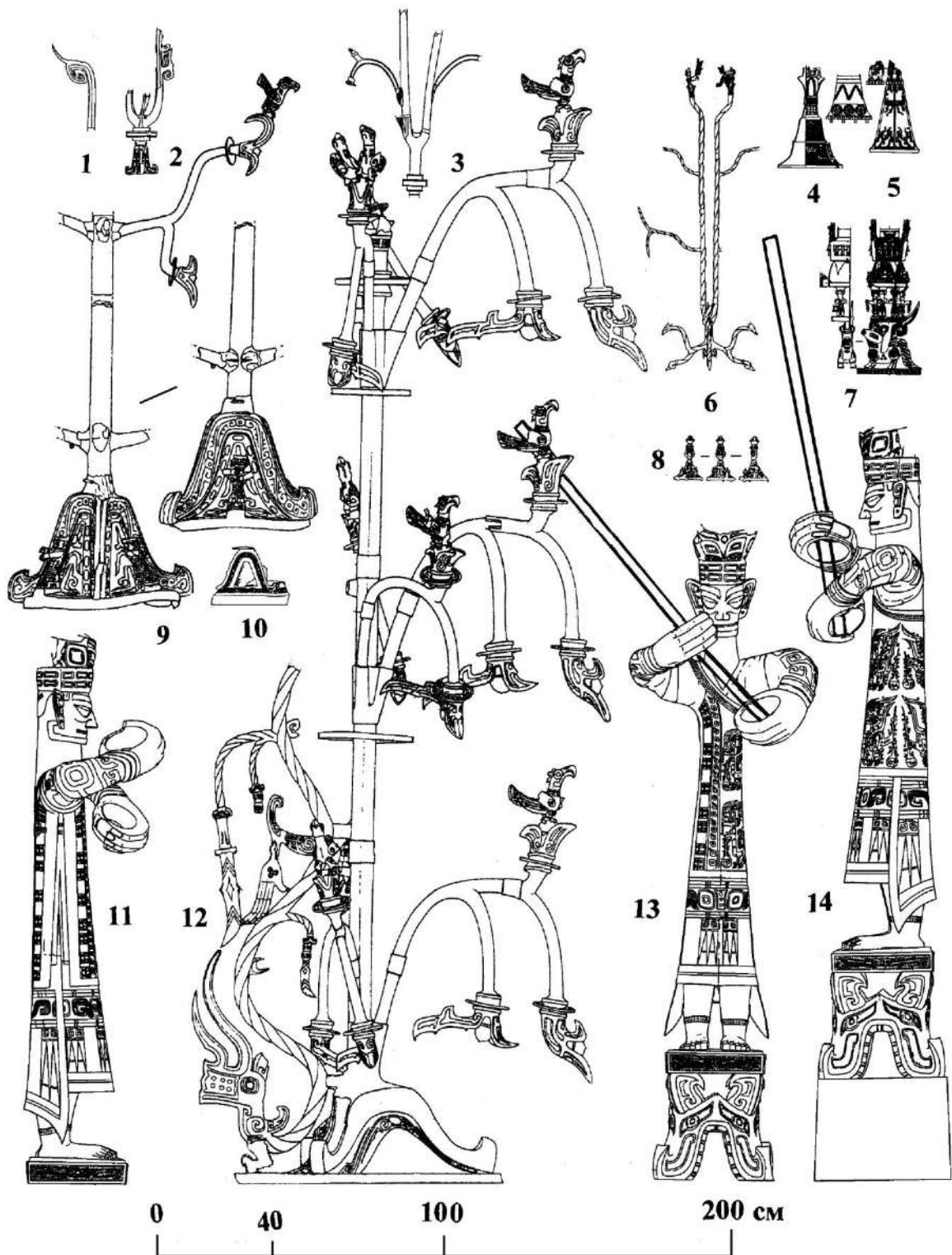

Рис. 4. Бронзовые «деревья духов» и «священные алтари» Саньсиндуня в сочетании с ростовой статуей стоящего человека с «золотым посохом» в руках: 1 – ветвь с двумя листками; 2 – дерево с плоскими ветвями; 3 – дерево с трубчатыми ветвями; 4 – коническое основание; 5 – верхняя часть «священного алтаря»; 6 – дерево с витыми ветвями; 7 – «священный алтарь»; 8 – статуэтка коленопреклоненного человека, держащего над головой сосуд; 9 – большое «дерево духов» № 2; 10 – основание «дерева духов» № 3; 11 – статуя человека, стоящего на платформе; 12 – большое «дерево духов» № 1; 13 – статуя стоящего человека с верхним пьедесталом в виде табурета и «золотым посохом» в руках; 14 – статуя стоящего человека с двумя пьедесталами и «золотым посохом» в руках.

Все – один масштаб

Такой же способ крепления накладных бронзовых деталей через небольшие круглые отверстия к деревянной основе крупных скульптур, как и у дерева № 3, применен в бронзовых масках типов D и B, самых ранних для жертвенной ямы JK2 [Саньсиндуй..., 1999. С. 189, 194–195; Варенов, Гирченко, 2013. С. 21–23]. Небольшие круглые отверстия для крепления к деревянной основе есть у бронзовой маски и одной из бронзовых голов типа А из ямы JK1 [Саньсиндуй..., 1999. С. 24, 33; Варенов, Гирченко, 2012. С. 13–14], у чарок *цзунь* II и III типов и у вазы *лэй* III типа из жертвенной ямы JK2 [Саньсиндуй..., 1999. С. 240–241, 265; Варенов, Гирченко, 2014. С. 27–32]. Все это хронологически отодвигает создание деревянного «дерева духов» с бронзовыми накладками (дерева № 3) к началу формирования комплекса изделий жертвенной ямы JK2 (см. рис. 4, 10). Большие бронзовые «деревья духов» № 2 (см. рис. 4, 9) и № 1 (см. рис. 4, 12) представляют, соответственно, вторую и третью стадии их технологической эволюции. Три стадии развития «деревьев духов», видимо, могут быть синхронизированы с тремя стадиями технологической эволюции бронзовых масок Саньсиндуя из жертвенной ямы JK2 [Варенов, Гирченко, 2013. С. 27–29].

Что касается так называемых «малых деревьев духов», то они, на наш взгляд, представляют собой вершины трех «больших деревьев». Во-первых, вершины у всех больших деревьев обломаны и, по версии китайских археологов, так и не найдены. Во-вторых, ни у одного из малых деревьев нет нормального основания или сколько-нибудь длинного ствола. Так называемые «священные алтари» или «святые духи» не могли служить для них опорами. Конечно, основания многих «священных алтарей» украшены с использованием той же орнаментальной схемы, что и основания «деревьев духов», а именно покрыты синусоидальными зигзагами, видимо, изображающими какие-то горы, скорее всего, священные. Однако основания алтарей и святилищ не так велики по площади, а вес их не столь значителен, чтобы надежно удерживать в вертикальном положении даже только дошедшие до нас фрагменты малых деревьев (см. рис. 4, 4, 5, 7, 8). Макушки всех «священных алтарей» и «святилищ духов» утрачены, но сохранившиеся в верхней части данных изделий обломки позволяют утверждать, что венчали их антропоморфные или орнитоморфные скульптуры, а никак не деревья. Следовательно, святилища и алтари были «камерными» культовыми предметами, которые можно, например, выставить на небольшой столик и возжечь перед ними ароматическую свечку, но сложно использовать в масштабной публичной церемонии.

Вопрос, каким образом соотнести каждое из малых «деревьев духов» с большим, достаточно сложен. На наш взгляд, малое дерево с уплощенными ветвями являлось вершиной дерева № 2 (см. рис. 4, 2, 9). В пользу этого говорит его похожее на перевернутый цветок основание, загнутые вверх окончания богато декорированных «лепестков» которого напоминают в этом плане основание дерева № 2. Наличие на единственной сохранившейся ветви ножевидного пера свидетельствует, что китайские исследователи ошиблись, считая этот цветок не основанием, а вершиной малого дерева (см. рис. 3, 4). Во всех известных нам случаях такие украшения на изделиях из ямы JK2 обращены острием вверх: перья на крыльях «птиц с человеческим лицом» (см. рис. 3, 5, 6), разделительные ребра на основаниях «священных алтарей» (см. рис. 4, 4, 8), украшения на «хоботках» больших зооантропоморфных масок [Саньсиндуй..., 1999. С. 197; Варенов, Гирченко, 2013. С. 23–24. Рис. 6, 12]. Кроме того, в основании малого дерева с уплощенными ветвями есть несколько небольших круглых отверстий, как и в основании, и на стволе дерева № 2, возможно, использовавшихся для соединительных штифтов. Видимо, к нему же относится и отдельная ветвь с двумя листками (рис. 4, 1). Малое дерево с трубчатыми ветвями, скорее всего, являлось вершиной большого дерева № 1 (рис. 4, 3, 12). Диаметр его ствола практически совпадает с диаметром боковых ветвей большого дерева № 1, характер изгиба ветвей большого и малого деревьев также близок. Тогда, методом исключения, малое дерево с витыми ветвями могло служить вершиной несохранившегося дерева № 3 (рис. 4, 6, 10). В пользу этого свидетельствует и большое количество петелек на его ветвях, к которым могли крепиться гроздья из трех ягод. Правда, в такой же манере «витой веревки», как ветви и побеги малого дерева, выполнено и туловище дракона, спускающегося вниз по стволу дерева № 1.

Практически все исследователи единодушно связывают бронзовые деревья с мифом об уничтожении «лишних солнц». Подробный обзор историографии вопроса представлен в статье С. А. Комиссарова. Он соотносил бронзовые деревья Саньсиндуя с мифическими деревь-

ями *фусан* и *жому* и полагал, что китайские археологи «выявили следы обряда уничтожения лишних светил... главным “реквизитом” которого являлось бронзовое дерево с девятью или, возможно, десятью (9 + 1) птицами на ветвях. Возможно, в качестве десятой птицы на верхушке дерева, соответствующего *фусан*, крепилась фигурка петуха» [2010. С. 127]. Инструментом «астральной охоты», заменявшим в ритуале лук со стрелами, он считал «золотой» (вернее, деревянный, обернутый в золотую фольгу) посох из жертвенной ямы JK1. «Очень заманчиво сопоставить изображение великого героя, восстановившего космический порядок, с бронзовой фигурой шуского правителя, руки которого специально приспособлены для того, чтобы держать округлые предметы, в том числе и жезл» [Там же. С. 130].

В целом, мы согласны, что саньсиндуйские «деревья духов» связаны с мифом о лишних светилах. Однако отдельные стороны предложенного варианта реконструкции ритуала вызывают вопросы и возражения. Нам уже приходилось указывать, что бронзовый петух из JK2 примерно в полтора-два раза меньше фигурок тех птиц, что сидят на ветвях «больших деревьев духов» (ср. рис. 2, 5 и рис. 2, 2) [Варенов, Гирченко, 2009. С. 247, 248]. Кроме того, как быть, если верхушка у дерева не одна, а заканчивается тройником, как в предложенных нами реконструкциях? В яме JK1 нет никаких следов бронзовых деревьев или птиц, т. е. ничего, что отражало бы рассматриваемый миф о лишних светилах, а в яме JK2 нет «золотого посоха» или хоть чего-то, на него похожего. С. А. Комиссаров оправдывает соединение двух комплексов тем, что «хронологическая и типологическая близость двух жертвенников важна с точки зрения вполне вероятного использования предметов из них в едином ритуальном действе» [2010. С. 130].

В подтверждение «хронологической близости» он приводит абсолютные даты, из которых следует, что яма JK2 «соответствует 3-му этапу Иньского городища... в абсолютных датах 1140–1130 гг. до н. э.», а яма JK1 «датируется концом 1-го – началом 2-го анянского этапа (соответственно, 1180–1170 гг. до н. э.)» [Там же. С. 124]. Иначе говоря, получается, что два комплекса разделяет всего 30–40 лет. Но это не так. Опираясь на проведенное китайскими археологами соотнесение жертвенных ям Саньсиндую с хроностратиграфическими этапами существования Иньского городища в Аньяне, С. А. Комиссаров привел абсолютные датировки не этих этапов, выделение которых обосновано Цзоу Хэном, а периодов палеографической эволюции надписей на гадательных костях из Аньяна (по Дун Цзобиню). Правильная абсолютная датировка жертвенников Саньсиндую, опирающаяся на разработанную Цзоу Хэном археологическую периодизацию Аньяна, – 1240–1230 гг. до н. э. для JK1 и 1140–1084 гг. до н. э. для JK2 [Варенов, 1989. С. 44]. Хронологическая разница между двумя комплексами оказывается порядка 100–150 лет.

Что касается использования древними жрецами «золотого посоха» в ритуале уничтожения лишних светил путем ударов по бронзовым птицам, сидящим на большом «дереве духов», то мы позволили себе представить возможную графическую реконструкцию данного действия (рис. 4, 11–14). В роли «жреца» выступает бронзовая статуя «шуского правителя», которого исследователь прямо соотносил с «космическим героем». Ее высота от подошв ног до вершины головного убора – 180 см [Саньсиндуй..., 1999. С. 162], что близко к реальной высоте живого человека или даже несколько превосходит ее¹. Длина «золотого посоха» 143, а его диаметр 2,3 см [Там же. С. 60]. В принципе это орудие не смогло бы удержаться в руках статуи, поскольку диаметр колец, образуемых ее ладонями, порядка 13–14 см, т. е. в пять с лишним раз больше диаметра посоха. Кроме того, оси этих колец находятся в разных плоскостях, так что продеть один шест соответствующего ширине ладоней диаметра сразу через оба кольца просто невозможно.

Из реконструкции следует, что живой человек, даже стоя на платформе высотой 8–9 см, не может достать «посохом» выше второго уровня ветвей (рис. 4, 11). Не улучшает ситуацию и верхний пьедестал в виде табурета высотой 35,5 см, на котором стоит бронзовый «правитель» или «шаман» (рис. 4, 13). Только комбинация из трех пьедесталов (нижнего, верхнего и платформы под ногами) общей высотой около 80 см [Там же. С. 162] позволяет ему «дотянуться» до нижних отростков ветвей третьего уровня, а бронзовые птицы, сидящие на цветах верхних отростков, по-прежнему оказываются недостижимыми (рис. 4, 14).

¹ К сожалению, никакой антропологии, привязанной к периоду создания жертвенных ям в Саньсиндую, нет, но вряд ли местные жители обладали баскетбольным ростом.

Если настаивать на применении в ритуале с большим «деревом духов» № 1 именно «золотого посоха», то жрецам в процессе «уничтожения» «лишних светил» приходилось бы прибегать к дополнительному приспособлению, например, небольшой стремянке, или использовать более длинный шест, пусть и не столь богато украшенный. Впрочем, возможно и еще одно объяснение. Прослеженная нами эволюция «деревьев духов» из ямы JK2 позволяет предположить, что в период функционирования храма с «золотым посохом», остатки которого захоронены в яме JK1, «деревья духов» были вообще без бронзовых деталей, изготовленными только из дерева (и, возможно, иных органических материалов) и не столь высокими.

Список литературы

Варенов А. В. Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы. Новосибирск, 1989. 92 с.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Культовые бронзы Саньсиндуня и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 15. С. 246–251.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуня и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. С. 10–19.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуня // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 4: Востоковедение. С. 19–30.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые сосуды из жертвенных ям Саньсиндуня // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 4: Востоковедение. С. 26–39.

Комиссаров С. А. Мифы, воплощенные в бронзе (Об интерпретации археологических памятников культуры Саньсиндуня) // Китай и окрестности. Мифология, фольклор, литература. М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 121–136.

Саньсиндунь цзисыкэн [三星堆祭祀坑. 北京: 文物出版社, 1999] Жертвенные ямы Саньсиндуня. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. 628 с.

Материал поступил в редколлегию 12.02.2015

Andrey V. Varenov¹, Ekaterina A. Girchenko²

¹ *Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

avvarenov@mail.ru

BRONZE «SPIRIT TREES» FROM THE SACRIFICIAL PIT OF SANXINGDUI

This article presents a brief review of the most interesting feature of Sanxingdui Bronze Age culture, spread in Sichuan province of the PRC – bronze «spirit trees», found in sacrificial pit JK2. The lines of the technological evolution of the ways of production of those bronze trees are outlined in the article and reconstruction of the way of their possible use in ancient ritual is discussed.

All the «spirit trees» consisted of the same parts: foundation, trunk and branches with flowers and birds sitting on them. According to the authors' opinion the technological evolution of those bronze trees from Sanxingdui sacrificial pit JK2 can be divided into three stages. Stage I is represented by the bronze foundation from the tree No 3. Stage II is represented by the tree No 2. Stage

III is represented by the tree No 1. The tree No 3 consisted of the wooden trunk and branches, bronze fitting over a wooden foundation and bronze flowers with birds sitting on them. The tree No 2 was assembled from pre-cast bronze details, joined through the rivet-holes with wooden pins or pegs, the joints being later covered with melted bronze. The bronze tubular details of trunk and branches of the tree No 1 were joined with clutches and muffs cast on the spot.

The authors hold the opinion that so-called «small spirit trees» were just the tops of the big ones. No one of the big trees does have a top. No one of the small trees does have a foundation or a long trunk. Each of the small trees can be correlated with the big one. The small tree with tubular branches was the top of the big tree No 1. The small tree with flat branches was the top of the big tree No 2. The small tree with twisted branches was the top of the big tree No 3. The method of fixing of the bronze foundation-fitting on the wooden core of the «spirit tree» No 3 with wooden pins through the small holes in the bronze detail closely resembles the method of fixing of bronze masks of B and D types on the wooden core of huge anthropomorphic sculptures. These types of masks were the earliest in JK2 sacrificial pit. So the three stages of the technological evolution of the «spirit trees» in JK2 could be brought into correlation with the three stages of the technological evolution of the bronze masks from the same sacrificial pit.

Almost all researchers unanimously link Sanxingdui «spirit trees» with the East-Asiatic myth about shooting down of extra Suns. One of the hypotheses presumes that a special ritual reproducing this myth has been performed by ancient Sanxingdui inhabitants. It included touching of bronze birds, sitting on the branches of the big «spirit tree» No 1 with a wooden staff covered with gold foil, that has been found in sacrificial pit JK1. The authors state that the joining of artifacts from two different sacrificial pits is a wrong move. They present a graphic reconstruction of presumable rite, from which it is evident, that the topmost birds of the tree No 1 could not be reached this way.

Keywords: China, Bronze Age, Sanxingdui culture, Sichuan province, bronze «spirit trees», sacrificial pits, bronze casting, ritual.

References

Komissarov S. A. Mify, voploshchennye v bronze (Ob interpretatsii arheologicheskikh pamyatnikov kultury Sanxingdui) [Myths Embodied in Bronze (On the Interpretation of Archaeological Relicts of Sanxingdui Culture)]. *Kitai i okrestnosti. Mifologiya, folklor, literature [China and Vicinities. Mythology, Folklore, Literature]*. Moscow, RSUH Publ., 2010, p. 121–136. (in Russ.)

Varenov A. V. Drevnekitaiskiy kompleks vooruzheniy epohi razvitoi bronzy [Ancient Chinese complex of Weapons of the Middle Bronze Period]. Novosibirsk, 1989, 92 p. (in Russ.)

Varenov A. V., Girchenko E. A. Kultovye bronzy Sanxingduya i puti ih semanticheskoy interpretatsii [Cult Bronzes of Sanxingdui and the Ways of their Semantic Interpretation]. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Materials of the Annual Session of the Institute of Archaeology & Ethnography of SB RAS 2009*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publishers, 2009, vol. 15, p. 246–251. (in Russ.)

Varenov A. V., Girchenko E. A. Bronzovye golovy iz zhertvennykh yam Sanxingduya i rekonstruktsiya detaley inter'era drevnih hramov [Bronze Heads from the Sacrificial Pits of Sanxingdui and the Reconstruction of the interior details of Ancient Temples]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2012, vol. 11, iss. 4: Oriental Studies, p. 10–19. (in Russ.)

Varenov A. V., Girchenko E. A. Bronzovye maski, maskoidy i lichiny iz zhertvennykh yam Sanxingduya [Bronze Masks and Maskoids from the Sacrificial Pits of Sanxingdui]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2013, vol. 12, iss. 4: Oriental Studies, p. 19–30.

Varenov A. V., Girchenko E. A. Bronzovye sosudy iz zhertvennykh yam Sanxingduya [Bronze Vessels from the Sacrificial Pits of Sanxingdui]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2014, vol. 13, iss. 4: Oriental Studies, p. 26–39. (in Russ.)

Sanxingdui jisikeng [三星堆祭祀坑. 北京: 文物出版社, 1999]. Sacrificial Pits of Sanxingdui. Beijing, Wenwu publishers, 1999, 628 p. (in Chin.)

Е.А. Гирченко¹, А.В. Варенов²¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Новосибирский государственный университет

E-mail: avvarenov@mail.ru

БРОНЗОВЫЕ «СВЯЩЕННЫЕ АЛТАРИ» И «СВЯТИЛИЩА ДУХОВ» ИЗ ЖЕРТВЕННЫХ ЯМ САНЬСИНДУЯ

Статья посвящена рассмотрению малых форм культовой бронзы, встреченных в жертвенных ямах на эпонимном памятнике культуры Саньсиндуй, распространенной в пров. Сычуань КНР в последней трети II тыс. до н.э. Так называемые священные алтари и святилища духов могут многое дать для реконструкции некоторых сторон духовной жизни древних обитателей Саньсиндуя. Анализируемый в статье «священный алтарь» (или «алтарь духов») мог являться моделью системы мироздания с трех-, пятичастным делением по вертикали и четырехчастным по горизонтали, где нижний мир представлен в двух слоях хтоническим зооморфным существом–проглотом и попирающими его четырьмя духами-хранителями, скорее всего соотносимыми с четырьмя сторонами света. Средний мир, мир людей – уровень покоящихся на головах «хранителей» четырех «мировых» гор. Верхний мир в рассматриваемой модели, как и нижний, двухлоен: опирающийся на вершины гор «небесный чертог» с коленопреклоненными антропоморфными фигурами, возможно изображающими «духов предков» живых саньсиндуйцев, и витающие над «чертогом» орнитоморфные небесные духи или божества. Бронзовый «небесный чертог» позволяет реконструировать внешний вид саньсиндуйских храмов: квадратные (или прямоугольные) строения под четырехскатной кровлей, с крупными антропоморфными скульптурами. Статуэтка стоящего на коленях человека с сосудом над головой дает возможность уточнить обций вид этих скульптур, создававшихся на деревянной основе и оснащавшихся накладными деталями в виде бронзовых масок и сосудов, найденных в жертвенной яме JK2. Фигурка человека-птицы, размещенная на фронтоне «небесного чертога», помогла понять, как именно применялись крупные плоские бронзовые маскоиды, целая серия которых встречена в JK2. Они дополняли в качестве накладных деталей резные или живописные изображения такого же птичье-человека на стенах реального храма, остатки которого захоронены во второй жертвенной яме.

Ключевые слова: Китай, археология, бронзовый век, культура Саньсиндуй, «священные алтари», «святилища духов».

Е.А. Girchenko¹, A.V. Varenov²¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Novosibirsk State University

E-mail: avvarenov@mail.ru

BRONZE “SACRED ALTARS” AND “SPIRIT SANCTUARIES” FROM THE SACRIFICIAL PITS OF SANXINGDUI

This study considers the minor cultic bronzes, found in the sacrificial pits at the eponymous site of the Sanxingdui culture, widespread in the Sichuan province of PRC in the last third of 2nd millennium BC. So-called sacred “altars” and “spirit sanctuaries” can give an information for reconstruction of some spheres in spiritual life of Sanxingdui ancient people. The analyzed “sacred altar” (or “spirit altar”) could be the model of creation system with three-/five-part vertical divisions and four-part horizontal divisions, where the lower world was presented as a bilaminal structure: chthonian zoomorphic beast-overeater and treaded him under foot four spirits-patrons, probably associated with four corners of the Earth. The middle world, world of people, is the level of four “world” peaks, rested heads of “patrons”. The upper world is bilaminal in the same way as for lower world: the “heaven chamber” on the hilltops with anthropomorphic kneeler figurines, probably representative the “spirits of ancestors” of Sanxingdui live people, and the ornithomorphic heaven spirits or deities, floated above the “chamber”. The bronze “heaven chamber” permit to reconstruct the look of Sanxingdui temples – square (or rectangular) constructions under the roof with four sloping surfaces and with the large anthropomorphic sculptures. The small statue of kneeler man with the vessel under his head give an opportunity to make

clear the common traits of such statues, which were created on the wooden base and fitted by plaques in the form of bronze masks and vessels, found in the sacrificial pit JK2. The figurine of the birdman from the attic of "heaven chamber" helped to understand how the large flat bronze maskoids had been used – the series of them had been found in the JK2. They were used as the plaques for the carving or painting images of such birdman on the walls of real temple, remains of which are buried in the second sacrificial pit.

Keywords: *China, archaeology, Bronze Age, Sanxingdui culture, "sacred altars", "spirit sanctuaries".*

Саньсиндуй – своеобразная культура эпохи развитой бронзы, распространенная на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие крупной бронзовой скульптуры, в том числе большого (высотой свыше 260 см) изваяния стоящего на пьедестале человека, моделей деревьев, антропоморфных голов, масок и маскоидов, найденных в двух жертвенных ямах JK1 и JK2 на эпонимном памятнике [Варенов, Гирченко, 2008]. Приоритетное внимание китайские и зарубежные исследователи (включая и авторов данной статьи) уделяли бронзовым «деревьям духов» и антропоморфным изваяниям – своеобразной «визитной карточке» культуры Саньсиндуй [Варенов, Гирченко, 2012, 2013, 2015a]. Между тем малые формы культовой бронзы оставались как бы в тени, хотя именно они могли многое дать для реконструкции некоторых сторон духовной жизни древних обитателей Саньсиндуй. Наиболее информативны в этом плане не отдельно взятые фигуры, а их композиции, которые китайские археологи называют «священными алтарями» и «святилищами духов» [Саньсиндуй, 1999, с. 227–235]. Их рассмотрению и посвящена данная статья.

«Священный алтарь» [Обр. K2(3):296] сильно поврежден огнем, но основные принципы его конструкции все равно угадываются. Он состоит из четырех частей: подставки с изображением животного, подставки со стоящими людьми, подставки в форме гор и венчающей все шкатулки в виде строения (рис. 1). Самая нижняя часть состоит из полой внутри фигуры существа с большой головой, широко открытым плоским ртом, прямыми ушами, единственным рогом, длинным хвостом и крыльями. На них и опирается круглое основание следующего яруса с четырьмя стоящими фигурами, одетыми в двубортные халаты с короткими рукавами, перевязанные двойным поясом. Головы фигур увенчаны шапками с V-образным вырезом, из середины которого поднимаются плоские антропоморфные личины в причудливых головных уборах. Следующий уровень представлен фигурами в виде четырех гор. На вершины «гор» опирается квадратная шкатулка в виде строения, так называемого «небесного чертога». Вдоль каждой из его стен расположены в ряд пять коленопреклоненных

антропоморфных фигур, по углам крыши – хищные птицы, а на фронтонах – изображения человека-птицы. Сохранившаяся высота – 53,3 см.

Верхняя часть «святилища духов» [Обр. K2(2):143–1] напоминает по форме крышу павильона. Сохранилось три не стыкующихся между собой фрагмента: квадратная платформа наверху, верхний и нижний участки боковой поверхности «крыши». Оба они ажурные, прорезные, нижний участок заполнен изображениями противостоящих драконов, орнамент верхнего участка сохранился очень плохо. Наверху, на квадратной платформе, фигурка коленопреклоненного человека, от которой сохранилась только нижняя половина. Ширина квадратной платформы по низу 6,2 см, по верху 4,4 см, высота 2,7 см, длина «крыши павильона» 17,5 см, общая высота 31 см (рис. 2, 2).

Крыша «святилища духов» [Обр. K2(2):143]. Верх «святилища» четырехугольный в плане, с наклонными стенками, в самом низу переходящими в вертикальный «карниз». По «карнизу» идут квадратные зубчатые выступы, каждый третий длиннее других. На крыше, выше зубчатых выступов, две маленькие петельки. Боковая поверхность крыши делится на два участка: верхний и нижний. Длина крыши 16,5 см, ширина по низу 16,3 см, ширина по верху 8 см, сохранившаяся высота 15,8 см (рис. 2, 5).

Статуя коленопреклоненного человека, стоящего на конусовидном основании и держащего над головой сосуд узунь [Обр. K2(3):48]. На вершине основания человеческая фигурка с длинными изогнутыми бровями, большими глазами, прямым носом, широким ртом, круглыми ушами и голым торсом с выступающими сосками. Человеческая фигурка двумя руками поддерживает над головой круглый сосуд *узунь*. Диаметр основания по низу 10 см, высота 5,3 см, общая высота 15,6 см (рис. 2, 3).

Коническое основание [Обр. K2(3):55] имеет вид колокола, низ основания с гладкой вертикальной стенкой, боковая поверхность делится на два уровня, между которыми есть ступенчатый переход. На нижнем уровне три вертикальных ребра в виде прорезных ножевидных перьев делят его на три сегмента. Вся поверхность и верхнего, и нижнего уровней целиком покрыта орнаментом. Преобладают спирали, меандры и волнистые ряды

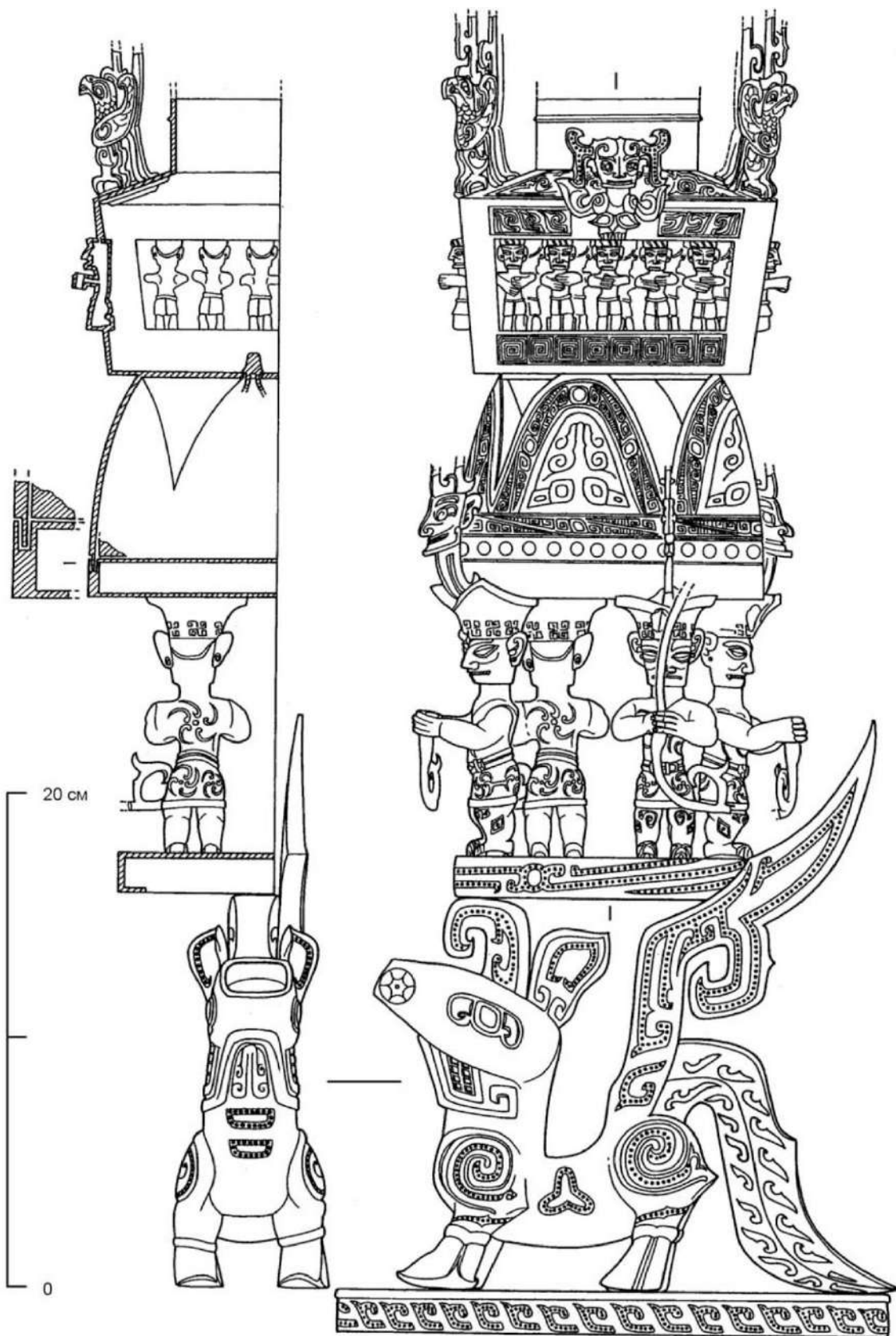

Рис. 1. Бронзовый «священный алтарь» из второй жертвенной ямы Саньсиндуй (по: [Саньсиндуй..., 1999]).

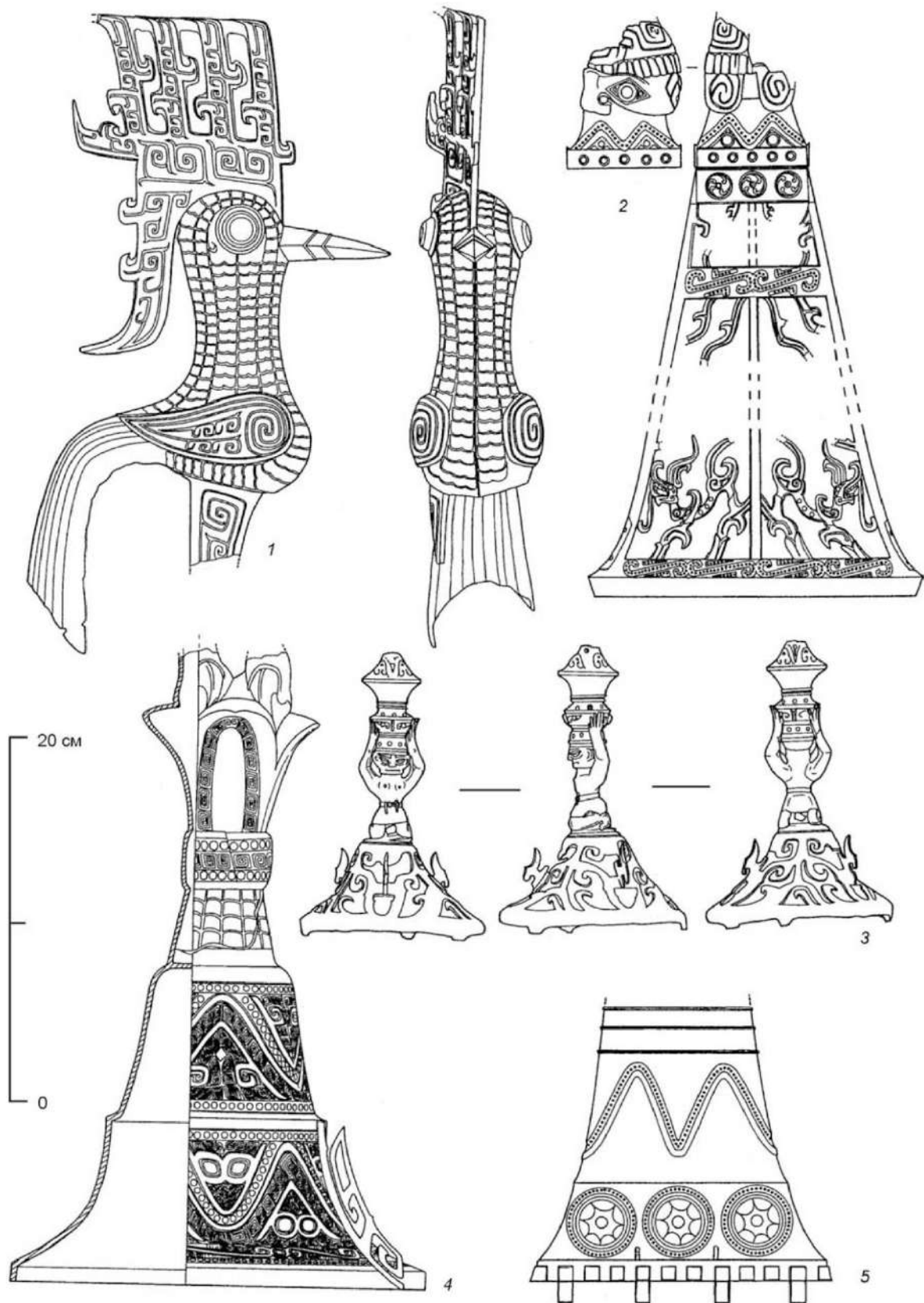

Рис. 2. Бронзовые «святилища духов» из второй жертвенной ямы Саньсиндуй.

1 – птица типа А; 2 – верхняя часть «святилища духов»; 3 – статуя коленопреклоненного человека, стоящего на конусовидном основании и держащего над головой сосуд *цзунь*; 4 – коническое основание; 5 – крыша «святилища духов» (по: [Саньсиндуй..., 1999]).

жемчужин. На расположенном в центре цветка плоде – остатки птичьих лап с когтями. Диаметр основания 22,8 см, сохранившаяся высота 34 см (рис. 2, 4).

Птица типа А [Обр. К2(3):193–1] первоначально составляла одно целое с описанным выше коническим основанием [Варенов, Гирченко, 2015б, с. 35–36]. Ширина – 19,2 см, высота – 34 см (рис. 2, 1).

Подводя итоги, отметим, что основания многих «алтарей» и «святилищ духов» покрыты синусоидальными зигзагами, видимо изображающими какие-то горы, скорее всего священные. Макушки всех «священных алтарей» и «святилищ духов» утрачены, но сохранившиеся в верхней части данных изделий обломки позволяют утверждать, что венчали их антропоморфные или орнитоморфные фигуры. Следовательно, святилища и алтари были «камерными» культовыми предметами, которые можно, например, выставить на небольшой столик и возжечь перед ними ароматическую свечу, но сложно использовать в масштабной публичной церемонии.

Что касается интерпретации рассмотренной культовой бронзы из Саньсиндую, то нам уже приходилось писать, что так называемый священный алтарь (или алтарь духов) может являться моделью системы мироздания с трех-, пятичастным делением по вертикали и четырехчастным по горизонтали, где нижний мир представлен в двух слоях хтоническим зооморфным существом–проглотом, возможно олицетворяющим первобытный хаос, и попирающими его четырьмя духами–хранителями, скорее всего соотносимыми с четырьмя сторонами света (аналог локапал в индуизме) [Варенов, Гирченко, 2009, с. 249–251]. Средний мир, мир людей – уровень покоящихся на головах «хранителей» четырех гор, наверняка «мировых». Верхний мир в рассматриваемой модели, так же как и нижний, двуслоен: опирающийся на вершины гор «небесный чертог» с коленапреклоненными антропоморфными фигурами, возможно изображающими «духов предков» живых саньсиндуйцев (аналог скандинавской Вальхаллы), и витающие над «чертогом» орнитоморфные небесные духи или божества.

О почитании духов предков много говорят синхронные Саньсиндую шанские надписи на гадательных костях из Аньяна. Мы уже высказывали мнение, что бронзовые маски и головы из жертвенных ям Саньсиндую как раз и изображают духов предков, являясь частью интерьера древних храмов, а именно – бронзовыми деталями деревянных антропоморфных скульптур [Варенов, Гирченко, 2012, с. 18–19; 2013, с. 28–29]. Известно, что хра-

мы, как правило, создаются как более или менее точное земное отражение (модель) небесного мира, как его себе представляют их создатели. Значит, справедлива будет и обратная зависимость. Бронзовый «небесный чертог» позволяет реконструировать возможный внешний вид саньсиндуйских храмов: квадратные (или прямоугольные) строения под четырехскатной кровлей, с крупными антропоморфными скульптурами.

Статуэтка стоящего на коленях человека с сосудом над головой дает возможность уточнить общий вид этих скульптур, оснащавшихся накладными деталями в виде бронзовых масок и сосудов, найденных в жертвенной яме JK2 [Варенов, Гирченко, 2014а, с. 35–37]. Фигурка человека-птицы, размещенная на фронте «небесного чертога», что расположен в верхней части «священного алтаря» из Саньсиндую, помогла понять, как именно применялись крупные плоские бронзовые маскоиды, целая серия которых найдена в JK2. Они дополняли в качестве накладных деталей резные или живописные изображения на стенах реального храма такого же птичелюбока, остатки которого захоронены во второй жертвенной яме [Варенов, Гирченко, 2013, с. 24–26, 29–30].

Стоит отметить, что «священные алтари» и «святилища духов» отсутствуют в более ранней жертвенной яме JK1, а найдены только в более поздней JK2. Зато в JK1 встречен иной вариант «модели мира» с трехчастным вертикальным делением, представленный импортным (или изготовленным по привозным образцам) бронзовым сосудом *цзунь* с рельефными изображениями драконов и тигров, маркировавших соответственно верхний и средний (земной) слои мироздания [Варенов, Гирченко, 2014а, с. 136–137]. А зооморфный код, столь характерный для шанской культуры из района Аньяна, совершенно не типичен для Саньсиндую.

Список литературы

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Саньсиндуй – новая культура эпохи бронзы из Южного Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 151–156.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Культовые бронзы Саньсиндую и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 246–251.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндую и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 4: Востоковедение. – С. 10–19.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 4: Востоковедение. – С. 19–30.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые сосуды из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014а. – Т. 13, вып. 4: Востоковедение. – С. 26–39.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Зооморфные изображения в бронзах Саньсиндуя (по материалам изделий из жертвенной ямы № 1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014б. – Т. XX. – С. 134–137.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые деревья из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2015а. – Т. 14, вып. 4: Востоковедение. С. 13–23.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые птицы из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2015б. – Т. 14, вып. 10: Востоковедение. – С. 30–39.

Саньсиндуй цзисы кэн [Жертвенные ямы Саньсиндуя]. – Пекин: Вэньу, 1999. – 628 с. (на кит. яз.).

References

Sanxingdui jisikeng [Sacrificial Pits of Sanxingdui]. – Beijing: Wenwu Publ., 1999. 628 pp. (In Chin.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Sanxingdui – novaya kultura epokhi bronzy iz Yuzhnogo Kitaya [Sanxingdui – a new Bronze Age Culture from South China] // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2008. Vol. XIV. Pp. 151–156. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Kultovye bronzy Sanxingduya i puti ikh semanticheskoy interpretatsii [Cult Bronzes of Sanxingdui and the Ways of Their Semantic

Interpretation] // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. Vol. XV. Pp. 246–251. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronzovye golovy iz zhertvennykh yam Sanxingduya i rekonstruktsiya detaley inter'era drevnikh khramov [Bronze Heads from the Sacrificial Pits of Sanxingdui and the Reconstruction of the Interior Details of Ancient Temples] // Vestn. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Istoriya, filologiya. 2012. Vol. 11, Iss. 4: Vostokovedeniye. Pp. 10–19. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronzovye maski, maskoidy i lichiny iz zhertvennykh yam Sanxingduya [Bronze Masks and Maskoids from the Sacrificial Pits of Sanxingdui] // Vestn. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Istoriya, filologiya. 2013. Vol. 12, Iss. 4: Vostokovedeniye. Pp. 19–30. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronzovye sosudy iz zhertvennykh yam Sanxingduya [Bronze Vessels from the Sacrificial Pits of Sanxingdui] // Vestn. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Istoriya, filologiya. 2014а. Vol. 13, Iss. 4: Vostokovedeniye. Pp. 26–39. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Zoomorfnye izobrazheniya v bronzhakh Sanxingduya (po materialam izdeliy iz zhertvennoy yamy No. 1) [Zoomorphic images in Sanxingdui Bronzes (on the basis of items from Sacrificial Pit No. 1)] // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014b. Vol. XX. Pp. 134–137. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronzovye derev'ya iz zhertvennykh yam Sanxingduya [Bronze Trees from the Sacrificial Pits of Sanxingdui] // Vestn. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Istoriya, filologiya. 2015а. Vol. 14, Iss. 4: Vostokovedeniye. Pp. 13–23. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronzovye ptitsy iz zhertvennykh yam Sanxingduya [Bronze Birds from the Sacrificial Pits of Sanxingdui] // Vestn. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Istoriya, filologiya. 2015б. Vol. 14, Iss. 10: Vostokovedeniye. Pp. 30–39. (In Russ.).

А. В. Варенов¹, Е. А. Гирченко^{1,2}

¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

avvarenov@mail.ru

БРОНЗОВЫЕ ПТИЦЫ ИЗ ЖЕРТВЕННЫХ ЯМ САНЬСИНДУЯ*

Представлена одна из наиболее интересных черт культуры Саньсиндуй, относящейся к эпохе бронзы и распространенной в пров. Сычуань (КНР), – бронзовые изображения птиц, встреченные в жертвенной яме JK2 на эпонимном памятнике. Их можно объединить по внешнему виду (видовой принадлежности) в несколько групп: 1) птицы с прямым длинным клювом и пышным хохолком; 2) птицы с хищным крючковатым клювом и коротким гребнем; 3) птицы с изогнутым клювом и пышным оперением; 4) «птицы с человеческим лицом». Отдельно, вне выделенных групп, оказывается реалистичное изображение петуха. Исходя из относительной датировки предметов, на которых монтировались разные виды птиц, более ранними следует признать птиц с изогнутым клювом и пышным оперением и «птиц с человеческим лицом». Более поздними, соответствующими III и IV стадиям эволюции бронзовых сосудов и бронзовым деревьям № 2 и 1, оказываются хищные птицы с крючковатым клювом и коротким гребнем и птицы с длинным прямым клювом и пышным хохолком. По аналогии способа крепления относительно поздним должно быть и изображение петуха.

Ключевые слова: Китай, бронзовый век, культура Саньсиндуй, пров. Сычуань, жертвенные ямы, бронзовые изображения птиц, классификация, относительная хронология.

Введение

Саньсиндуй – своеобразная культура эпохи развитой бронзы на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие бронзовой скульптуры, в том числе антропоморфных голов, масок и маскоидов, найденных в двух жертвенных ямах на эпонимном памятнике. Приоритетное внимание китайские и зарубежные исследователи (включая и авторов данной статьи) как раз и уделяли антропоморфным изображениям – своеобразной «визитной карточке» культуры Саньсиндуй [Варенов, Гирченко, 2012, 2013; Комиссаров, Гирченко, 2012]. Между тем зооморфные образы Саньсиндуя оставались как бы «в тени». В более ранней по времени первой жертвенной яме (JK1) встречено всего пять изображений животных: два тигра и три дракона [Варенов, Гирченко, 2014б]. В отличие от нее, во второй яме (JK2) среди зооморфных образов преобладают птицы и птицеподобные существа. Именно их рассмотрению и посвящена данная статья. Предполагается разработать классификацию и наметить относительную хронологию бронзовых изображений птиц из Саньсиндуя.

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014/К).

Бронзовые птицы и орнитоморфные существа

Китайские исследователи при анализе материалов из жертвенных ям Саньсиндуня описывали интересующие нас изделия в категориях «птицы», «украшения в форме птиц» и индивидуально, вне категорий (фигурка петуха и очень крупная голова хищной птицы) [Саньсиндун..., 1999. С. 332–334]. Кроме того, в рамках иных категорий у них оказались те изображения, которые монтировались на бронзовых сосудах, моделях деревьев и других предметах, составляя с ними одно целое. Стараясь по возможности придерживаться разработанной китайскими археологами типологии, мы рассмотрим эти находки.

Птицы – 5 экз., делятся на пять типов.

Тип А [Обр. К2(3):193–1] – 1 экз. Голова крупная, с очень большим хохолком из перьев, круглый глаз, длинный и острый клюв, довольно маленькие крылья, длинный, свешивающийся хвост. Голова, шея и передняя часть грудки покрыты изображениями перьев, напоминающих чешую, внешняя сторона ноги украшена спиралями. Ноги и хвост частично повреждены. Ширина – 19,2 см, высота – 34 см (рис. 1, 1; 2, 1).

Тип В [Обр. К2(3):193–2] – 1 экз. Два выпуклых круглых глаза, острый клюв, короткая шея, довольно маленькие крылья. Хвост тоже короткий, все тело покрыто изображениями перьев, напоминающих чешую, нижняя часть туловища частично повреждена. Ширина – 4,5 см, высота – 5,2 см (рис. 1, 4).

Тип С [Обр. К2(3):193–9] – 1 экз. Сохранилась лишь голова со свешивающимся назад гребнем, длинным изогнутым клювом с отверстием на конце, с обеих сторон гребня в макушке птичьей головы – прямоугольные прорези. Ширина – 11,4 см, высота – 7,4 см (рис. 3, 6).

Тип D [Обр. К2(3):301–3] – 1 экз. Приподнятая голова птицы с большим глазом и острым изогнутым клювом с круглым отверстием на его конце слегка вытянута вперед, длинные крылья и хвостовые перья задраны вверх. На спине птицы вздымается «крыло», низ которого загибается крючком, а верх разделяется на три отростка с окончаниями «в форме персика», в каждом из которых по круглому отверстию. Птица стоит на круглом полой основании с выпуклой грибообразной верхней частью и четырьмя отверстиями ниже нее. Хохолок на голове и хвост частично повреждены. Ширина – 15,4 см, высота – 27,8 см (рис. 1, 12; 4, 1).

Тип E [Обр. К2(3):239–1] – 1 экз. Клюв острый, изогнутый, хвост задран вверх. И крылья, и хвостовые перья птицы направлены и вверх, и вниз, как будто она парит в воздухе. На голове два хохолка, длинный и короткий. Окончания перьев хохолка, крыльев и хвоста оформлены «в виде персика» с круглым отверстием в каждом. Низ тела птицы, крылья и хвост частично повреждены. Ширина – 11,6 см, высота – 7,2 см (рис. 1, 9).

Украшения в форме птиц – 8 экз., делятся на шесть типов, но реально к птицам из них относятся только первые два. Отличаются от категории «птицы» тем, что это не объемная скульптура, а плоские отливки с рельефом.

Тип А [Обр. К2(3):193–4] – 1 экз. Голова птицы большая, с двойным хохолком и слегка изогнутым крупным клювом, в который вставлено колечко. Острые концы крыльев крючком загнуты вперед, хвостовые перья торчат высоко вверх, по форме напоминают ножи. Одна нога и хвост частично повреждены. Ширина – 6,5 см, высота – 9 см (рис. 1, 8).

Тип В [Обр. К2(2):70–9] – 1 экз. Голова птицы большая, на конце крупного, загнутого вниз крючком клюва есть отверстие. На клюве, макушке головы и хвосте расположены в ряд торчащие высоко вверх ножевидные перья. Ширина – 7 см, высота – 13,1 см (рис. 1, 7).

Бронзовый петух на квадратном основании [Обр. К2(3):107] – 1 экз. Изображен реалистично, с высоко поднятой головой, вытянутой шеей и пышным хвостом. Ширина стороны основания – 2,5 см, длина петуха – 11,7, общая высота – 14,2 см (рис. 1, 5; 2, 2).

Крупная голова хищной птицы с узким, закручивающимся на конце вверх гребешком, большим глазом, крючковатым клювом [Обр. К2(2):141] – 1 экз. Щель изогнутого клюва и окружность глаза окрашены киноварью. У нижнего края овального в сечении изделия три круглых отверстия. Длина – 38,8 см, ширина – 19,6, общая высота – 40,3 см (рис. 3, 5; 5, 1).

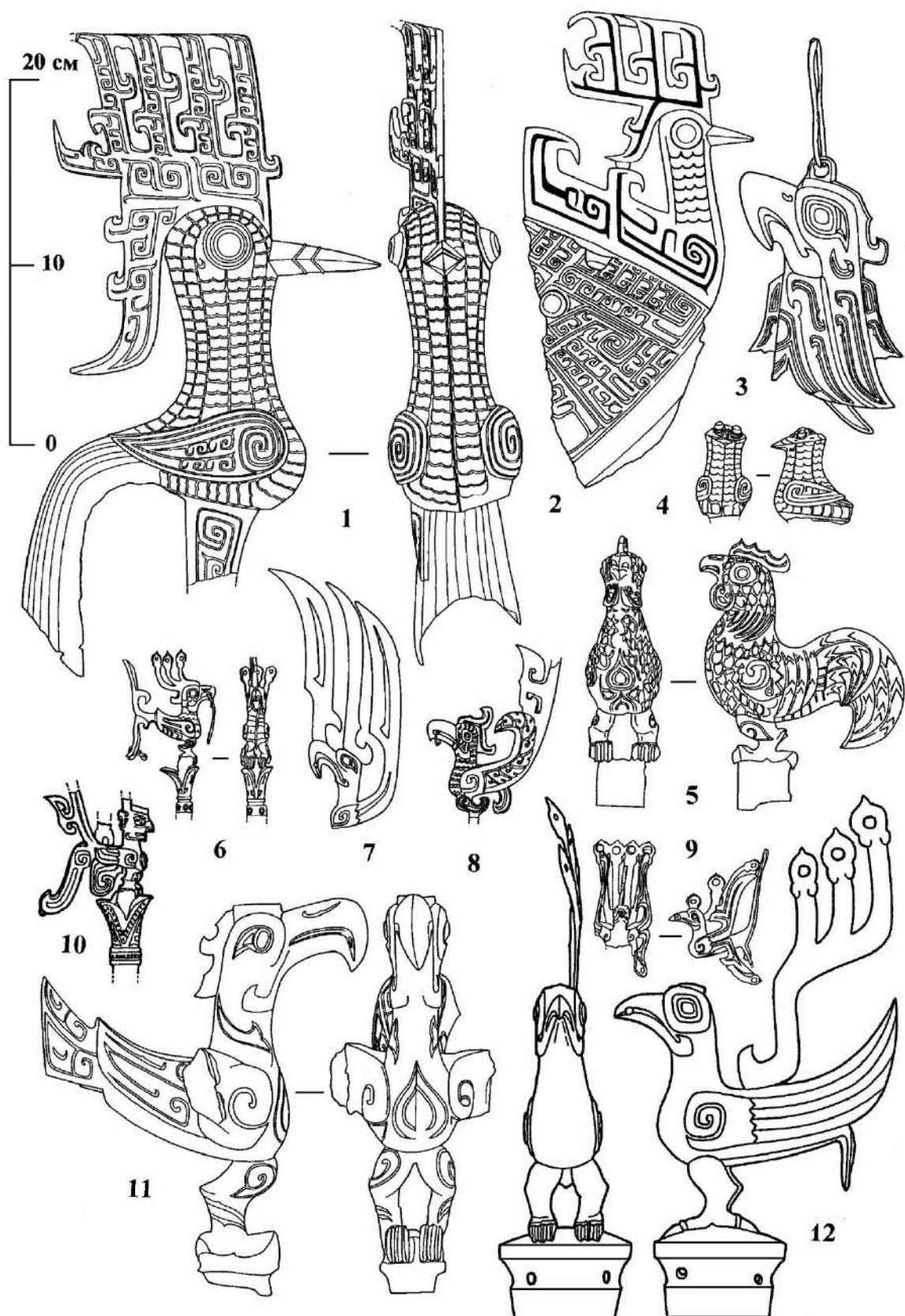

Рис. 1. Бронзовые птицы Саньсиндуй: 1 – птица типа А; 2 – птица на плечике чарки *цзунь*; 3 – колокольчик типа F; 4 – птица типа В; 5 – петух; 6 – птица для «дерева духов» № 3; 7 – украшение в форме птицы типа В; 8 – украшение в форме птицы типа А; 9 – птица типа Е; 10 – «птица с человеческим лицом»; 11 – птица для «дерева духов» № 2; 12 – птица типа D. Все – один масштаб. Рис. 1, 3, 6 приводятся по: [Саньсиндуй..., 1999]; масштабирование рисунков и компоновка таблиц выполнены А. В. Вареновым

Рис. 2. Бронзовые птицы Саньсиндуня: 1 – птица типа А; 2 – петух. Разный масштаб
Рис. 2, 4, 5 приводятся по: [Чэнь Дзэнь, 2000]

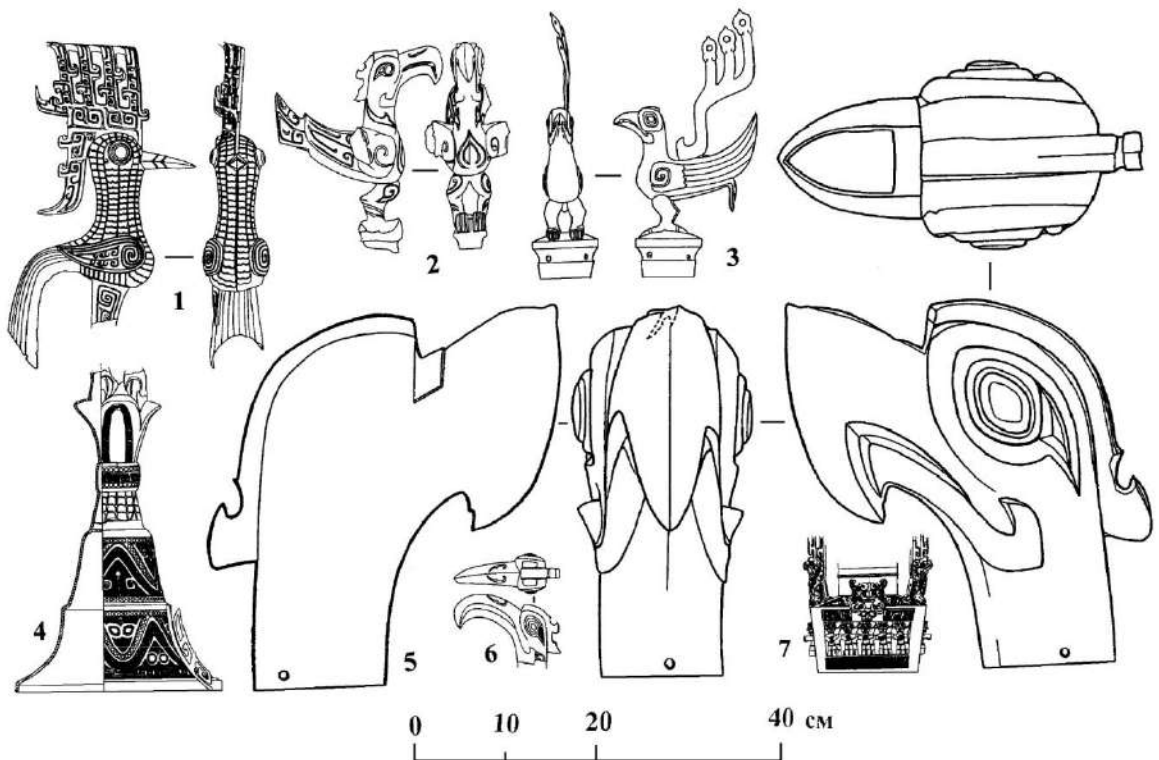

Рис. 3. Бронзовые птицы Саньсиндуня: 1 – птица типа А; 2 – птица для «дерева духов» № 2; 3 – птица типа D; 4 – коническое основание с птичьими лапами наверху; 5 – крупная бронзовая голова; 6 – птица типа С; 7 – «небесный чертог» из «священного алтаря». Все – один масштаб

Рис. 4. Бронзовые птицы Саньсиндуй:
1 – птица типа D; 2 – птица для «дерева духов» № 3; 3 – «птица с человеческим лицом»
Все – разный масштаб

Сидящая птица для большого «дерева духов» – 1 экз. [Обр. K2(2):194–1]. У птицы хищно изогнутый крючком клюв с прорезью на конце, небольшой гребень, полая голова, задранный вверх хвост с прорезными перьями, крылья коротко обломаны. Высота 21,4 см (рис. 1, 11; 3, 2). По форме и исполнению похожа на птицу с большого «дерева духов № 2», только у той крылья расправлены [Саньсиндуй..., 1999. С. 219–221]. Такие же птицы сидят и на плодах большого «дерева духов № 1».

Плоды с сидящими на них птицами – 10 экз. На плоде [Обр. K2(2):213] закреплена птица с большой головой с тремя торчащими над ней перьями, на концах которых есть по маленькому отверстию (рис. 1, 6; 4, 2). У птицы изогнутый клюв с прорезью, в который вставлена бронзовая проволочка. Хвост распущен, вверх и вниз отходят по три пера с отверстиями на концах, в отверстия опущенных вниз перьев вдеты бронзовые проволочки, завязанные в виде восьмерки. Высота – 8 см, ширина – 4,5 см [Там же. С. 225–227].

«Птицы с человеческим лицом» – 2 экз. На плодах бронзового дерева с витыми ветвями сидят, как выразились китайские археологи, «птицы с человеческим лицом» [Там же. С. 221]. Макушка головы ровная, без хохолка, с надетым головным убором, лицо закрыто маской, квадратные щеки, большие глаза, высокий нос, оттопыренные уши. Тело птиц короткое, у них широкие крылья, перья хвоста загнуты вверх и вниз, причем верхние перья обломаны, на концах нижних перьев есть петельки (рис. 1, 10; 4, 3; 6, 2).

Фрагмент священного алтаря [Обр. K2(3):296]. В верхней части расположен так называемый «небесный чертог», представляющий собой прямоугольную в плане постройку под четырехскатной крышей [Там же. С. 232]. Прямо по центру ее фронтона отлита фигура с птичьим телом, «человеческим» лицом (вернее, маской) и узкими изогнутыми крыльями. В JK2 встречена целая серия крупных плоских бронзовых маскоидов, дополнявших резные или живописные изображения такого же птичеловека на стенах реального храма, остатки которого захоронены во второй жертвенной яме [Варенов, Гирченко, 2013. С. 24–26, 29–30]. На каждом из четырех углов крыши «небесного чертога» расположено по хищной птице с загнутым крючковатым клювом, в котором прорезано маленькое отверстие. Птицы сидят, опираясь на вертикально свисающие вниз хвосты и острые когти, их крылья взметнулись вверх, а тела покрыты напоминающими чешую узорами, изображающими перья (рис. 3, 7; 6, 1).

Фрагмент плечика чарки цзунь с сидящей на нем птицей с хохолком на голове [Обр. K2(3):23]. У птицы круглые глаза с выпуклыми зрачками, длинный прямой клюв и высокая шея, украшенная волнистым орнаментом. Высота птицы – 13,3 см (рис. 1, 2) [Там же. С. 252].

Рис. 5. Бронзовые птицы Саньсиндуня:
1 – крупная бронзовая голова; 2 – колокольчик типа F
Разный масштаб

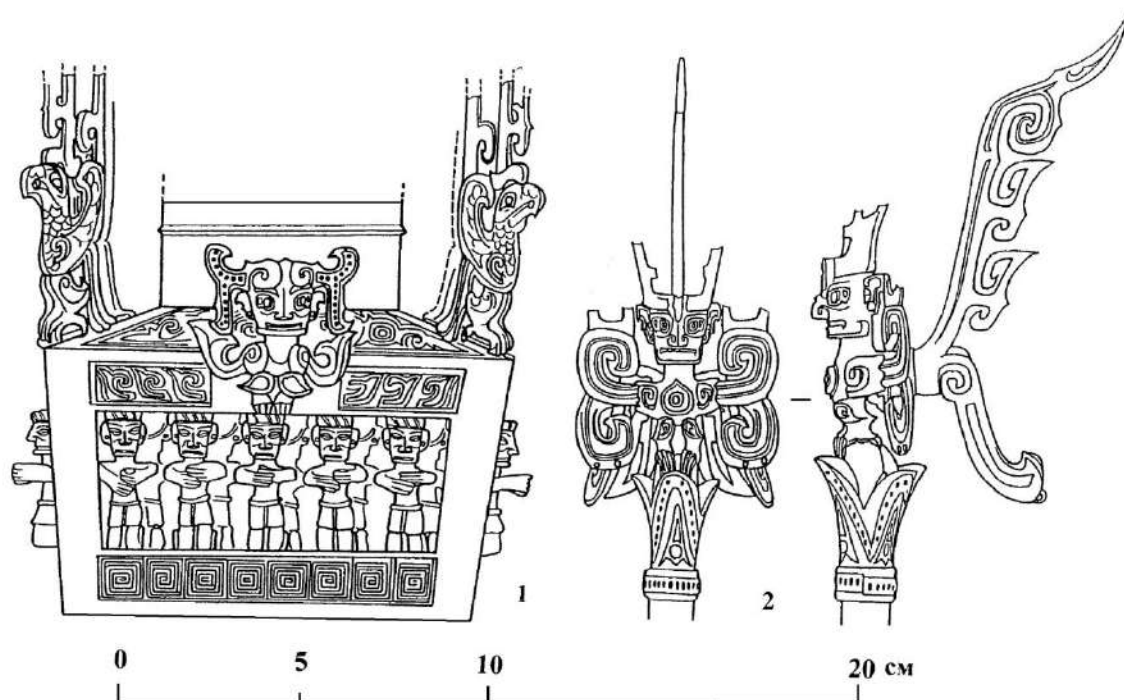

Рис. 6. Бронзовые птицы Саньсиндуня:
1 – «небесный чертог» из «священного алтаря»; 2 – «птица с человеческим лицом»
Все – один масштаб

Колокольчики – 43 экз., делятся на девять типов, в том числе *тип F* в виде птицы [Обр. К2(2):103–8] – 1 экз. Тело колокольчика оформлено как голова и покрытые узором перья крылья хищной птицы. У нее крючковатый клюв, большой глаз, маленький хохолок, на макушке округлая петелька для подвешивания, в которую вдет цепочка в виде восьмерки. Ширина колокольчика – 8,1 см, высота – 14 см (рис. 1, 3; 5, 2) [Саньсиндуй..., 1999. С. 293].

Классификация и относительная хронология птиц Саньсиндуя

Все рассмотренные бронзовые изображения птиц из жертвенной ямы JK2 можно объединить по внешнему виду (видовой принадлежности) в несколько групп: 1) птицы с прямым длинным клювом и пышным хохолком (тип А, тип В и птица на плечике сосуда *цзунь*); 2) птицы с хищным крючковатым клювом и коротким гребнем (тип С, птицы с «большим деревьем духов», колокольчик типа F и крупная бронзовая голова хищной птицы); 3) птицы с изогнутым клювом и пышным оперением (тип D, тип E, сидящие на цветах птицы и украшения в форме птиц типов А и В); 4) «птицы с человеческим лицом» («малое дерево духов» с витыми ветвями и «небесный чертог» в священном алтаре). Отдельно, вне выделенных групп, оказывается реалистичное изображение петуха.

Почти все фигурки птиц (может быть, кроме колокольчика типа F) первоначально входили в состав каких-то композиций. Ноги птицы типа А с прямым клювом и пышным хохолком обломаны (рис. 3, 1), однако среди находок из второй жертвенной ямы Саньсиндуя встречено коническое основание в виде колокольчика [Обр. К2(3):55], к которому она могла бы крепиться (рис. 3, 4). В середине верхней части основания («ручки» колокольчика) – круглая выпуклая втулка. Выше втулки – плод с четырьмя лепестками, украшенными поясками меандров. На расположенном в центре композиции плоде – остатки птичьих лап с когтями. Диаметр основания – 22,8 см, сохранившаяся высота – 34 см. Следует подчеркнуть, что все другие относительно крупные изображения птиц из JK2, соответствующие по размерам данному основанию, сохранили свои лапы на месте (рис. 3, 2, 3).

Птицы с хищным крючковатым клювом и коротким хохолком крепились на «большом деревье духов». Всего на первом «дереве» смонтировано девять птиц, на ветвях второго – одна, и еще одна найдена отдельно. Если считать, что на ветвях второго «дерева духов» хищных птиц было тоже девять, то как минимум семь из них полностью или частично утрачены. Обломанная голова (птица типа С) – просто фрагмент одной из них (ср. рис. 3, 2 и 3, б). Отлитая отдельно голова хищной птицы являлась бронзовой накладной деталью крупной, скорее всего, ростовой скульптуры на деревянной основе, так же как и бронзовые антропоморфные головы, о чем свидетельствует сопоставимость их абсолютных размеров [Варенов, Гирченко, 2012. С. 18]. В пользу данного предположения говорят и небольшие круглые отверстия у основания птичьей головы, служившие для фиксации ее на месте штифтами.

Небольшие птицы с изогнутым клювом и пышным оперением сидят на плодах, которые служили накладными бронзовыми деталями «большого дерева духов» № 3, выполненного на деревянной основе. Аналогичным образом использовались и сидящие на плодах «птицы с человеческим лицом», только в их случае бронзовые ветви сохранились почти целиком, являясь частью гипотетически реконструируемого «дерева духов» № 3 [Варенов, Гирченко, 2015. С. 18–20].

Птица типа D с изогнутым клювом и пышным оперением стоит на грибовидном навершии с внешним диаметром по низу около 5 см и с четырьмя отверстиями для фиксации, которое могло венчать как ствол одного из больших бронзовых деревьев, так и специальную подставку, конструктивно аналогичную рассмотренному выше коническому основанию. Например, внешний диаметр нижней части ствола дерева № 2, в конструкции которого широко применялись отверстия для соединительных штифтов, составлял чуть меньше 8 см, а значит, внутренний диаметр был порядка 6 см, и должен был сужаться к не сохранившейся верхней части ствола.

Что касается способа размещения фигурки бронзового петуха, то в литературе уже высказывалось мнение о возможности ее крепления на верхушке одного из «больших деревьев духов» [Комиссаров, 2010. С. 127], равно как и сомнения в правомерности такой реконструк-

ции [Варенов, Гирченко, 2009. С. 247–248; 2015. С. 21]. Хотелось бы обратить внимание на то, что петух стоит на квадратном основании со стороной около 2,5 см, что значительно меньше внутреннего диаметра круглого в сечении ствола дерева № 2 (см. рис. 1, 5). Используемый способ монтажа сильно напоминает крепление хищных птиц к ветвям (даже не к плодам!) того же большого дерева № 2 (см. рис. 1, 11). Будучи уникальным, а не серийным изделием, петух вполне мог венчать и специальную подставку, как и птица типа А.

Птица на плечике сосуда *цзунь*, напротив, далеко не единична. Такие фигурки (только без хохолка, который весьма редко получается при отливке массивных изделий) на III стадии технологической эволюции бронзовых сосудов Саньсиндуя маркировали места расположения литейных швов в районе плечиков чарок *цзунь*, а на IV стадии размещались еще и на лбу прилитых к плечикам сосудов бычьих (или бараньих) голов. На IV стадии птицы в местах расположения литейных швов появляются и на вазах *лэй* [Варенов, Гирченко, 2014а. С. 33–35]. Принципиальная технологическая разница между двумя категориями сосудов заключалась в том, что чарки *цзунь* отливались в трехсегментных формах, а вазы *лэй* – в четырехсегментных. Это означает, что на III стадии эволюции на каждой чарке *цзунь* размещалось по три птицы, а на IV – по шесть. На вазах *лэй* IV стадии оказывалось по четыре птицы (еще четыре могло быть на крышке).

Исходя из относительной датировки предметов, на которых монтировались разные виды птиц Саньсиндуя, более ранними следует признать птиц с изогнутым клювом и пышным оперением и «птиц с человеческим лицом». Более поздними, соответствующими III и IV стадиям эволюции бронзовых сосудов и бронзовым деревьям № 2 и 1, являлись хищные птицы с крючковатым клювом и коротким гребнем и птицы с длинным прямым клювом и пышным хохолком. По аналогии способа крепления с хищными птицами с «деревьев духов», относительно поздним должно быть и изображение петуха.

Список литературы

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Культурные бронзы Саньсиндуя и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 15. С. 246–251.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуя и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. С. 10–19.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 4: Востоковедение. С. 19–30.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые сосуды из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014а. Т. 13, вып. 4: Востоковедение. С. 26–39.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Зооморфные изображения в бронзах Саньсиндуя (по материалам изделий из жертвенной ямы № 1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014б. Т. 20. С. 134–137.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые деревья из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4: Востоковедение. С. 13–23.

Комиссаров С. А. Мифы, воплощенные в бронзе (Об интерпретации археологических памятников культуры Саньсиндуй) // Китай и окрестности: Мифология, фольклор, литература. М.: РГГУ, 2010. С. 121–136.

Комиссаров С. А., Гирченко Е. А. Саньсиндуй: земля бронзовых исполинов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 82–90.

Саньсиндуй цзисыкэн [三星堆祭祀坑]. Жертвенные ямы Саньсиндуя. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. 628 с.

Материал поступил в редколлегию 24.09.2015

Andrey V. Varenov¹, Ekaterina A. Girchenko^{1,2}

¹ Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

avvarenov@mail.ru

BRONZE BIRDS FROM THE SACRIFICIAL PIT OF SANXINGDUI

This article presents a brief review of one of the most interesting features of Sanxingdui Bronze Age culture, spread in Sichuan province of the PRC – bronze birds, found in sacrificial pit JK2. The possible classification of bronze birds from Sanxingdui, their division into groups and the relative chronology of the isolated groups are discussed.

There are no bird images in the early sacrificial pit JK1. All the bronze images of birds from the sacrificial pit JK2 can be united into several groups: 1) birds with long straight beak and luxuriant crest (type A, type B and the bird on the shoulder of *zun* vessel); 2) birds of prey with hooked beak and short crest (type C, birds from «big spirit trees», F type bell and the large bronze head of the bird of prey); 3) birds with curved beak and fluffy feathers (type D, type E, birds sitting on the flowers and bird-shaped ornaments of A and B types); 4) birds «with human face» («small spirit tree» with twisted brunches and «heavenly chamber» of the «sacred altar»). Outside the isolated groups is the realistic image of a rooster.

Almost all the figurines of birds were originally parts of bigger items. Type A bird whose legs are broken off matches the conical foundation in the form of chairman's bell, on the top of which its talons have remained. The birds of prey with hooked beak and short crest were all fixed on branches of «big spirit trees» No. 1 & No. 2 (type C bird is just the broken off head of one of them) and the large bronze head of the bird of prey was a fitting, fixed with pins or pegs on a wooden core of a huge sculpture. Small birds with curved beak and fluffy feathers, sitting on the flowers, were bronze details of the «spirit tree» No. 3 with wooden trunk and brunches. Birds «with human faces» were used in the same way.

The birds of Sanxingdui with long straight beak and luxuriant crest are the most numerous. They have marked vertical protruding ribs at the shoulders of *zun* bronze vessels at stage III of their evolution. At stage IV the birds at the shoulders are sitting not only on the ribs, but also in the center of bulls' and rams' heads cast between them. At stage IV of evolution of vessels the birds were also placed on the shoulders of *lei* bronze vases. For casting *zun* vessels ancient craftsmen have used three-sectional molds, and for *lei* vases four-sectional molds. It means that at stage III every *zun* vessel was decorated with three birds, and at stage IV – with six. Every *lei* vase had four birds.

Judging by the relative chronology of items on which different groups of birds from Sanxingdui were fixed, the birds with curved beak and fluffy feathers and the birds «with human face» are earlier, than the birds of prey with hooked beak and short crest and the birds with long straight beak and luxuriant crest.

Key words: China, Bronze Age, Sanxingdui culture, Sichuan province, sacrificial pits, bronze bird images, classification, relative chronology.

References

Komissarov S. A. Mify, voploshchennye v bronze (Ob interpretatsii arheologicheskikh pamyatnikov kultury Sanxingdui) [Myths Embodied in Bronze (On the Interpretation of Archaeological Relicts of Sanxingdui Culture)] // *Kitai i okrestnosti. Mifologiya, folklor, literatura* [China and Vicinities. Mythology, Folklore, Literature]. Moscow, RSUH Publ., 2010, p. 121–136.

Komissarov S. A., Girchenko E. A. Sanxingdui: zemlya bronzovyh ispolinov [Sanxingdui: the Land of Bronze Giants] // *Vestnik of Novosib. State Univ. Series: History, Philology*. 2012, vol. 11, iss. 7: Archaeology and Ethnography, p. 82–90.

Varenov A. V., Girchenko E. A. Kultovye bronzy Sanxingduya i puti ih semanticheskoy interpretatsii [Cult Bronzes of Sanxingdui and the Ways of their Semantic Interpretation] // *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publish., 2009, vol. XV, p. 246–251.

Varenov A. V., Girchenko E. A. Bronzovye golovy iz zhertvennyh yam Sanxingduya i rekonstruktsiya detaley inter'era drevnih hramov [Bronze Heads from the Sacrificial Pits of Sanxingdui and the Reconstruction of the interior details of Ancient Temples] // *Vestnik of Novosib. State Univ. Series: History, Philology*. 2012, vol. 11, iss. 4: Oriental Studies, p. 10–19.

Varenov A. V., Girchenko E. A. Bronzovye maski, maskoidy i lichiny iz zhertvennyh yam Sanxingduya [Bronze Masks and Maskoids from the Sacrificial Pits of Sanxingdui] // *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2013, vol. 12, iss. 4: Oriental Studies, p. 19–30.

Varenov A. V., Girchenko E. A. Bronzovye sosudy iz zhertvennyh yam Sanxingduya [Bronze Vessels from the Sacrificial Pits of Sanxingdui] // *Vestnik of Novosib. State Univ. Series: History, Philology*. 2014, vol. 13, iss. 4: Oriental Studies, p. 26–39.

Varenov A. V., Girchenko E. A. Zoomorfnye izobrazheniya v bronzah Sanxingduya (po materialam izdeliy iz zhertvennoy yamy № 1) [Zoomorphic images in Sanxingdui Bronzes (on the basis of items from Sacrificial Pit No. 1)] // *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publish., 2014a. Vol. XX, p. 134–137.

Varenov A. V., Girchenko E. A. Bronzovye derev'ya iz zhertvennyh yam Sanxingduya [Bronze Trees from the Sacrificial Pits of Sanxingdui] // *Vestnik of Novosib. State Univ. Series: History, Philology*. 2015, vol. 14, iss. 4: Oriental Studies, p. 13–23.

Sanxingdui jisikeng [Sacrificial Pits of Sanxingdui]. Beijing, Wenwu publishers, 1999. 628 p.

А.В. Варенов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

БРОНЗОВЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ СТАТУИ САНЬСИНДУЯ И РИТУАЛЬНЫЕ ОДЕЯНИЯ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА ШУ

Рассмотрены находки культуры Саньсиндуй эпохи бронзы из провинции Сычуань (КНР) – антропоморфные статуи, встреченные в жертвенной яме JK2 на эпонимном памятнике. Автор считает статуями ростовые изображения человека (а не отдельных частей его тела, например, голов) общей высотой не менее 50 см, смонтированные из предварительно отлитых деталей. Отлитые в один прием изваяния меньшего размера он предлагает называть статуэтками. Эволюция антропоморфной скульптуры Саньсиндуя может быть разделена на две-три стадии. Финальная стадия представлена бронзовой статуей стоящего на постаменте человека. Ей предшествовала стадия деревянной антропоморфной скульптуры с накладными бронзовыми деталями. Еще раньше могла существовать чисто деревянная скульптура. Конструктивные особенности бронзовых антропоморфных статуй Саньсиндуя позволяют синхронизировать время их создания с бытованием бронзовых масок типов А и С, а также бронзовых «деревьев духов» №2 и №1, поскольку при их изготовлении применялись одни и те же технологические приемы. Статую человека с птичьими когтями на ногах, в которых зажаты змееподобные существа с птичьими головами, предложено интерпретировать при помощи древнеиндийского мифа о Гаруде. Статуя в зооморфном головном уборе рассматривается как иллюстрация мифа о владыке саньсиндуйского подземного мира. Предположение, что в кулаках стоящей бронзовой статуи из Саньсиндуя зажаты нефритовые регалии *цун*, автор считает недостаточно обоснованным.

Ключевые слова: Китай, бронзовый век, Саньсиндуй, пров. Сычуань, антропоморфные статуи, жертвенные ямы, бронзолитейное искусство, одежда, мифология, ритуал.

DOI: 10.14258/tra1(2019)1(25).-07

Введение

Саньсиндуй – своеобразная культура периода развитой бронзы на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра провинции Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие художественного бронзового литья. Практически все известные бронзовые изделия Саньсиндуя происходят из двух жертвенных ям – JK1 и JK2, обнаруженных на территории эпонимного городища, которое китайские исследователи называют столицей упоминаемого в летописях древнего царства Шу [Сыма Цянь, 1972, с. 185]. Из числа находок в жертвенных ямах, которые мы считаем намеренно захороненным инвентарем двух последовательно существовавших и уничтоженных храмов, наибольшее внимание всегда привлекали стоящая на постаменте крупная статуя и другие антропоморфные скульптуры. Именно они рассмотрены в данной статье. Предполагается описать одеяния бронзовых антропоморфных статуй, технологию их отливки, привязать к одному из выделенных нами ранее этапов эволюции бронзолитейного искусства Саньсиндуя, найти возможные истоки саньсиндуйской скульптуры и попытаться раскрыть ее семантику.

Бронзовые антропоморфные статуи

В данной статье мы предлагаем считать антропоморфными статуями смонтированные из отлитых отдельно деталей ростовые изображения человека (а не отдельных частей его тела, например, голов), общая высота которых (с учетом утраченных ныне элементов) превышала 50 см. Ростовые изображения человека меньшего раз-

мера, и отлитые целиком, в один прием, мы предлагаем называть статуэтками. Всего в Саньсиндуйе обнаружено три антропоморфных статуи, все три происходят из второй жертвенной ямы JK2 [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 162–173].

Большая статуя стоящего на постаменте человека – 1 экз. Обр. K2(2):149, K2(2):150. Скульптура общей высотой 260,8 см представляет собой стоящего на постаменте человека (рис. 1.-1). К моменту обнаружения она была разломана на две части, обломок с постаментом и ногами человека лежал в юго-восточном углу жертвенной ямы JK2, верхняя часть его тела – в северо-западном углу. Статуя стоящего человека имеет высоту от подошв ног до макушки головного убора 180 см [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 162–164]. Тело человека тощее и длинное, стройное и высокое. Руки большие и грубые, их кисти согнуты, будто что-то держат, левая сбоку от груди, в районе подмышки,

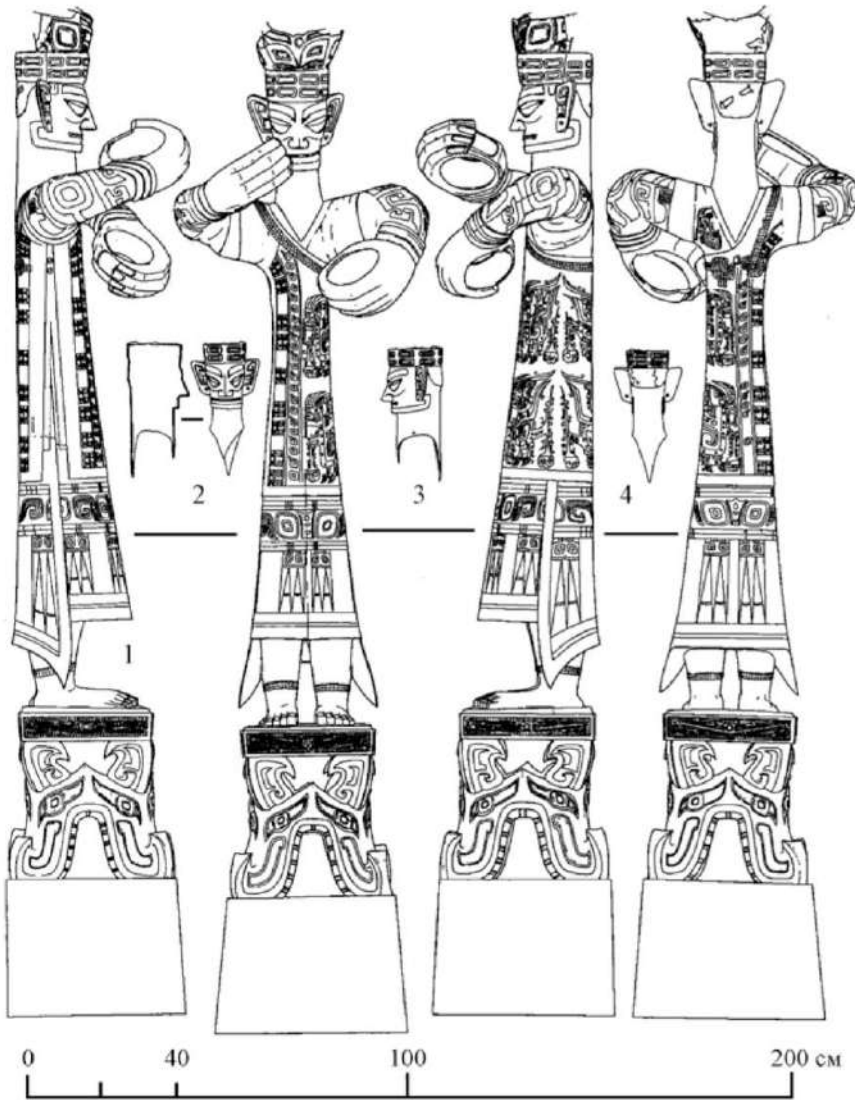

Рис. 1. Большая бронзовая статуя и бронзовая голова типа Bb: 1 – большая бронзовая статуя стоящего на пьедестале человека, 2–4 – бронзовая голова типа Bb.

По: [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, рис. 82, 95]. Здесь и далее масштабирование рисунков и компоновка таблиц выполнены А.В. Вареновым

правая поднята вверх к подбородку (рис. 2). Овал лица статуи удлинённый, большие глаза с густыми бровями, прямой нос, плотно сжатый рот, в мочках оттопыренных ушей по сквозному отверстию (рис. 3).

На голове человека цилиндрический головной убор, украшенный двумя рядами «полюх» прямоугольников с закругленными углами, над его передней частью вздымается плюмаж или эгрет в виде стилизованной зооморфной личины (рис. 4, выделен синим цветом). На затылке отчетливо видны линия волос и два наклонных прямоугольных отверстия, в которые первоначально вставлялась головная шпилька. На тело надето три слоя одежды, на лодыжках босых ног браслеты (рис. 4, выделены малиновым цветом). Китайские археологи всю одежду стоящего на постаменте человека считают разрезной, с запахом на правую сторону. На наш взгляд, это не так. Насколько можно судить, вся одежда статуи глухая.

Самый верхний ее слой представлен рубахой с одним коротким правым рукавом, вырезом от правого плеча до левой подмышки и длиной от шеи до низа 75,6 см (рис. 4, выделена желтым цветом). На правом боку разрез от подмышки до низа рубахи, низ прямой. Поверх рубахи надета длинная лента, которая, начинаясь от узла в районе правой лопатки, проходит через правое плечо, по груди, через левую подмышку до узла в районе левой лопатки (рис. 4, выделена синим цветом). Между двух узлов на спине статуи есть квадратное (возможно, технологическое) отверстие. На рубаху нанесен негативный орнамент: с левой стороны четыре попарно симметричных, как полагают китайские исследователи, дракона (по нашему мнению – птицы). Линия симметрии проходит по левому боку. На правом боку, по обе стороны от разреза рубахи, два ряда небольших зооморфных личин в зубчатых коронах, отделенных от драконов (птиц)

Рис. 2. Большая бронзовая статуя стоящего на пьедестале человека.
По: [1 – Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 544, цв. ил. 40; 2 – Чэнь Дзэнь, 2000, с. 12]

Рис. 3. Голова стоящей на пьедестале статуи.
По: [Чжунго..., 1994, с. 2, рис. 2]

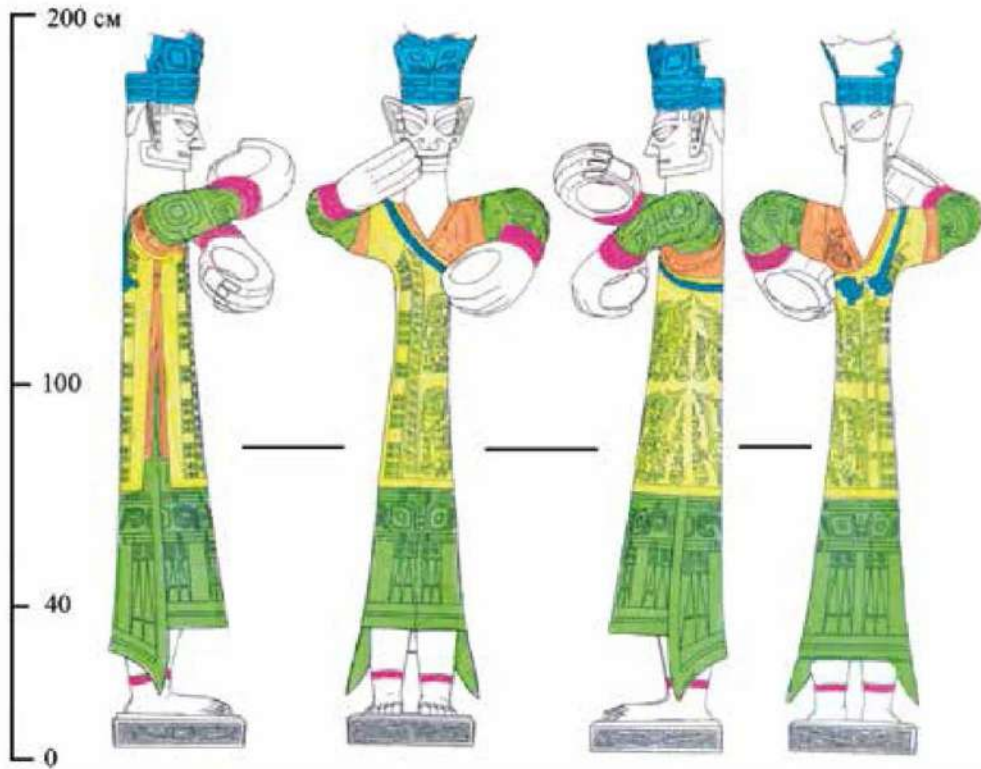

Рис. 4. Одежда и украшения большой бронзовой статуи. Верхний слой одежды – желтый, средний – оранжевый, нижний – зеленый, головной убор и лента синие, браслеты на руках и ногах – малиновые. По: [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, рис. 82].

Цвета условные. Раскраска выполнена А.В. Вареновым

полосами, заполненными полыми ромбами. Эти полосы и ряды продолжают вплоть до шейного выреза и правого рукава рубахи.

Одежда среднего слоя короче, длиной 68 см, поэтому из-под верхней (условно желтой) рубахи видны только ее ворот с треугольными (V-образными) вырезами на груди и на спине, полностью левый и часть правого коротких рукавов и небольшой участок правой боковины с разрезом и двумя небольшими квадратными отверстиями под мышкой (рис. 4, выделена оранжевым цветом). Со спины, на левом плече расположен узор дракона. Внутренний слой одежды самый длинный, спереди длиной 114,4, сзади – 132 см (рис. 4, выделена зеленым цветом). У нее длинные орнаментированные рукава, достигающие до запястий, на каждом из которых надето по три браслета (рис. 4, выделены малиновым цветом). Судя по всему, нижняя (условно зеленая) рубаха имела разрезы на правом и на левом боках от подмышек до низа. Спереди ее подол прямой, покороче, сзади довольно длинный, с обеих сторон его полы свисают до лодыжек статуи. И спереди, и сзади «зеленая» рубаха украшена одинаково: непосредственно ниже верхней (условно желтой) рубахи стилизованные зооморфные личины (маски *tao-te*), а под ними – по четыре перевернутых зооморфных личины в зубчатых коронах.

Антропоморфная статуя с зооморфным головным убором – 1 экз. Обр. K2(3):264. Изделие повреждено, сохранилась верхняя половина человеческой фигуры общей высотой 40,2 см (рис. 5.-1). На человека надета шапка в виде звериной головы. С обеих сторон головного убора под углом вверх вздымаются длинные уши животного, в центре деталь

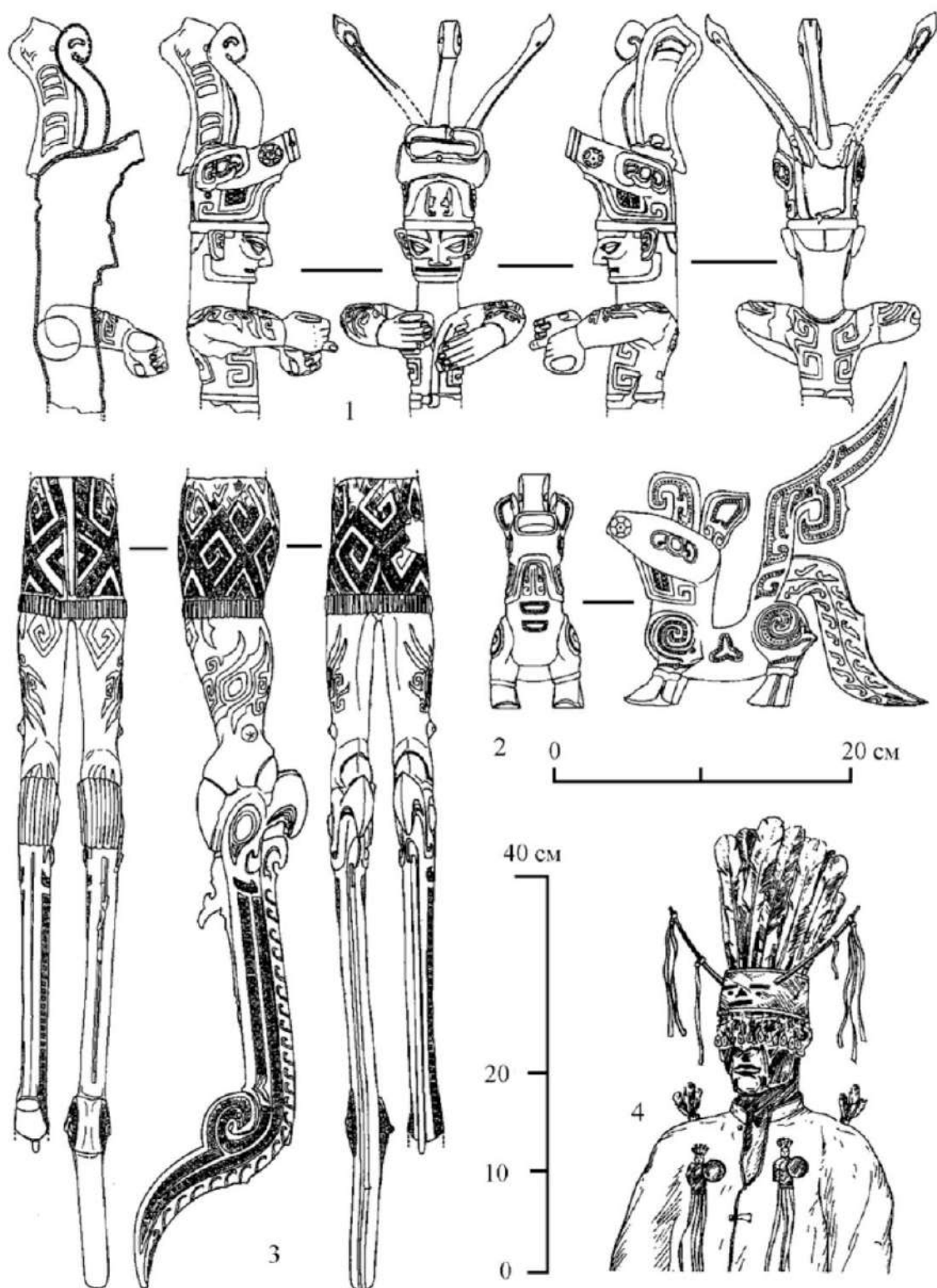

Рис. 5. Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуй и их аналоги:

1 – статуя в зооморфном головном уборе, 2 – зооморфное существо (нижний ярус «священного алтаря»), 3 – статуя с птичьими когтями на ногах, 4 – тувинский шаман в рогатом головном уборе. По: [1–3 – Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 167, 171, 233, рис. 84, 87, 129; 4 – Вайнштейн, 1991, с. 272, рис. 120.-4]. 1 и 3 – в одном масштабе

Рис. 6. Статуя в зооморфном головном уборе.
По: [Чэнь Дэань, 2000, с. 16]

в виде слоновьего хобота. Ниже ушей по обеим сторонам головного убора – глаза животного. Прямоугольная в сечении морда вытянута вперед, близ ее устья (ртом или пастью этот проем назвать сложно) сверху, снизу и справа по небольшому круглому отверстию, вокруг устья две негативные линии, а с боков пасти расположено по круглой розетке. С обеих сторон по бокам шеи животного отлито по U-образному узору, в центре которого идет вертикальная линия, а справа и слева от нее – зубчатый орнамент. Человеческая фигура по стилю исполнения и положению рук сходна с большой бронзовой статуей стоящего на постаменте человека: густые брови, большие глаза, прямой нос, плотно сжатый рот, в мочках ушей обозначены, но не пробиты насквозь отверстия, шея длинная и прямая (рис. 6). Плечи прямые, ровные, обе согнутые в локтях руки вытянуты вперед, правая рука чуть выше, левая ниже. Тело человеческой фигуры одето в запахнутый направо двубортный халат (или рубаху), дважды опоясанный по талии застегнутым спереди поясом. Спереди и сзади халат покрыт узорами в виде меандров, на обоих рукавах зооморфный узор. Расстояние между локтями человеческой фигуры 18,4 см [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 164–159].

Статуя человека с птичьими когтями на ногах – 1 экз. Обр. К2(3):327. У статуи отсутствует верхняя половина туловища. Ее ноги, заканчивающиеся птичьими когтями, прилиты к птичьим головам змееподобных существ (рис. 5.-3). Нижняя часть тела плотно завернута в узкую короткую юбку (возможно, нижнюю часть халата), по центру которой спереди проходит вертикальный шов. Юбка украшена орнаментом, составленным из ромбических меандров, бахромы (?) или широкая нижняя кайма – узором вертикальных линий. Узор на юбке и телах змееподобных существ густо окрашен алой киноварью. Голени двух крепких ног покрыты негативным орнаментом, заполненным черным пигментом (рис. 7).

в виде слоновьего хобота. Ниже ушей по обеим сторонам головного убора – глаза животного. Прямоугольная в сечении морда вытянута вперед, близ ее устья (ртом или пастью этот проем назвать сложно) сверху, снизу и справа по небольшому круглому отверстию, вокруг устья две негативные линии, а с боков пасти расположено по круглой розетке. С обеих сторон по бокам шеи животного отлито по U-образному узору, в центре которого идет вертикальная линия, а справа и слева от нее – зубчатый орнамент. Человеческая фигура по стилю исполнения и положению рук сходна с большой бронзовой статуей стоящего на постаменте человека: густые брови, большие глаза, прямой нос, плотно сжатый рот, в мочках ушей обозначены, но не пробиты насквозь отверстия, шея длинная и прямая (рис. 6). Плечи прямые, ровные, обе согнутые в локтях руки вытянуты

Рис. 7. Статуя с птичьими когтями на ногах. По: [Чэнь Дэань, 2000, с. 17]

Острые птичьи когти обеих ног вцепились в птичьи головы двух змееподобных существ. Эти головы с большими глазами и крючковатыми хищными клювами непосредственно переходят в длинные «змеиные» тела. С боков они украшены двумя рядами мелкого меандра, начинаясь от горла, по брюшку проходит длинный прямой гребень с узором прорезных «перьев», достигающий острого кончика хвоста. Сохранившаяся высота человеческой фигуры 30 см, высота птиц-змей 51,4 см, общая ширина 10,8 см, общая высота 81,4 см [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 169].

Относительная хронология и происхождение статуй Саньсиндуя

Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуя в жертвенной яме JK2 представлены единичными экземплярами, а в жертвенной яме JK1 статуй вообще нет, что ограничивает возможности разработки их типологии и создания относительной хронологии. Однако тождество использованных при отливке антропоморфных статуй технологических приемов с методами создания некоторых типов больших бронзовых масок и «деревьев духов» позволяет их синхронизировать и тем самым привязать статуи к разработанной нами ранее относительной хронологии бронзовых масок и деревьев [Варенов и др., 2013, с. 27–29; 2015, с. 18–20].

Постамент большой антропоморфной статуи состоит из трех деталей: основания, ножек и платформы. Пирамидальное основание постамента изготовлено из отлитых отдельно и сваренных вместе пяти плоских деталей: четырех стенок и верха. Ножки постамента также смонтированы из четырех отдельных частей. Вертикальные литейные швы проходили через каждую из ножек, прямо по центрам образующих их «драконьих» голов, через их слоновьи хоботы. Сверху к ножкам прилита платформа. Статуя стоящего на платформе человека создана путем отдельной отливки и соединения верхней и нижней частей человеческой фигуры. На теле скульптуры в районе пояса есть поперечный литейный шов, заметный благодаря отсутствию в этом месте орнамента на одежде и нестыковке отдельных деталей декора. Нижняя часть человеческой фигуры отлита в трехстворчатой форме. Из трех продольных вертикальных литейных швов два расположены по ее бокам, а третий – вдоль центра лицевой части. Левая и правая руки также отлиты отдельно, поскольку в районе плеч есть по литейному шву. На подошвах левой и правой ног сделано по выступу для прикрепления к платформе постамента (рис. 8.-1).

У статуи с зооморфным головным убором отдельно отлиты длинные звериные уши головного убора и его центральный элемент в виде слоновьего хобота. Так же как и у стоящей на пьедестале большой статуи, отдельно отливались сжатые в кулаки руки. Головной убор, голова и тело человека у этой статуи представляют собой единую деталь, отлитую в двустворчатой форме. Вертикальный литейный шов проходил через центр лица, его лоб, нос и губы и особенно заметен на затылке, в районе прически. Все предварительно отлитые элементы были вставлены в специальные прорези на головном уборе и теле человека и закреплены там при помощи покровного литья (рис. 5.-1). Статуя человека с птичьими когтями на ногах смонтирована из пяти отлитых отдельно частей: двух птиц-змей, двух ступней, заканчивающихся когтистыми птичьими лапами, и одетой в юбку нижней половины человеческого тела (включая и ноги до щиколоток). Птицы-змеи были прилиты к схватившим их когтистым лапам, а последние закреплены в двустворчатой форме для отливки человеческого тела. Вертикальные литейные швы прошли спереди и сзади по центру юбки (рис. 5.-3).

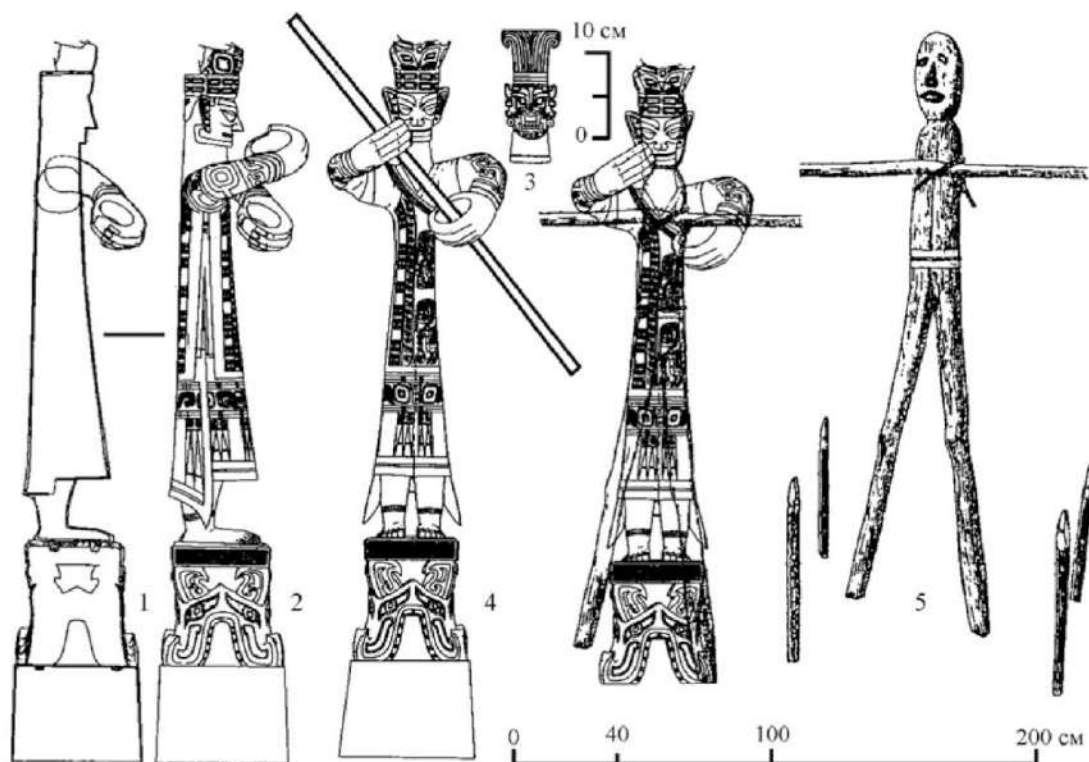

Рис. 8. Большая бронзовая статуя стоящего на пьедестале человека, нефритовая головка из Синьганя и деревянный эвенкийский идол *чичипкан*: 1 – разрез статуи стоящего на пьедестале человека; 2 – большая бронзовая статуя с деревянным шестом в руках; 3 – плоская нефритовая голова из Синьганя; 4 – совмещение контуров стоящей на пьедестале статуи и *чичипкана*; 5 – деревянный идол *чичипкан* в окружении четырех оберегов *ментая*. По: [1, 2 – Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, рис. 82; 3 – Синьгань ..., 1997, с. 157, рис. 79; 4 – коллаж А.В. Варенова; 5 – Мазин, 1984, с. 33, рис. 20]. Все, кроме 3 – один масштаб

Технологические приемы, примененные при создании статуи стоящего на пьедестале человека, статуи с зооморфным головным убором и статуи с птичьими когтями на ногах, совпадают с приемами, использованными для отливки бронзовых масок типов А и С. В последнем случае предварительно отлитые элементы (уши) вставлялись в специальные прорезы, сформированные в процессе отливки на лицах, и закреплялись там методом покровного литья [Варенов и др., 2013, с. 21]. Похожие методы соединения предварительно отлитых деталей использованы и при создании бронзовых «деревьев духов». Особенно обращает на себя внимание сходство загнутых вверх концов составленных из двух симметричных половинок «слоновых хоботов» ножек постамента стоящей статуи и точно так же загнутых вверх концов составленных из двух симметричных деталей «корней» (т.е. тех же ножек) деревьев №1 и 2 [Варенов и др., 2015, с. 15]. Сходство технологии позволяет синхронизировать создание статуй Саньсиндуй со II стадией эволюции бронзовых масок и бронзовых деревьев. К этому же времени относятся и III–IV стадии эволюции бронзовых сосудов Саньсиндуй [Варенов и др., 2014, с. 33–35].

Принадлежность стоящей на постаменте статуи ко II этапу развития бронзолитейного искусства Саньсиндуй позволяет поставить вопрос о ее предшественнике. На наш взгляд, по аналогии с относящимся к I этапу деревом №3 им могла быть деревянная

статуя с накладными бронзовыми элементами*. Деталью деревянной статуи-предшественницы в Саньсиндуе, скорее всего, являлась бронзовая голова типа Bb, найденная в жертвенной яме JK2 [Варенов и др., 2012, с. 15–16]. От бронзовых голов иных типов ее отличает цилиндрический головной убор с обломанным верхом, украшенный «полями» прямоугольниками, аналогичный нижней части шапки стоящей статуи. Голова типа Bb примерно такого же размера, как и большинство других бронзовых голов, но меньше головы стоящей на постаменте бронзовой статуи (рис. 1.-2-4). Аналогично деревянное, с бронзовыми накладками «дерево духов» №3 меньше более позднего цельнометаллического варианта – дерева №2, а то меньше, чем самое позднее дерево №1.

Еще более ранним элементом типологического ряда могла быть деревянная статуя без бронзовых деталей, не дошедшая до наших дней. Как она примерно выглядела, позволяет представить современное изображение идола *чичипкан* из Эвенкии, охранявшего от дурного глаза и недоброжелательных злых духов** (рис. 8.-5). Высота и диаметр идола *чичипкан* соответствуют основным размерам стоящей статуи из JK2 (вместе с постаментом), а совпадение их контуров свидетельствует о том, что изваяние из Саньсиндуя сохранило при переводе в бронзу не только основные размеры, но и пропорции деревянного прототипа, отличающиеся от пропорций тела живого человека (рис. 8.-4).

«Необычные» черты, которые так удивляют зрителей в лицах саньсиндуйских статуй, – крупные выпуклые ребристые глаза, прямые носы, широкие брови, плотно сжатые рты – являются просто результатом перевода в металл изображений, первоначально изготовленных в иной технике, а именно – методом резьбы по дереву. Поскольку создание деревянных статуй, подобных этнографическому эвенкийскому *чичипкану*, не требовало каких-то специальных навыков или сложных инструментов, их можно смело считать местной сычуаньской спецификой и не искать истоки саньсиндуйской статуарной традиции где-то далеко на Ближнем или Среднем Востоке, как это делают некоторые китайские авторы.

Интерпретация бронзовых статуй Саньсиндуя

Ранее мы наметили два возможных пути реконструкции мировоззрения древних на археологическом материале: 1) соотнесение сложной композиции с законченным мифологическим текстом; 2) интерпретация, исходящая из структуры самого изделия, а также мифологических и ритуальных аналогий из других культур [Варенов и др., 2009, с. 245–247]. В данной статье задействованы оба подхода. К сожалению, памятники китайской мифологии привлечь к интерпретационной работе оказалось невозможно ввиду почти полного отсутствия таковых, т.е. свидетельств современных письменных источников о районе Сычуани конца II – начала I тыс. до н.э. [Познер, 1981, с. 208–209].

* Подобная техника создания скульптур широко распространена в разные эпохи во многих странах мира. Например, статуи Зевса Громовержца и Афины Паллады авторства Фидия были деревянными, с накладками из слоновой кости (для открытых частей тела) и золота (для одежды). Известно, что установленный в 980 г. князем Владимиром Святославичем на холме в Киеве во главе языческого пантеона идол Перуна был деревянным, с серебряной головой и золотыми усами (видимо, не монолитными, а накладными).

** Вот как описывал А.И. Мазин его изготовление: «Брали бревно лиственницы или сосны длиной 3 м, диаметром 15–20 см, на одном конце вырезали человеческое лицо. В метре от «лица» бревно перетягивали прутьями или ровдужным ремнем, с другой стороны его раскалывали надвое и расщепленные концы разводили на 70–80 см. Чтобы они не сходились, между ними ставили распорку. Таким образом получалось подобие ног» [Мазин, 1984, с. 30–31].

Статуя человека с птичьими когтями на ногах находит параллели в мифологии древней Индии. Там прародителя и царя всех птиц, божественного орла Гаруду, *вахану* (сздовое животное) Вишну, представляли с человеческим телом, одетым ниже пояса в узкую юбку (типа саронга), но с птичьим клювом вместо носа на лице, с крыльями и когтистыми лапами, которыми заканчиваются ноги [Гринцер, 1991, с. 266]. Мифологемы о Гаруде хорошо объясняют особенности изображения существ, которых статуя из Саньсиндуя держит в своих когтистых лапах. Китайские исследователи единодушно объявляют их «птицами». Но «птичьи» у данных созданий только головы с клювами. Тела же вполне «змеиные» или «драконьи», и нет даже намеков на птичьи крылья или лапы.

По версии, изложенной в «Махабхарате» (Кн. I), Вината, мать Гаруды, вместе с ним обманом попала в рабство к своей сестре Кадру, матери тысячи змеев-нагов, и ее потомству [Темкин и др., 1982, с. 66–67, 250]. Саньсиндуйская статуя может иллюстрировать одну из следующих мифологем, связанных с Гарудой: 1) перенос змей на остров посреди океана; 2) похищение у богов *амриты* по приказу змей. В первом случае Кадру и змеи потребовали, чтобы Гаруда перенес их на прекрасный остров посреди океана, что и было исполнено. Птичьи, с клювами головы змееподобных существ в когтях у саньсиндуйского изваяния могут отражать тот факт, что на самом деле Гаруда и змеи-наги – единокровные братья. У них общий отец, мудрец Кашьяпа, а матери – родные сестры.

В другой легенде в качестве условия освобождения из рабства Гаруды и его матери змеи выдвинули похищение для них у богов напитка бессмертия – *амриты*. Гаруда проник на небеса, уменьшившись, проскочил между спицами большого колеса с острыми, как ножи, краями, которое, непрерывно вращаясь, преграждало доступ к *амрите*, и, снова увеличившись, растерзал своими когтями двух страшных драконов (или змей), стерегущих сосуд с *амритой* [Темкин и др., 1982, с. 70]. Драконы в Саньсиндуде отливались «в комплекте» вместе с бронзовыми «деревьями духов» и изображались с лапами, зубастыми пастьями, а иногда и с рогами [Варенов и др., 2017, с. 286–287]. Есть в Саньсиндуде и вполне натуралистичные изображения змей [Варенов и др., 2017, с. 285].

В пользу версии о похищении *амриты* может говорить присутствие среди саньсиндуйских находок в яме JK2 нескольких (судя по обломкам однородных деталей – ступиц, до 6 экз.) больших бронзовых колес с пятью спицами каждое, два из которых, диаметром 84 и 85 см, сохранились относительно хорошо (рис. 9.-2, 4). Они представляют собой тонкие бронзовые обкладки, крепившиеся к какой-то (видимо, деревянной) основе через небольшие отверстия, лежащие в ободьях напротив спиц и в центре ступицы (рис. 10). Эти колеса не просто сопоставимы по абсолютным размерам со статуей с птичьими когтями на ногах. Статуя может спокойно, с запасом пройти в промежуток между спицами любого из колес (рис. 9.-3). Вместе с тем известно, что колеса с нечетным числом спиц как деталь реального транспортного средства абсолютно нефункциональны [Кожин, 2007, с. 259]. Китайские археологи считают бронзовые колеса из Саньсиндуя изображениями солнца [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 235].

Зооморфный головной убор другой бронзовой статуи представляет одно из существ саньсиндуйской мифологии (рис. 5.-2). И у существа, и у головного убора длинные, торчащие в стороны под углом уши, между которыми на лбу помещена деталь в виде закручивающегося на конце вперед рога или хобота, и вытянутая морда с широко раскрытой беззубой пастью. По сторонам пасти в том и в другом случае расположено по круглой розетке с вписанным в нее звездчатым символом, а ниже головы по

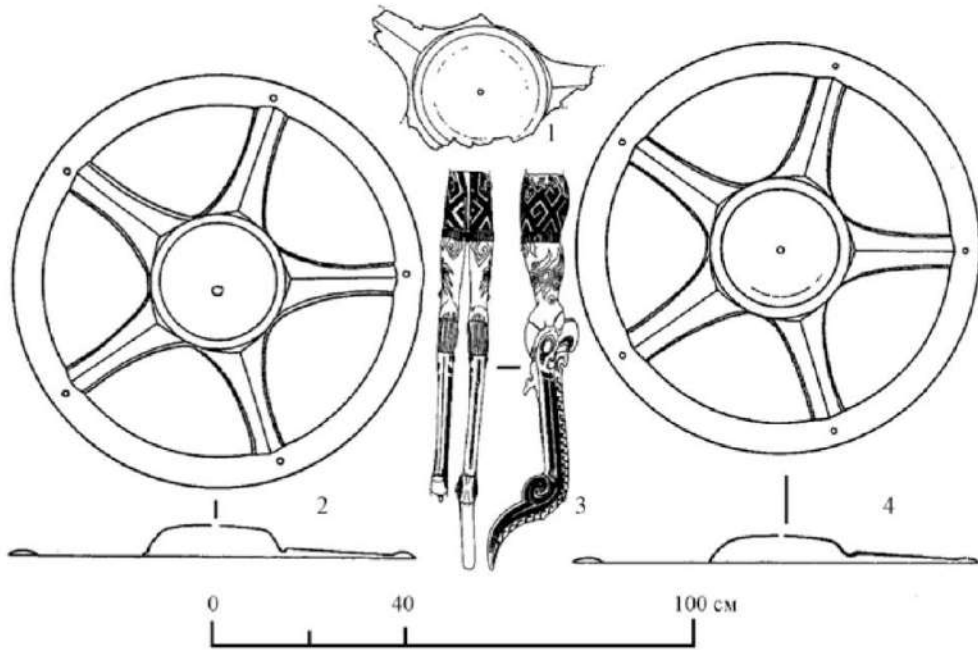

Рис. 9. Бронзовые колеса из Саньсиндуйа и статуя с птичьими когтями на ногах:
1 – ступица колеса Обр. К2(2):66; 2 – большое колесо Обр. К2(3):1;
3 – статуя с птичьими когтями на ногах; 4 – большое колесо Обр. К2(2):67.
По: [1–4 – Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 171, 239, рис. 87, 134]. Все – один масштаб

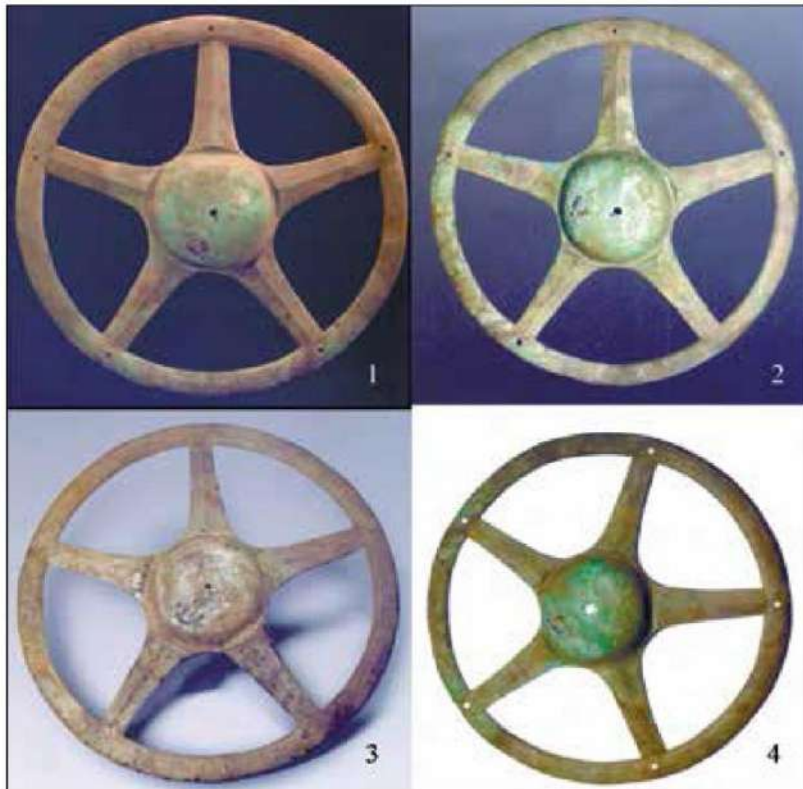

Рис. 10. Бронзовые колеса из Саньсиндуйа: 1, 2, 4 – колесо Обр. К2(3):1; 3 – колесо Обр. К2(2):67. По: [1 – Чжунго..., 1994, с. 49, рис. 56; 2 – Саньсиндуй юй Цзиньша, 2010, с. 54; 3 – Саньсиндуй юй Наньсылу, 2007, с. 57, рис. 73; 4 – Чэнь Дэань, 2000, с. 61]. Разный масштаб

бокам шеи – U-образные узоры. Продолговатые глаза с опущенными вниз закругленными углами также в обоих случаях идентичны.

Скульптурное изображение фантастического существа является деталью «священного алтаря», который можно считать моделью мироздания, как его себе представляли саньсиндуйцы [Гирченко и др., 2015, с. 215–216]. Размещенное в его самом нижнем ярусе зооморфное существо, которое крупнее всех других фигур данной композиции, явно носило хтонический характер, изображая владыку подземного мира. Тогда статуя в зооморфном головном уборе представляет этого же владыку, но в его антропоморфной ипостаси.

Данное изваяние может свидетельствовать и о наличии в Саньсиндуге ритуального действия, схожего по форме с японским театром масок *гигаку* или с мистерией *цан*. В шаманских практиках также используются маски и/или рогатые головные уборы, подчас весьма схожие с саньсиндуйскими, что, скорее всего, отражает шаманскую подоснову саньсиндуйских верований. Приведенный в качестве примера головной убор тувинского шамана (рис. 5.-4) похож и на стоящую на постаменте большую статую из Саньсиндуга (цилиндрическая основа с воткнутым в нее вертикально пучком перьев), и на статую в зооморфном головном уборе (личина и торчащие в стороны по бокам от нее «рога» из веточек и лент). Все эти атрибуты (рога, перья, личины) несли защитные функции и служили для запугивания злых духов [Вайнштейн, 1991, с. 271].

Однако нам не известны примеры, чтобы шаман для запугивания своих потусторонних противников применял маскировку, скажем, под владыку подземного мира Эрлика. А именно такую маскировку и отражает саньсиндуйская статуя в зооморфном головном уборе. Кроме того, отправление культа в Саньсиндуге происходило в стенах пышно обставленного антропоморфными статуями и другими бронзовыми атрибутами храма [Варенов и др., 2012, с. 18–19], для которого должны быть характерны регулярные богослужения с устойчивым ритуалом и где шаманские практики, основанные на личном экстатическом опыте и экспромте, оказываются малоприменимы.

Откуда же взялось широко распространенное представление о «саньсиндуйских шаманах»? Первая заметка о стоящей на постаменте крупной статуе увидела свет в одном номере журнала «Вэньу» со статьей о раскопках жертвенной ямы JK1 [Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань, 1987; Шэнь Чжунчан, 1987], т.е. гораздо раньше, чем оказалось издано предварительное сообщение обо всех остальных материалах жертвенной ямы JK2, где статуя и обнаружена [Эр Чэнь*, 1989; Саньсиндуй яньцзю, 2006, с. 180–210]. Статья об уникальной находке была немедленно переведена на английский язык для одного из самых авторитетных синологических журналов *Early China* [Shen Zhongchang, 1988, p. 291–295]. Многие положения этой первой предварительной публикации (не всегда, заметим, надежно обоснованные, вроде утверждения, что на ножках постаментов изображена перевернутая маска *тао-те*) впоследствии неоднократно воспроизводились в китайских и зарубежных исследованиях, посвященных бронзам Саньсиндуга. В частности, именно с легкой руки Шэнь Чжунчана за стоящим на пьедестале изображением закрепилось прозвание «жреца», «шамана», «вождя» или даже «правителя». Основанием для подобных титулов послужило «убеждение» автора, что статуя сжимает в руках нефритовые регалии *цун* – квадратные в поперечном сечении изделия с круглым сквозным отверстием. Им посвящена почти половина его статьи.

* Имя «Эр Чэнь» (букв. «два Чэня») – явный псевдоним. Авторами статьи почти наверняка были Чэнь Дэань и Чэнь Сяньдань.

Опираясь на цитату из «Чжоу ли» об использовании желтого *цун* в ритуале почитания Земли* и рассуждения Чжан Гуанчжи, что круглость и квадратность *цун* представляют Небо и Землю, а ось, проходящая через отверстие регалии, соответствовала Столпу (Опоре) Неба и Земли, по которому шаман осуществлял связь между двумя мирами, Шэнь Чжунчан предположил, что в бронзовые кулаки статуи из Саньсиндуня, якобы сжимающие *цун*, мог быть вставлен деревянный шест «для связи с Небом и Землей», а сама она представляла проводящего церемонию шамана или даже царя древнего Шу в роли верховного жреца [Шэнь Чжунчан, 1987, с. 17]. Нам уже приходилось указывать, что оси колец, образуемых ладонями большой статуи из Саньсиндуня, находятся в разных плоскостях, так что продеть шест соответствующего ширины ладоней диаметра сразу через оба кольца невозможно, а шест меньшего диаметра из них просто вывалится [Варенов и др., 2015, с. 21]. Кроме того, графическая реконструкция свидетельствует о том, что такой «соединяющий Небо и Землю» шест отклонялся бы в руках статуи от вертикали примерно на 40° (рис. 8.-2).

Нефритовые регалии *цун* на памятниках эпохи бронзы очень редки. В жертвенных ямах Саньсиндуня обнаружен только один *цун* – в ЖК1, где нет бронзовых антропоморфных статуй со сжатыми кулаками (рис. 11.-1-2). Высота данной регалии 7,6 см, ширина боковых граней 6,5 см, диаметр отверстия 5,2–5,4 см [Саньсиндунь цзисыкэн, 1999, с. 80–82]. Она приходится на 48 ритуальных нефритовых изделий иных видов, а всего нефритов в ЖК1 129 экз. [Саньсиндунь цзисыкэн, 1999, с. 61]. В яме ЖК2, при сопоставимом общем количестве нефритовых артефактов (115 экз.) *цун* среди них вообще нет. В «могиле Фу-хао» на Иньском городище в Аньяне найдено 14 *цун* трех разных типов, приходящихся на 755 нефритовых изделий (в том числе 175 «ритуальных» нефритов) [Иньской Фу-хао му, 1980, с. 114–116]. Правда, схожих по пропорциям и размерам с *цун* из Саньсиндуня, высотой 6,5 и 4,9 см и с диаметром отверстий 5,7 и 6,5 см, среди них только два (рис. 11.-3-4).

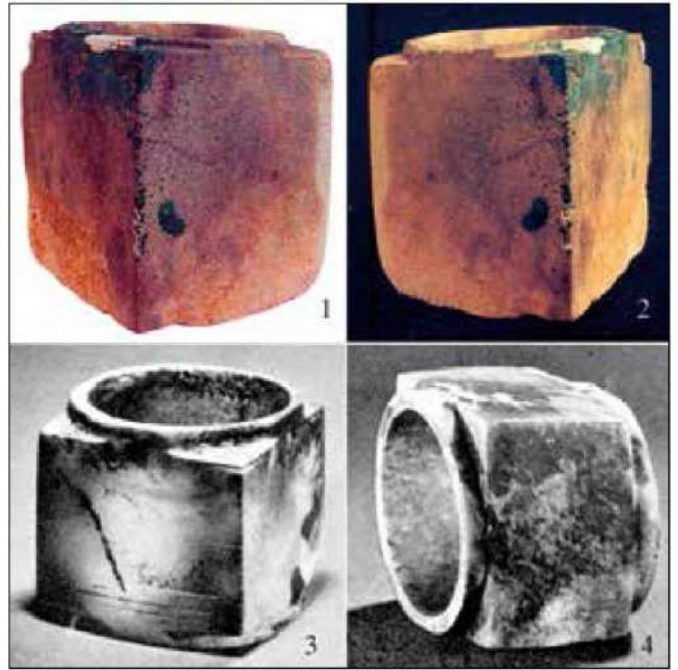

Рис. 11. Нефритовые *цун* из Саньсиндуня и могилы Фу-хао: 1, 2 – из жертвенной ямы ЖК1 в Саньсиндуне (одно и то же изделие, одно из изображений зеркальное); 3, 4 – *цун* II типа из могилы Фу-хао (М5) в Аньяне (3 – Обр. 594, 4 – Обр. 1244). По: [1 – Чэнь Дэань, 2000, с. 119; 2 – Саньсиндунь цзисыкэн, 1999, с. 533, цв. ил. 18; 3-4 – Иньской Фу-хао му, 1980, ил. LXXXI.-2, 3].

Разный масштаб

* Ся Най считал ханьские комментарии к «Сань ли» об использовании *цун* при жертвоприношениях земле, возложении его на живот покойного и дарении на аудиенциях супруге правителя «не более чем выдумками конфуцианцев» («no more than the fabrications of Confucianists»), поскольку, по его мнению, в до-цинскую эпоху подобных церемоний просто не существовало [Hsia Nai, 1986, p. 221].

Заключение

Реконструировать варианты применения «кубических» *цун* эпохи бронзы, высота которых примерно равна ширине их стороны, по жертвенным ямам Саньсиндую или по могиле Фу-хао невозможно, а значит, предположение Шэнь Чжунчана, что в ходе какого-то ритуала *цун* полагалось держать зажатым в руках, – всего лишь ничем не обоснованная догадка. Если судить по погребению М3 со стоянки Сыдунь позднеолитической культуры Лянчжу, где встречено 33 «длинных» *цун*, высота которых в несколько раз больше ширины их боковых граней (рис. 12), то похоже, что данные регалии, лежавшие рядами вдоль тела умершего, первоначально были нанизаны на какие-то шнуры или ленты или нашиты на погребальный покров [Чжу Цзуньго и др., 1984, с. 114].

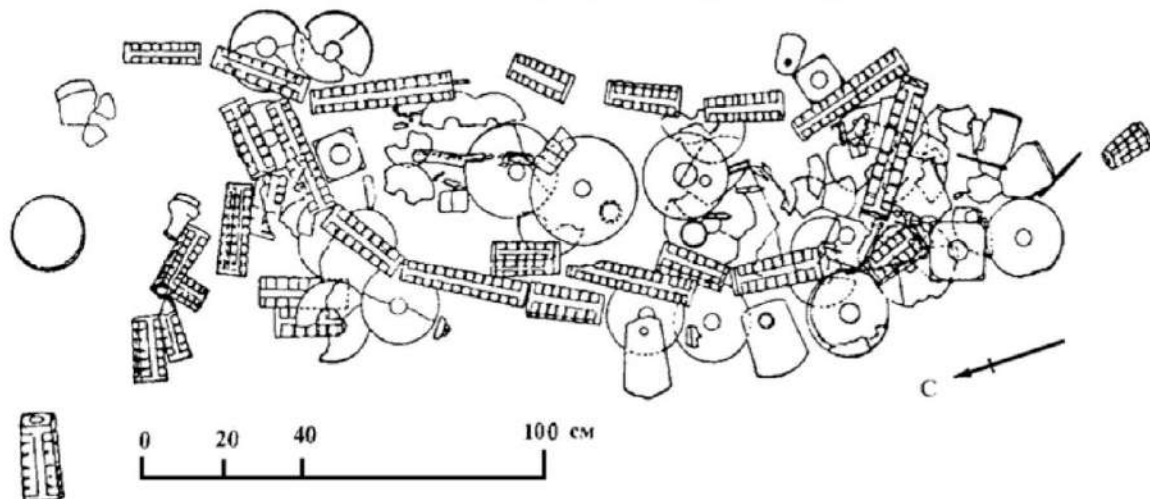

Рис. 12. План погребения М3 стоянки Сыдунь культуры Лянчжу.
По: [Чжу Цзуньго, Ли Вэньмин, Цянь Фэн, 1984, с. 114, рис. 5]

Исходя из того, что меньшие по размеру бронзовые статуи из ЖК2 изображали владыку подземного мира «Ямараджу/Чойджала» и правителя небесного мира пернатых «Гаруду», логично допустить, что самая крупная из дошедших до нас статуй саньсиндуйского храма представляла верховное божество создавшего ее народа. Главная отличительная черта этого персонажа – украшенный плюмажем или эгретом цилиндрический головной убор-корона имеется и у плоской антропоморфной нефритовой головки из большой могилы в Синьгань пров. Цзянси (рис. 8.-3) [Синьгань, 1997, с. 156–158]. Понятно, что одеяния представленных саньсиндуйскими статуями божеств древнего царства Шу должны были достаточно адекватно передавать особенности одежды его высших социальных слоев – правителей и жречества.

Библиографический список

- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М. : Наука, 1991. 296 с.
- Варенов А.В., Гирченко Е.А. Культурные бронзы Саньсиндую и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С. 246–251.
- Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндую и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4 : Востоковедение. С. 10–19.
- Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндую // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. 2013. Т. 12, вып. 4 : Востоковедение. С. 19–30.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые сосуды из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. 2014. Т. 13, вып. 4 : Востоковедение. С. 26–39.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые деревья из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4 : Востоковедение. С. 13–23.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые змеи и драконы из второй жертвенной ямы Саньсиндуя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. С. 284–288.

Гирченко Е.А., Варенов А.В. Бронзовые «священные алтари» и «святотелища духов» из жертвенных ям Саньсиндуя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. С. 214–219.

Гринцер П.А. Гаруда // Мифы народов мира. Т. I. М. : Советская энциклопедия, 1991. С. 266.

Кожин П.М. Место синьцзянских наскальных изображений колесниц в общей системе развития и распространения колесного транспорта // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2007. С. 251–260.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1984. 201 с.

Познер П.В. Царства Ба и Шу по материалам «Шуцзина», хроники «Чуньцю» и «Шицзи» Сыма Цяня // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М. : Наука, 1981. С. 208–223.

Сыма Цянь. Исторические записки. Т. I. М. : Наука, 1972. 440 с.

Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. М. : ГРВЛ, 1982. 272 с.

Hsia Nai. The Classification, Nomenclature and Usage of Shang Dynasty Jades // Studies of Shang Archaeology. Selected Papers from the International Conference on Shang Civilization. New Haven and London : Yale University Press, 1986. Pp. 207–236.

Shen Zhongchang. A Preliminary Report on the Standing Bronze Figure from Sacrificial Pit Number Two, Sanxingdui // Early China. 1988. Vol. 13. Pp. 291–295.

Иньсюй Фу-хао му. 殷墟婦好墓 (Могилы Фу-хао на Иньском городище). Пекин : Вэньчуаньшэ, 1980. 242 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй цзисыкэн. 三星堆祭祀坑 (Жертвенные ямы Саньсиндуя). Пекин : Вэньчуаньшэ, 1999. 628 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй юй Наньсылу: Чжунго синань лицзюй дэ цинтун вэньхуа. 三星堆与南丝路: 中国西南地区的青铜文化 (Саньсиндуй и южный Шелковый путь: бронзовая культура юго-западных районов Китая) / под. ред. Сяо Сяньцзинь [肖先进]. Пекин : Вэньчуаньшэ, 2007. 140 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй юй Цзиньша: гу Шу вэньмин ши шан дэ лянцы гаофэн. 三星堆与金沙: 古蜀文明史上的两次高峰 (Саньсиндуй и Цзиньша: две вершины в истории цивилизации древнего Шу). Чэнду : Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2010. 154 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй яньцзю. 三星堆研究 (Исследования Саньсиндуя). Т. I. Чэнду : Тяньди чубаньшэ, 2006. 282 с. (на кит. яз.).

Синьгань шандай даму. 新干商代大墓 (Большая шанская могила из Синьганя). Пекин : Вэньчуаньшэ, 1997. 334 с. (на кит. яз.).

Чжунго тунци цюаньцзи. 中国铜器全集 (Полное собрание бронзовых изделий Китая). Пекин : Вэньчуаньшэ, 1994. Т. 13. Ба-Шу. 32, 180, 54 с. (на кит. яз.).

Чжу Цзуньго, Ли Вэньмин, Цянь Фэн. 1982 нянь Цзянсу Чанчжоу Уцзинь Сыдунь ичжи дэ фацзюэ 汪遵国, 李文明, 钱锋. 1982 年江苏常州武进寺墩遗址的发掘 (Раскопки стоянки Сыдунь в уезде Уцзинь г. Чанчжоу пров. Цзянсу в 1982 г.) // Каогу. 1984. №2. С. 109–129 (на кит. яз.).

Чэнь Дэань. Саньсиндуй: гу Шу вангодэ шэнди 陈德安. 三星堆 : 古蜀王国的圣地 (Саньсиндуй: священная земля древнего царства Шу). Чэнду : Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2000. 124 с. (на кит. яз.).

Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань. Гуанхань Саньсиндуй ичжи ихао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао 陈德安·陈昱丹. 广汉三星堆遗址一号祭祀坑发掘简报 (Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы №1 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань) // Вэньчуаньшэ. 1987. №10. С. 1–15 (на кит. яз.).

Шэнь Чжунчан. Саньсиндуй эрхао цзисыкэн циньтун лижэнь сянь чуцзи 沈仲常. 三星堆二号祭祀坑青铜立人像初记 (Предварительное сообщение о бронзовой статуе стоящего человека из жертвенной ямы №2 в Саньсиндуе) // Вэньчуаньшэ. 1987. №10. С. 16–17 (на кит. яз.).

Эр Чэнь. Гуанхань Саньсиндуй ичжи эрхао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао 二陈·广汉三星堆遗址二号祭祀坑发掘简报 (Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы №2 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань) // Вэньбу. 1989. №5. С. 1–20 (на кит. яз.).

References

Vainshtein S.I. *Mir kochevnikov tsentra Azii* [World of Nomads of the Centre of Asia]. Moscow : Nauka, 1991. 296 p.

Varenov A.V., Girchenko E.A. *Kultovye bronzy Sanxingduya i puti ih semanticheskoy interpretatsii* [Cult Bronzes of Sanxingdui and the Ways of their Semantic Interpretation]. *Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : IAE SB RAS Publish., 2009. Vol. XV. Pp. 246–251.

Varenov A.V., Girchenko E.A. *Bronzovye golovy iz zhertvennyh yam Sanxingduya i rekonstruktsiya detaley inter'era drevnih hramov* [Bronze Heads from the Sacrificial Pits of Sanxingdui and the Reconstruction of the Interior Details of Ancient Temples]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. : Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2012. Vol. 11, Issue 4: Oriental Studies. Pp. 10–19.

Varenov A.V., Girchenko E.A. *Bronzovye maski, maskoidy i lichiny iz zhertvennyh yam Sanxingduya* [Bronze Masks and Maskoids from the Sacrificial Pits of Sanxingdui]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. : Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2013. Vol. 12, issue 4: Oriental Studies. Pp. 19–30.

Varenov A.V., Girchenko E.A. *Bronzovye sosudy iz zhertvennyh yam Sanxingduya* [Bronze Vessels from the Sacrificial Pits of Sanxingdui]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. : Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2014. Vol. 13, issue 4: Oriental Studies. Pp. 26–39.

Varenov A.V., Girchenko E.A. *Bronzovye derev'ya iz zhertvennyh yam Sanxingduya* [Bronze Trees from the Sacrificial Pits of Sanxingdui]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. : Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2015, vol. 14, iss. 4: Oriental Studies. Pp. 13–23.

Varenov A.V., Girchenko E.A. *Bronzovye zmei i drakony iz vtoroi zhertvennoi yamy Sanxingduya* [Bronze Snakes and Dragons from the Second Sacrificial Pit of Sanxingdui]. *Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : IAET SB RAS Publish., 2017. Vol. XXIII. Pp. 284–288.

Girchenko E.A., Varenov A.V. *Bronzovye “svyashchemnye altari” i “svyatilishcha duhov” iz zhertvennyh yam Sanxingduya* [Bronze “Sacred Altars” and “Spirit Sanctuaries” from the Sacrificial Pits of Sanxingdui]. *Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : IAET SB RAS Publish., 2015. Vol. XXI. Pp. 214–219.

Grintser P.A. *Garuda. Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 1. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1991. 266 p.

Kozhin P.M. *Mesto sinjianskih naskalnyh izobrazhenij kolesnits v obshchei sisteme razvitiya i rasprostraneniya kolesnogo transporta* [The Place of Xinjiang Rock Carvings of Chariots in the General System of the Development and Spread of the Wheeled Transport]. *Altai-Sayanskaya gornaya strana i sosednie territorii v drevnosti* [The Altai and Sayans Mountain Country and Adjacent Territories in Ancient Times]. Novosibirsk : IAET Publish., 2007. Pp. 251–260.

Mazin A.I. *Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konets XIX – nachalo XX veka)* [Traditional Beliefs and Rites of Orochon Evenks (the End of the XIXth – the Beginning of the XXth Century)]. Novosibirsk : Nauka, 1984. 201 p.

Pozner P.V. *Tsarstva Ba i Shu po materialam “Shutzina”, hroniki “Chuntsu” i “Shitszi” Syma Tsyanya* [Ba and Shu Kingdoms according to the Materials of “Shujing”, “Chunqu” Chronicle and “Shiji” by Sima Qian]. *Etnicheskaya istoriya narodov Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii v drevnosti I srednie veka* [Ethnic History of Peoples of East and South-East Asia in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow : Nauka, 1981. Pp. 208–223.

Syma Tsyuan. *Istoricheskie zapiski* [Historical Records (Sima Qian. “Shiji”)]. Vol. I. Moscow : Nauka, 1972. 440 p.

Temkin E.N., Erman V.G. *Mify drevnei Indii* [Myths of Ancient India]. Moscow : GRVL, 1982. 272 p.

Hsia Nai. *The Classification, Nomenclature and Usage of Shang Dynasty Jades*. Studies of Shang Archaeology. Selected Papers from the International Conference on Shang Civilization. New Haven and London : Yale University Press, 1986. Pp. 207–236.

- Shen Zhongchang. A Preliminary Report on the Standing Bronze Figure from Sacrificial Pit Number Two, Sanxingdui. Early China. 1988. Vol. 13. Pp. 291–295.
- Chen Dean. Sanxingdui: gu Shu wangguode shengdi 陈德安。三星堆：古蜀王国的圣地 (Sanxingdui: the Sacred Land of Ancient Shu Kingdom). Chengdu, Sichuan Renmin publishers, 2000. 124 p. (in Chin.)
- Chen Dean, Chen Xiandan. Guanghan Sanxingdui yizhi yihao jisikeng fajue jianbao 陈德安·陈显丹。广汉三星堆遗址一号祭祀坑发掘简报 (A Brief Report on the Excavations of Sacrificial Pit Number One at Sanxingdui Site, Guanghan County). Wenwu. 1987. №10. p. 1–15. (in Chin.)
- Er Chen. Guanghan Sanxingdui yizhi erhao jisikeng fajue jianbao 二陈。广汉三星堆遗址二号祭祀坑发掘简报 (A Brief Report on the Excavations of Sacrificial Pit Number Two at Sanxingdui Site, Guanghan County). Wenwu. 1989. №5. P. 1–20. (in Chin.)
- Sanxingdui jisikeng 三星堆祭祀坑 (Sacrificial Pits of Sanxingdui). Beijing: Wenwu publishers, 1999. 628 p. (in Chin.)
- Sanxingdui yanju 三星堆研究 (Sanxingdui Research). Chengdu : Tiandi publishers, 2006. 282 p., 32 pl. (in Chin.)
- Sanxingdui yu Nansilu: Zhongguo xinan diqu de qingtong wenhua 三星堆与南丝路:中国西南地区的青铜文化 (Sanxingdui and Southern Silk Road: Bronze Culture of South-Western Regions of China) / Ed. Xiao Xianjin [肖先进]. Beijing : Wenwu publishers, 2007. 140 p. (in Chin.)
- Sanxingdui yu Jinsha: gu Shu wenming shi shang de liangci gaofeng 三星堆与金沙:古蜀文明史上的两次高峰 (Sanxingdui and Jinsha: Two Peaks in the History of Ancient Shu Civilization). Chengdu : Sichuan Renmin publishers, 2010. 154 p. (in Chin.)
- Shen Zhongchang. Sanxingdui erhao jisikeng qingtong liren xian chuji 沈仲常。三星堆二号祭祀坑青铜立人像初记 (A Preliminary Report on the Standing Bronze Statue from Sacrificial Pit Number Two at Sanxingdui). Wenwu. 1987. №10. P. 16–17. (in Chin.)
- Xingan Shangdai damu 新干商代大墓 (The Large Shang Tomb in Xingan). Beijing : Wenwu publishers, 1997. 334 p., LXXXVIII pl. (in Chin.)
- Yinxu Fu Hao mu 殷墟妇好墓 (Tomb of Lady Hao at Yinxu in Anyang). Beijing : Wenwu publishers, 1980. 242 p., XL, CLXXXVIII pl. (in Chin.)
- Zhongguo tongqi quanji 中国铜器全集。第13卷。巴蜀 (The Complete Collection of Chinese Bronzes. Vol. 13. Ba-Shu). Beijing : Wenwu publishers, 1994. 32, 180, 54 p. (in Chin.)
- Zhu Zonguo, Li Wenming, Qian Feng. 1982 nian Jiangsu Changzhou Wujin Sidun yizhi de fajue 汪遵国, 李文明, 钱锋。1982年江苏常州武进寺墩遗址的发掘 (Excavations of Sidun site in Wujin county, Changzhou city, Jiangsu province in 1982). Kaogu. 1984. №2. P. 109–129. (in Chin.)

A.V. Varenov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

BRONZE HUMAN STATUES FROM SANXINGDUI AND RITUAL GARMENTS OF ANCIENT SHU KINGDOM

The article presents a review and analysis of bronze anthropomorphic statues specific for the Bronze Age Sanxingdui culture spread in the Sichuan province of the PRC. The author refers to full-size human figures at least 50 cm tall (but not their parts, e.g. heads) assembled from pre-cast details, as “statues”. Smaller items cast in one go are referred to as “figurines”. All statues were found in the sacrificial pit JK2 at the Sanxingdui site. The evolution of anthropomorphic statues can be divided into two or three stages. The final stage is represented by the bronze statue of a man standing on the pedestal. It was preceded by the stage of a wooden statue with bronze details. Its predecessor could be a primitive human figure made of a tree log. Peculiarities of construction and methods of production of bronze anthropomorphic statues of Sanxingdui were the same as of bronze masks of A and C types and bronze “spirit trees” No 2 and No 1, so they all belonged to the same time.

The statue of a man with bird claws on his feet, in which snake-like creatures with bird heads are trapped, has been proposed to be interpreted using the ancient Indian *Garuda* myth. The statue in zoomorphic headdress may illustrate the Sanxingdui myth about the Lord of the Underworld.

The presumption that the object held in the hands of a statue of a man standing on the pedestal may have been a jade *cong* is not considered to be valid enough.

Key words: China, Bronze Age, Sanxingdui culture, Sichuan province, bronze statues, sacrificial pits, bronze casting, garments, mythology, ritual.